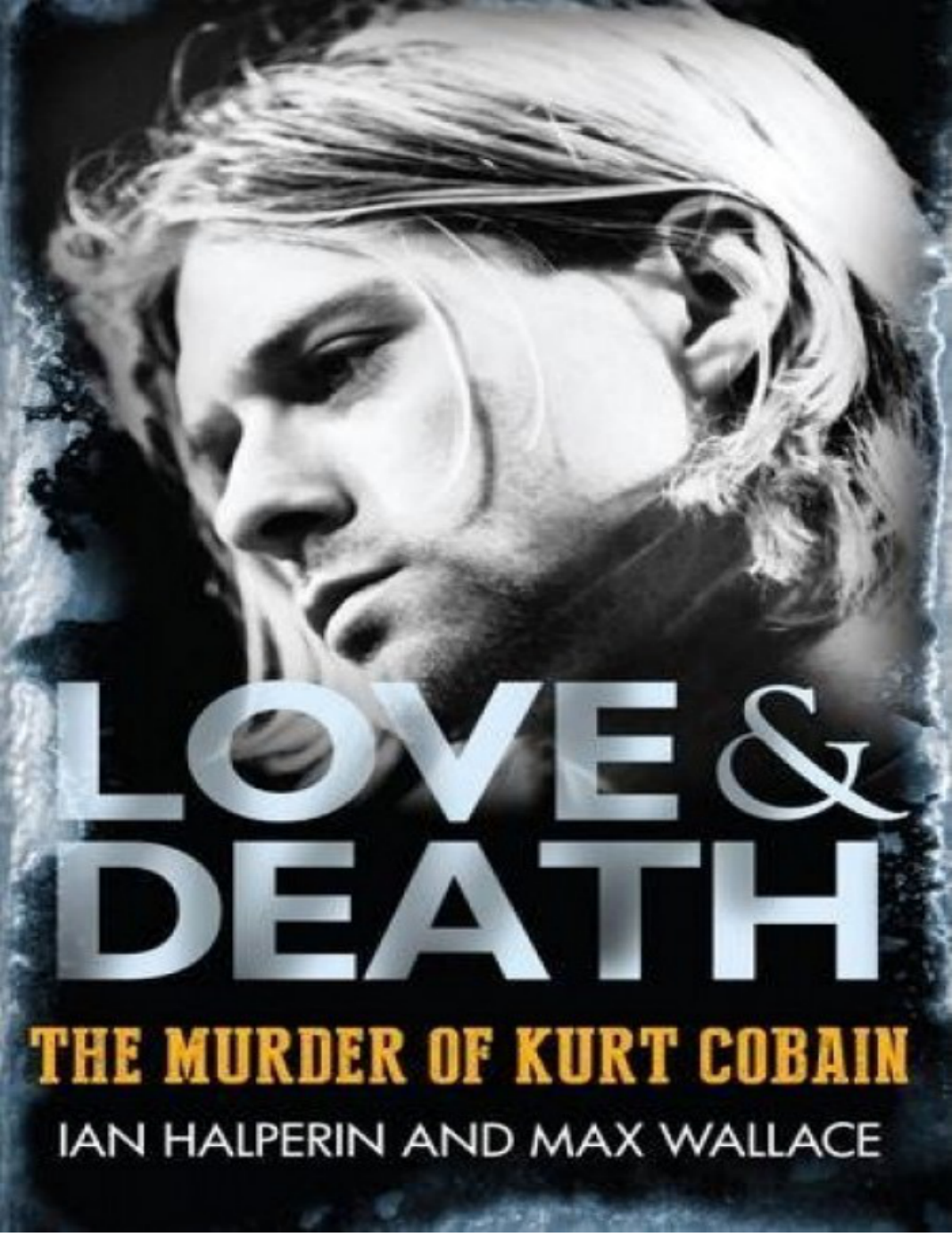
LOVE &
DEATH
THE MURDER OF KURT COBAIN
IAN HALPERIN AND MAX WALLACE

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новые и сенсационные факты расследования убийства Курта Кобэйна, включая эксклюзивную информацию с магнитофонных записей дела бывшего частного детектива Кортни Лав, и множество новых неопровержимых доказательств.

Новое и ошеломляющее расследование смерти одного из величайших рок-идолов нашего времени — обнаружены новые доказательства, приводящие к ужасающим выводам.

- Макс Уоллес и Йэн Гальперин
  - Любовь и Смерть
  - ВВЕДЕНИЕ
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - ПРИМЕЧАНИЕ ОБ ИСТОЧНИКАХ
  - ВЫРАЖАЕМ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ
  - Об авторах:

Макс Уоллес и Йэн Гальперин
Любовь и Смерть
Убийство Курта Кобэйна

Любовь и Смерть

В пятницу, 8 апреля 1994 года в Сиэтле, в комнате над гаражом было обнаружено тело. Для уполномоченных лиц это было очевидное самоубийство. Однако тогда никто не знал о том, что впервые раскрывается только здесь — человек, найденный в тот день мёртвым, Курт Кобэйн, суперзвезда, вокалист «Нирваны», был убит.

В начале апреля 1994 года Кобэйн на несколько дней пропал без вести, или так казалось; в действительности некоторые люди знали, где он находился, и одной из них была Кортни Лав. Ныне ставшая звездой Голливуда и рок-музыки, в начале 1994 года она готовилась к выпуску своего дебютного альбома на ведущей студии звукозаписи со своей группой «Hole», и ей было тогда известно, несмотря на то, что об этом мало кто знал, что Кобэйн собирался разводиться с ней. В книге «Любовь и Смерть» представлен критический портрет Кортни Лав; и также впервые обнародованы магнитофонные записи по этому делу, записанные частным детективом Лав, Томом Грантом, человеком, которому было поручено установить правду о смерти Курта Кобэйна; эта книга знакомит нас со множеством людей, которые рассказывают о различных теориях заговора об убийстве Кобэйна. Кроме того, дедушка Кобэйна публично сделал заявление о том, что его внук был убит. Используя новые судебные доказательства и полицейские отчёты, полученные согласно Закону о Свободе Информации, книга опровергает мифы, долгое время убеждавшие мир в том, что Кобэйн сам лишил себя жизни, и показывает, что с научной точки зрения официальная версия событий неправдоподобна.

На фоне по крайней мере шестидесяти восьми последующих за этим самоубийств, начиная с 1994 года, Макс Уоллес и Йэн Гальперин, отмеченные наградой за журналистские расследования, вели десятилетнюю ожесточённую борьбу за правду, и в книге «Любовь и Смерть» они, наконец, могут представить пугающие и убедительные доказательства того, что каждое из этих самоубийств можно было предотвратить — и при этом они требуют возобновить и должным образом расследовать это дело.

Памяти
Кристен Пфафф

ВВЕДЕНИЕ

Спустя несколько дней после выхода нашей первой книги «Кто убил Курта Кобэйна?» в апреле 1998 года, на нас обрушился поток писем, телефонных звонков и электронных сообщений. В большинстве из них содержался один и тот же вопрос: почему мы не ответили на вопрос, помещённый в заглавие книги.

Отправная точка нашего расследования была сделана в 1994 году, вскоре после смерти Кобэйна, когда Йэн Гальперин был в туре по Западному Побережью со своей группой, «State of Emergency». Один из бывших членов этой группы годом раньше переехал в Сиэтл и общался со множеством людей из окружения Кобэйна, в том числе с одним из тех, кто продавал Курту наркотики, и с его лучшим другом, Диланом Карлсоном.

Когда Йэн приехал в Сиэтл, его старый товарищ по группе познакомил его со многими представителями сиэтльской сцены, включая друзей Курта, каждый из которых высказывал свои сомнения по поводу официальной версии событий. Даже тогда, вскоре после очевидного самоубийства, в Сиэтле было ощущение, что смерть Курта, возможно, не наступила от его собственной руки.

Йэн, который встречался с Куртом в 1990 году, перед концертом «Нирваны» в Монреале, не придавал особого значения этим заявлениям, пока не услышал, что частный детектив, нанятый Кортни Лав, утверждает, что Курт был убит, и что в этом, возможно, замешана Кортни. Вернувшись в Канаду, Йэн нашёл своего старого литературного партнёра, Макса Уоллеса, который тогда руководил «CKCU-FM», старейшей альтернативной радиостанцией Северной Америки, и имел устойчивые связи в альтернативных музыкальных кругах. Десятилетием ранее мы разделили награду журнала «Rolling Stone» в номинации «журналистское расследование». Мы решили начать собственное небольшое расследование об обстоятельствах смерти Кобэйна и выпустили его несколько скептическую трактовку в июньском выпуске журнала «Canadian Disk» в 1995 году. На основании этой статьи нам было поручено снять документальный фильм о теории убийства, и несколько месяцев спустя мы отправились в Сиэтл и Калифорнию для расследования дела.

Но пока мы проводили собственное расследование, теория убийства приобретала собственный непреодолимый импульс. Частный детектив Кортни Лав, Том Грант, предал гласности свою теорию убийства на многочисленных национальных и международных форумах СМИ, включая показ по главной

телетрансляционной сети США. Вскоре наш документальный фильм превратился в наспех сделанную книгу, выпущенную в четвёртую годовщину смерти Курта.

Вместо того, чтобы поддержать обвинения Гранта, наша книга исследовала факты с обеих сторон, и в итоге просто позвонили в полицию, чтобы возобновить расследование. Некоторые критики посмеялись над теорией заговора, на которой основывается наша книга, но большинство похвалили нас за её объективность. «New Yorker» выдал нам кредит доверия, когда охарактеризовал эту книгу как «разумное представление взрывоопасного материала». Однако некоторые читатели, казалось, полагали, что мы были излишне разумны.

Среди несметного количества писем, которые мы получили после выхода книги, было несколько писем от судебных специалистов и сотрудников правоохранительных органов, которые говорили, что мы упустили свой шанс; из тех деталей, о которых мы рассказали, ясно видно, что Курт Кобэйн был убит. Но к тому времени дело для нас было закончено. Макс написал ещё две книги на другие темы, работал в качестве приглашённого обозревателя, ведущего постоянную рубрику в «Sunday New York Times», и снял два документальных фильма. Йэн написал три книги, устроился корреспондентом «Court TV», и начал актёрскую карьеру, получив роль друга Говарда Хьюза в фильме Мартина Скорсезе «Авиатор».

Тем временем снова стало широко освещаться в печати ещё одно громкое дело. Спустя месяц после выхода книги «Кто убил Курта Кобэйна?», бывший детектив Полицейского Управления Лос-Анджелеса Марк Фурман выпустил книгу «Убийство в Гринвиче», расследующую убийство в 1975 году пятнадцатилетней Марты Моксли — книгу, которая регулярно всеми правдами и неправдами боролась за первое место с нашей в списке бестселлеров реальных преступлений Ингрэма. Фурман указал на кузена Кеннеди Майкла Скэкела как на предполагаемого убийцу и, когда дело было возобновлено через двадцать семь лет, книге «Убийство в Гринвиче» поверили. 7 июня 2002 года Скэкел был осужден.

Фурман обнаружил самые значимые из новых доказательств спустя два десятилетия после смерти Марты Моксли. Спустя почти десятилетие после смерти Курта Кобэйна мы обнаружили собственные доселе скрытые новые доказательства.

1

Когда мы приехали в Монтесано, штат Вашингтон, чтобы взять интервью у дедушки Курта по отцовской линии, Лиланда Кобэйна, в июне 2003 года, был обычный дождливый день. Говорят, Лиланд и его покойная супруга Айрис были для Курта ближе, чем собственные родители; сообщалось, что незадолго до смерти Курт планировал отправиться на рыбалку со своим дедушкой. Хотя мы общались с ним, когда готовили нашу первую книгу, Лиланд — как и большинство ближайших членов семьи Курта — отказался давать интервью. Теперь, когда после смерти Курта прошло более девяти лет, мы узнали, что Лиланд, наконец, готов поговорить о своём прославленном внуке.

В большинстве биографий о ранних годах Курта рассказывается, что его семья проживала в трейлерном парке, что наводит на мысли о воспитании «белых отбросов». Действительно, тот маленький участок в Монтесано там, где живёт Лиланд, и где время от времени жил Курт на протяжении своей юности, официально обозначен в городском справочнике и, возможно, когда-то был предназначен для этой цели. Но когда мы приехали, то с удивлением обнаружили, что жилые помещения — это вовсе не трейлеры, а довольно маленькие домики из готовых блоков в стиле бунгало с ухоженными лужайками и красивыми деревьями. На многих подъездных дорогах оставлены лодки и тележки для гольфа, наводя на мысль о более богатом сообществе, чем мы ожидали, благодаря снисходительным биографиям и газетным сообщениям.

Лиланд тепло приветствует нас у дверей его немного тесноватого дома с двумя спальнями. Он и Айрис переехали сюда более тридцати лет назад, когда Курт был ещё маленьким, и после смерти Айрис в 1997 году Лиланд продолжает жить здесь один. Отсюда рукой подать до дома, где сам Курт недолго жил со своим отцом после развода его родителей. Когда настали трудные времена, он, тем не менее, искал убежища в доме его бабушки и дедушки. Было бы не совсем верно описывать дом как место поклонения Курту, но с того момента, как мы вошли, его присутствие можно заметить и ощутить повсюду. Первое, что бросается в глаза — золотой диск в рамке, вручённый «Нирване» в 1993 году. Под ним — китчевый густо-чёрный портрет Курта, несколько лет назад подаренный Лиланду одним из фэнов. Стены и книжные полки увешены фотографиями Курта и других внуков, в промежутках между ними — памятные таблички и призы, напоминающие об успехах Лиланда, который был чемпионом по

гольфу и дартсу. Большинство связанных с Куртом памятных вещей хранятся в подвале, включая сотни фотографий и писем, посланных Лиланду и Айрис фэнами «Нирваны» со всего мира.

«Я очень горжусь им, — говорит Лиланд, немного всплакнув, поскольку он остановился перед фотографией ангелоподобного трёхлетнего Курта. — Он был хорошим ребёнком. Мне его не хватает». Он ведёт нас на экскурсию по дому, показывая множество экспонатов, связанных с его внуком, и рассказывая о мальчике, который проводил много времени в стенах этого дома. Лиланд энергичен, ему семьдесят девять, у него в ушах слуховые аппараты, чтобы исправить глухоту, приобретенную тогда ещё молодым моряком в сражении в Гуадалканале во время Второй Мировой войны, и затем спустя годы обострившуюся из-за укатывания асфальта. После его увольнения из морской пехоты у него начались серьезные проблемы с алкоголем, который, по его признанию, сделал его «другим человеком». По мнению большинства, его проблемы возникли после того, как его отец, окружной шериф, был убит, когда его ружьё случайно выстрелило. Однако, как сообщают, он стал алкоголиком после того, как его третий сын, весьма отсталый мальчик по имени Майкл, умер в учреждении в возрасте шести лет. Тем не менее, Лиланд вскоре одолел своих демонов-искусителей, стал набожным и полностью завязал с алкоголем. «Я изменился», — вспоминает он. К 1967 году, к тому времени, когда родился Курт, он стал уважаемым гражданином Монтесано, регулярно посещающим церковь и, по мнению большинства, довольно хорошим отцом и дедом, часто ухаживающим за Куртом и его младшей сестрой Ким. Но наиболее тесно Курт общался не с Лиландом, а с Айрис.

«Они были так похожи, — вспоминает Лиланд, указывая на фотографию поразительно красивой брюнетки, сделанной сразу после их свадьбы. — Курт очень любил свою бабушку. Я думаю, что Айрис была для него ближе, чем собственная мать. Склонность к искусству передалась ему от Айрис, это точно».

Лиланд достаёт коробку с детскими рисунками Курта. На одном из них, изображающем Дональда Дака, есть подпись: «Курт Кобэйн, 6 лет»; в столь юном возрасте у него уже проявился художественный талант. «Когда я это увидел, я сказал Курту: «Ты не мог нарисовать это сам, ты рисовал по контуру», и он, рассердившись, ответил мне: «Это действительно я!».

После того, как Курт навсегда уехал из родного города в 1987 году, он общался с бабушкой и дедушкой только от случая к случаю. Лиланд достаёт рождественскую открытку, полученную после отъезда Курта:

«Дорогие бабушка и дедушка: я давно вас не видел, очень по вас скучаю. Нет мне прощения за то, что я не приезжаю…. Мы только что выпустили сингл, и его уже раскупили. Я так счастлив, как никогда в жизни. Было бы здорово, если бы и вы дали о себе знать. С Рождеством!

С любовью, Курт»

Лиланд не читал нашу первую книгу, и мы уже должны были рассказать ему, о чём будет новая. После экскурсии по дому и целого часа выслушивания историй из жизни Курта и его семьи, пока мы сидели за обеденным столом, мы, наконец, уже приготовились поднимать интересующий нас вопрос, но самым трудным было начать этот разговор. Несколько лет назад два брата Лиланда покончили с собой, подкрепляя самые распространённые из всех клише об участи самого Курта — что он так или иначе унаследовал «ген самоубийства». Вполне понятно, какая это деликатная тема, и когда речь заходит о семейных трагедиях, голос Лиланда становится сдавленным. Наконец мы спрашиваем его, как они с Айрис себя чувствовали, узнав, что их собственный внук покончил с собой.

Он ответил совсем не так, как мы ожидали. «Курт не совершал самоубийства, — сухо заявляет он. — Он был убит. Я уверен в этом».

* * *

Через несколько дней и недель после смерти Курта Кобэйна в 1994 году, в его родной город Абердин, штат Вашингтон, нагрянуло множество журналистов и биографов в поисках разгадки самоубийства самого известного выходца из этого города, того самого, который Курт постоянно высмеивал в своей музыке, интервью и дневниках. В Абердине чувство безнадёжности было настолько явным, что многие уезжали, не удивляясь тому, что Курта постигла такая судьба, при таких обстоятельствах она, возможно, была даже неизбежна. Число самоубийств в Абердине вдвое превосходит общее количество самоубийств по стране, и уровень безработицы неустойчив с тех пор, как несколько лет назад лесозаготовительная промышленность приблизилась к краху. Наркотики и другие признаки безысходности приводили к глубокой депрессии.

«Как будто город был в ответе за гибель Кобэйна — это вполне понятно, — написал Микэл Гилмор, который посетил Абердин спустя неделю после смерти Курта. — Когда вы

сталкиваетесь с трагической гибелью в результате самоубийства, трудно удержаться от того, чтобы не воскрешать в памяти события жизни погибшего в поисках тех ключевых эпизодов, которые привели бы его к такому ужасному концу. Если исследовать дальнейшую жизнь Курта Кобэйна, вы неизбежно придёте к тому, что вернётесь назад в Абердин — на родину, от которой он бежал».

Теперь мы приехали в Абердин спустя девять лет в поисках новых разгадок.

Через три часа после нашего интервью с Лиландом, проехав несколько миль по шоссе, мы натыкаемся на неожиданно ценный источник сведений о Кобэйне: это две женщины лет двадцати, мальчик семнадцати лет с тонкими длинными волосами, и малыш. Они слоняются у автобусной остановки, когда мы останавливаемся, чтобы спросить дорогу, и мы поспешно заводим разговор о самом известном сыне Абердина.

Они слишком молоды, чтобы знать Курта, но мы спрашиваем их, слышали ли они когда-нибудь его музыку. «Да тут больше никто не слушает такую дрянь», — отвечает мальчик, очень похожий на юного Курта, только без характерных сияющих голубых глаза. Он говорит, что сейчас в Абердине рулит хип-хоп и «смертельный металл». Они делают нам предложение, от которого мы не можем отказаться: «Хотите посмотреть на его дом?», и затем продолжают поездку, втиснувшись в нашу машину. Ребёнок, зажатый между своей матерью и скейтбордом, радостно ёрзает в ожидании приключения. «А потом, если хотите, мы познакомим вас с одним из старых друзей Курта», — говорит Отам1, двадцатитрёхлетняя мать. Она сказала, что дома у неё ещё двое детей, а затем отваживается спросить: «А вы — из службы по борьбе с наркотиками?».

Пока мы мчимся по улицам этого зловещего города мимо одних лишь церквей и баров, невольно вспомнилось описание Дэйла Кровера, абердинского друга Курта, который однажды сказал: «Здесь нечего делать, только курить траву и поклоняться Сатане». «Это правда?» — спрашиваем мы наших импровизированных гидов. «Ещё как, — говорит парень. — Ах, да, и ещё можно кататься на скейтборде. Это тут всегда есть».

Наша машина, набитая битком, подъезжает к маленькому, безупречно отделанному дому 101 на Ист-1-стрит в городском квартале, который здесь носит название «квартиры». Семья Курта переехала сюда вскоре после его рождения из дома, который они снимали в находящемся по соседству Хоквиэме. Его отец, Дон, работал механикам на местной автозаправочной станции «Шеврон», чтобы содержать семью, в то время как его мать,

Венди, заботилась о Курте, родившимся 20 февраля 1967 года, и его сестре Ким, которая родилась три года спустя. Венди экономила и откладывала часть заработка Дона, чтобы купить дом — символ респектабельности, объявляющий о достижении уровня среднего класса, и решительном шаге вперёд от её собственного происхождения из рабочего класса. Она решила, что её дети обязательно чего-нибудь добьются и им, в конце концов, удастся избежать тупика, который представлял собой Абердин для большинства детей, которые выросли здесь.

И все же отец Дона Лиланд никогда не одобрял Венди или то, что он называл её «карьеризмом».

«Я думаю, она считала себя лучше нашей семьи, — вспоминает он. — Она всегда критиковала Дона, потому что он себя недооценивал. Она хотела, чтобы он зарабатывал больше, и всегда была недовольна».

В Абердине не чествуют его статус колыбели музыкального движения под названием грандж. В самом деле, первое, что замечаешь, когда едешь по городу в поисках признаков того, что здесь росла суперзвезда — то, что их нет вообще, даже в музее, посвященном сохранению местной истории. В музее есть много свидетельств того, что Абердин одно время гордился своими борделями, которых было более пятидесяти, и они обслуживали лесорубов и моряков, пока их не закрыли на волне нравственности в 1950-х годах. Но местные жители как будто бы боятся заявить о том, что Кобэйн — один из них.

Мы спрашиваем смотрителя музея Дэна Сирса, правда ли, что в Абердинском Музее Истории нет ни единого упоминания о Кобэйне из-за града насмешек, которыми Курт наградил город — город, население которого он когда-то описал как «крайне фанатичных, жлобствующих, жующих порошок, охотящихся на оленей, убивающих гомиков лесорубов».

«Ничего подобного, — отвечает Сирс. — Это из-за того, что мой предшественник сказал, что не хочет, чтобы сюда всё время ходили толпы длинноволосых хиппи». Он замечает, что мы сегодня уже третьи, кто спрашивает о Кобэйне. Всего несколько минут назад он отвечал на вопрос сорокалетнего мужчины и его сына, которые проехали тысячу миль, чтобы посетить родной город Курта.

Сирс действительно рекомендует одно связанное с Куртом место в Абердине, который мы, возможно, захотели бы посетить, но даже это уважение, кажется, рассматривалось со своего рода обиженным замешательством. Несколькими годами ранее местная водительница грузовика Рэнди Хаббард, ставшая скульптором, создала 600-футовую бетонную статую Кобэйна в

натуральную величину в гараже магазина глушителей своего мужа. «Я думаю, что во всех нас есть частица Курта Кобэйна, — объясняет Хаббард, которая была знакома с Куртом, когда их семьи жили в Абердине в квартале друг от друга. — Когда мы познакомились, он был таким маленьким. По словам Курта, жители Абердина не любили изменений или культуры. Я хотела поместить что-нибудь на въезде в город, чтобы показать миру, что некоторые из нас любили Курта».

Сперва абердинский муниципалитет одобрил её предложение установить памятник в парке у восточного въезда в город. Но потом от местных жителей начали поступать гневные письма и звонки, и члены городского муниципалитета быстро пошли на попятный. Местный президент торговой палаты подвел итог общему настроению: «Многие заслуживают почёта. [Но] есть разница между тем, кто известен, и тем, кто имеет дурную репутацию».

Сегодня памятник запрятан среди автомобильных деталей и засаленных тряпок. Это и к лучшему; Курт бы этого никогда не одобрил. Он не хотел иметь никакого отношения к Абердину или его жителям, что ясно дал понять его товарищ по группе Крист Новоселич, когда он публично угрожал разбить статую на части, если её когда-нибудь торжественно откроют. «Если кто-нибудь воздвигнет Курту памятник, я его сброшу», — сказал Новоселич в 1994 году. — Он бы этого не хотел. Это — не то, чем собирался стать Курт». (Несколько лет спустя Хаббард создала первую скульптуру — памятник пожарному — которую установили в Граунд Зиро — эпицентре взрыва 11 сентября).

Но если город был не в состоянии гордиться своим самым известным сыном, кажется, что каждый здесь как-то связан с Кобэйном и очень хочет поговорить об этом, что мы обнаружили, когда портье нашей гостиницы сказала нам, что ходила вместе с Куртом в детский сад».

«Он был тихим парнем, — вспоминает Бобби Фаулер. — Дети имели обыкновение дразнить его, потому что он был из бедной семьи. У него не было тех вещей, которые были у других детей. Он боролся со своей мамой — это было общеизвестно. Она плохо с ним обращалась. У семьи Курта было не так много денег». Это не совсем согласовывается с описанием Курта, которое приводит его официальный биограф, Майкл Азеррад, в 1993 году. «Я был чрезвычайно счастливым ребенком, — вспоминал он. — Я постоянно вопил и пел. Я не знал, когда угомониться. Меня в итоге били дети, потому что когда я хотел играть, я становился таким возбуждённым. Я очень серьёзно воспринимал игру. Я был просто очень счастлив».

С раннего возраста у Курта был воображаемый друг по имени Бодда, с которым он познакомил свою семью, и для которого он потом выделил специальное место за столом. Когда пятилетний Курт был задержан абердинской полицией как главный подозреваемый в истязаниях соседской кошки, вина была возложена на Бодду. Но если не считать краткого периода пребывания на риталине для контроля его гиперактивности — состояния, которое должно было постепенно естественным образом сходить на нет, когда его родители ограничили употребление им сахара — по мнению большинства Курт был типичным маленьким мальчиком.

Говорят, что ключ к объяснению того, что привело его счастливое детство к внезапному крушению, можно найти на стене в его доме на Ист-1-стрит — куда наши новые друзья отвезли нас, где мы сделали первую остановку в нашем Кобэйн-туре по Абердину. Здесь юный Курт будто бы нацарапал на стене своей спальни: «Мама плохая, папа плохой, вот почему я несчастный такой» после того, как отношения его родителей начали портиться, и он слышал, как они почти постоянно дрались. История, впоследствии много раз рассказанная его матерью, возможно, недостоверна, но её постоянно повторяют летописцы, пытающиеся объяснить его путь к самоубийству, каждый из которых прослеживает его путь по наклонной с развода его родителей в 1975 году, когда Курту было восемь лет. Это первое из длинной вереницы клише, которые монотонно повторяются, почти как мантра, теми, кто ищет подходящие ответы на вопрос, что же привело его к такому концу.

«Конечно, развод его родителей подействовал на Курта, — говорит его дедушка. — На какого ребёнка не повлияет то, что его родители расходятся? Но я думаю, что иначе немного позже не произошло бы настоящего удара, в котором, как я предполагаю, был виноват этот развод».

Как почти все те, с кем мы говорили в Абердине, Лиланд нарисовал неприятную картину отношений Курта со своей матерью. «Она действительно была к нему равнодушна, пока он не стал известным. Она не хотела иметь с ним дела. Возможно, она не могла справиться с ним или что-то в этом роде, хотя с ним не возникало особых проблем».

Когда Дон, наконец, уехал из дома вскоре после того, как Курту исполнилось девять лет, Венди пригласила к себе жить своего нового приятеля, человека, которого Курт позже опишет как «мерзкого, громадного избивателя жены». Осознав себя в роли отца, приятель матери зачастую устраивал Курту порку за малейшую провинность. Отказ его матери от опеки над ним стал

причиной ухода мальчика в свой собственный маленький мир. Венди позже признавала, что этот человек был «чокнутым — параноидальным шизофреником». По предложению своего нового приятеля она вскоре позволила Курту уйти жить к своему отцу, который снимал маленький домик неподалёку от Лиланда и Айрис в Монтесано.

Хотя Лиланд сурово отзывается о том, как его невестка обращалась с Куртом, он не жалеет обвинений и для собственного сына. Сначала, вспоминает он, Курт был крайне счастлив, живя с Доном. «Они обычно ходили на рыбалку, и всё время проводили вместе. Они делали всё то, чем обычно занимаются отец и сын. Курту было хорошо. Не думаю, что я — единственный, кто заметил, что он был в восторге от того, что ушёл от матери. И я думаю, что Курт никогда в жизни не был так счастлив, как тогда».

Вскоре это изменилось, когда Дон встретил женщину с двумя детьми и женился на ней. Новая мачеха Курта делала всё, что могла, чтобы заслужить его любовь. Но проблема была не в ней.

«Я сразу же заметил одну вещь после того, как Донни женился на этой женщине — он относился к Курту иначе, чем к её детям, — говорит Лиланд. — Они могли делать всё, что угодно, но их не наказывали, но если Курт делал что-то не так, ему по полной попадало от отца. Донни никогда не хотел разводиться с Венди, и я думаю, что он боялся, что его новая тоже бросит его, и поэтому он лез из кожи вон, чтобы угодить ей. У неё были сын и дочь, и если на столе лежало яблоко, один из её детей мог взять яблоко, откусить от него кусок и положить его обратно на стол, но если бы это сделал Курт, Донни отвесил бы ему затрещину или что-то в этом роде. Я говорил Донни: «Ты потеряешь своего мальчика». Я сказал: «Чёрт возьми, ты должен обращаться с ним так же, как и с её детьми», но он возразил: «Что за бред — я не обращаюсь с ним по-другому». Я знаю, что Курт обижался на это, и я думаю, именно тогда действительно появилось множество проблем».

Когда Курт был юным, дети в Абердине и Монтесано обычно делились на три категории — качки, рокеры и «неудачники». Курт находился где-то посередине между двумя последними. Сейчас, объясняют наши молодые компаньоны, всё так же есть три отдельные группы, только квалификации теперь другие: ты или «скричер» (тот, кто курит траву), или «твикер» (тот, кто употребляет кокаин), или «джанки» (тот, кто употребляет героин или крэк).

Мы понимаем, что Донни Коллиер — несомненно, «скричер», когда первое, о чём он спрашивает нас, это есть ли у нас «хорошая канадская травка». Наши новые друзья привезли нас на

встречу с Коллиером в его маленький домик в Северном Абердине, потому что он предположительно был «очень близким другом Курта». Вскоре становится ясно, что Курт был другом не столько Коллиера, сколько его дяди Дэйла Кровера, члена местной группы «Melvins», впоследствии ударника «Нирваны».

Любовь к поп-музыке развилась у Курта в раннем возрасте, когда он слушал свои любимые группы «Beatles», «The Mamas and The Papas» и «Monkees» на старом стереомагнитофоне своей тёте Мэри. Несмотря на это или из-за того, что он постоянно стучал на барабане, ни один из его родственников никогда не думал, что юный Курт будет иметь такую тягу к музыке. Все просто предполагали, что он будет художником после того, как один из его рисунков поместили в школьной газете, когда ему было шесть лет. Но поскольку он всё больше и больше отдалялся от новой семьи своего отца, музыка, а не живопись, стала его спасением. Дон серьёзно увлекался рок-н-роллом и вступил в Музыкальный Клуб Коламбия-Хаус («Стань обладателем двенадцати пластинок всего за цент».). Когда начали приходить пластинки, Курт обнаружил, что существует более тяжелый саунд, чем жвачный поп, который он всегда любил. Это вскоре привело его в новый круг друзей — группу хэви-металлистов гораздо старше него и курящих траву, которые собирались, чтобы послушать и обменяться пластинками таких групп, как «Kiss», «Aerosmith» и «Black Sabbath». «После того, как они вызвали у меня интерес к этой музыке, — позднее вспоминал Курт, — я начал превращаться в этакого маленького стоунера».

К тому времени, как он получил на четырнадцатилетие свою первую гитару от своего дяди Чака, Курт уже решил, что будет рок-звездой. Когда он начал брать уроки игры на гитаре, он хотел играть только «Led Zeppelin», вспоминает Уоррен Мэйсон, гитарист из группы брата Венди Чака, который помнит «маленького белокурого мальчика, наблюдающего, как мы играем». Мэйсон по-прежнему публикует по всему Абердину объявления, приглашающие местных жителей обучаться у «человека, который учил играть на гитаре Курта Кобэйна».

Чак заплатил Мэйсону 125 долларов за старый «Gibson Explorer» и подарил его Курту. «На первом уроке я спросил Курта, может ли он что-нибудь сыграть, и он согласился, — вспоминает Мэйсон. — Он играл «Louie, Louie» на одной струне. Впоследствии Курт признал, что многие из его песен базировалось на «Louie, Louie», где была одна и та же последовательность из четырёх-пяти аккордов. Когда я спросил его, чему он хочет научиться, он сказал, что хочет разучить «Stairway To Heaven». Его любимой группой в то время была «ELO»». Спустя годы Курт пришёл в

ярость, прочитав в «Rolling Stone» интервью с Мэйсоном, изобличающее Курта в том, что с ранних лет он любил «Led Zeppelin» и другие мэйнстрим-группы. «Его также взбесило то, что я сказал, что он был хорошим ребёнком», — вспоминает Мэйсон. Хотя такие группы, как «The Sex Pistols» и «Ramones» уже задавали тон музыкальной революции, которая однажды изменит его жизнь, панк-рок всё ещё не проник на абердинскую сцену.

К пятнадцати годам, будучи не в силах жить с женой Дона и своими сводными братом и сестрой, Курт курсировал взад-вперёд между домами своих родителей. Но терпение его матери истощилось — его поведение становилось всё более и более бунтарским, особенно после того, как Курт был арестован за то, что написал спреем «Гомосексуализм — это круто» на стене местного банка — поступок, больше отражающий его склонность к тому, чтобы позлить местных жителей, чем его сексуальную ориентацию. Венди отправляла его к многочисленным родственникам, включая его бабушку и дедушку, которые по воскресеньям брали его с собой в церковь. Он не особенно читал проповеди, вспоминает Лиланд, но он любил музыку, и какое-то время Курт даже пел в хоре, где он мог отточить свои вскоре проявившиеся отличные вокальные способности.

А потом в возрасте шестнадцати лет Курт Кобэйн открыл для себя панк благодаря другу по имени Мэтт Лакин, с которым Курт познакомился в самом непривлекательном месте. Они играли в одной команде Малой лиги бейсбола, куда Курт попал для того, чтобы угодить своему отцу (или, как он впоследствии утверждал, чтобы никто не обвинял его в том, что он — качок). Мэтт был басистом местной группы, в насмешку названной в честь умственно отсталого служащего «Трифтвей» по имени Мелвин, который любил лазать по крышам. За год до этого Курт учился в том же художественном классе средней школы, что и лидер «Melvins» Базз Осборн, когда те ещё были группой, исполняющей кавер-версии песен Джими Хендрикса / «The Who». Но на тот момент группа была нацелена на злой, мятежный панковский саунд — музыку, как раз подходящую для того, чтобы послать подальше всех тех, к кому они питали ненависть — местных жлобов, качков, стоунеров и, больше всего, своих родителей. Лакин и Осборн стали одалживать Курту свои драгоценные потаённые запасы кассет с панком и новой волной, наряду с самым дорогим — книгой с фотографиями «Sex Pistols». Вскоре он примкнул к другим «клинг-онс» — прозвище местных «неудачников», собиравшихся вокруг «The Melvins» — в абердинском месте для репетиций, где группа играла музыку, которая изменит мир Курта.

«Это то, что я искал, — записал Курт в своём дневнике после того, как он увидел группу, впервые играющую за местным «Трифтвеем». — Я прибыл в обетованную землю на парковке гастронома и обрёл свою особую цель».

Двадцать лет спустя Донни Коллиер, племянник Дэйла Кровера, ударника «The Melvins», делает глубокую затяжку из его трубки и продолжает делиться своими воспоминания о Курте, с которым он познакомился на репетиции «The Melvins». «У нас была компания, мы приходили сюда после школы, пока группа репетировала, и просто там болтались. Иногда он играл с группой, но пока ещё не очень хорошо. Не помню, вроде они не обращали на него особого внимания. Но они были самыми крутыми парнями в городе и любой, кто с ними тусовался, автоматически считался крутым. По крайней мере, мы так думали. Я считаю, это было практически единственное место, где Курт действительно был своим человеком. Всегда читаешь о том, что Курт был очень тихим, но я никогда этого особенно не замечал. Там был такой тормозной парень, Скотти Каратэ, который приходил и болтался там всё время. А Курт его всё время дразнил, постоянно доставал его; он мог быть тем ещё хулиганом. Со мной он был довольно мил, хотя, возможно, потому что мой дядя играл в этой группе. Он обычно продавал мне траву. Курт не был матёрым дилером или кем-то в этом роде, но он всегда продавал с небольшой наценкой, чтобы немного подзаработать».

У Коллиера кончилась марихуана, которой он обычно набивал трубку, запах которой витал в комнате в течение последних двадцати минут. Он предлагает отвезти всех к «Мосту Курта Кобэйна», который прозвали так, потому что Курт увековечил его в разрывающей душу песне «Something in the Way», и впоследствии утверждал, что ночевал под ним, когда мать выгнала его из дома. Сейчас, согласно опровержениям сестры Курта, Ким, считается, что эти рассказы — миф, что в действительности Курт вообще никогда не ночевал под мостом, а просто приукрашивал истории, чтобы его юность казалась более несчастливой.

«Нет, придумано только то, что он ночевал под мостом через Вишку, — объясняет Коллиер, имея в виду массивный мост, через который надо перейти, чтобы попасть в Абердин. — Вы не сможете спать под тем мостом. Вас бы просто смыло течением».

Вместо этого Коллиер везёт нас к гораздо меньшему строению, известному как Северный Абердинский Мост, и мы спускаемся вниз по дорожке к зловонной реке Вишке сквозь тернистые заросли ежевики и кустарников, выбравшись на просторный скалистый склон под опорой моста. «Вот где он

спал, — говорит Коллиер, его слова иногда заглушает грохот машин сверху. — Почти каждый абердинский ребёнок раз-другой находит здесь ночлег. Любой, кто утверждает, что Курт не ночевал здесь, не знает, о чём говорит. Здесь сухо, довольно тепло и можно разбить палатку. Курт иногда проводил здесь несколько ночей подряд всякий раз, когда мать выгоняла его. Потом, если здесь становилось слишком сыро или печально, он ночевал у кого-нибудь на полу. Но здесь хорошо играть на гитаре. Акустика замечательная». Одна из девушек, Энжела, которая провела с нами весь день, рассказывает нам, что ночевала под этим мостом пять дней в 1995 году после того, как её собственные родители выгнали её из дома. «Было сухо, но не очень тепло, — вспоминает она. — Я отморозила себе всю задницу». Следы от небольшого костра, на котором что-то готовили, и оставленный спальный мешок наводят на мысль, что кто-то не так давно действительно ночевал здесь. Но это — не единственный признак человеческой деятельности. Судя по граффити, украшающим каждый доступный дюйм бетонных колонн, стен и потолка, мы — не первые из тех, кто совершал паломничество под этот мост в поисках призрака Курта на берегах Вишки.

«Всему, что я знаю, я научился у «Нирваны». Спасибо тебе, Курт!» — нацарапал один из фэнов. «Курт Жив!» — написал спреем другой. Среди сотен чувств, воздающих должное своему музыкальному герою, мы сразу же замечаем одни и те же граффити из трёх слов — «Кто Убил Курта?» — написанные спреем, нарисованные и нацарапанные, как неотвязный шёпот из по меньшей мере десяти разных мест. Однако Донни Коллиер не особенно верит в теории убийства. «Когда я был с ним знаком, он, конечно, не походил на парня, который в итоге покончит с собой, но кто знает, что случилось после того, как он уехал отсюда? — пожимает он плечами. — В этом мире я уже ничему не удивляюсь, но я сомневаюсь, что он был убит. Я думаю, что он просто не мог больше этого выносить».

Отам, молодая мать, добавляет: «Кто из выросших здесь не хотел бы покончить с собой? Здесь всё время идёт дождь и нечем заняться. Он принимал героин, а героинщики умирают здесь почти каждый день. К этому так привыкли, что газеты уже даже не печатают такие объявления». Она держит ребёнка на руках, чтобы он случайно не наступил на грязный шприц, говорит она, но мы не видим никаких игл, просто множество сигаретных окурков и несколько бутылок пива.

«Почему ты остаёшься здесь? — спрашиваем мы. — Ты когда-нибудь мечтала отсюда сбежать?». Она скептически смотрит на

нас и кротко отвечает: «И куда бы я пошла?».

Когда мы вышли из-под моста, дети спрашивают нас, хотим ли мы познакомиться с дочерью Курта. Вопрос странный, поскольку дочери Курта, Фрэнсис Бин, одиннадцать лет и, как известно, она живёт в Лос-Анджелесе. «Нет, у него есть внебрачная дочь от местной девушки, с которой он спал, когда ещё жил здесь, — утверждает Анжела. — Она похожа на него, как две капли воды, и она всё время говорит, что Курт — её папа. Большинство людей думает, что это так и есть». Будучи скептически настроенными, мы отказываемся от приглашения. После того, как мы высадили их в центре города и немного заплатили наличными, чтобы каждый «получил по сорок» (кружку пива в 40 унций, напиток, который предпочитают в этих краях), мы направляемся в местный бар, где, как нам сказали, мы сможем поймать человека, оставшегося в Абердине, который, возможно, пролил бы свет на то, как сам Курт, в конце концов, сбежал от этой печальной, кажущейся тупиковой жизни.

* * *

Шесть вечеров в неделю, каждый вечер в новом месте, Дэйв Рид организовывает то, что, кажется, является главным источником развлечения в этих краях — караоке. Мы приехали в бар «Trio», где вечерняя программа уже идёт полным ходом. Нас сразу же поразила одна вещь, столь же низкопробная, как и окружающая среда: люди здесь развлекаются, это с тех пор, как мы приехали, первый признак того, что не все в этом городе считают его деревенским захолустьем, лишённым культуры. Когда грузная женщина средних лет закончила визжать нескладную версию «Brown Eyed Girl», помещение оглашается аплодисментами и одобрительными возгласами.

Человек лет пятидесяти в фиолетовой варёной футболке и с длинным, украшенным бусинками шнурком почти до талии, регулирует микрофон. Это Дэйв Рид, человек, который, как говорят, был как отец для Курта Кобэйна, когда он уже выходил из подросткового возраста. К 1984 году, когда ему было семнадцать, Курт уже имел опыт частого и долгого бродяжничества, несколько месяцев подряд проживая на аллеях, под мостами и в гаражах друзей. Его мать завязала дружбу с новым приятелем — алкоголиком, распутником, вспыльчивым портовым грузчиком по имени Пэт О`Коннор, которого Курт презирал — и она не хотела иметь дела со своим сыном. Он пытался несколько месяцев жить со своим отцом, но дела шли не

лучше.

Потом Курт подружился с мальчиком по имени Джесси Рид, сыном-подростком евангелических христиан, и в его жизни начался период, о котором он не стремился рассказывать, став постарше. Можно было бы с трудом найти какие-нибудь доказательства в его обнажающих душу текстах песен или вскоре ставших частыми интервью о его абердинской юности, что Курт Кобэйн обрёл Иисуса, стал христианином и даже крестился в возрасте семнадцати лет. Среди летописцев, анализирующих развитие его наркомании, немногие отметили, что он провёл часть своих подростковых лет, читая нотации друзьям о вреде наркотиков как того, что противно Христу. Именно в этот период Дэйв Рид и его жена Этель пригласили Курта пожить в их семье в большом доме Ридов в несколько милях от Абердина.

«В его семейной жизни был сплошной беспорядок, — вспоминает Рид, который в то время был христианским консультантом молодежи. — У него были большие проблемы со своей матерью, и он переживал очень плохие времена. Они всегда были вместе с моим сыном, поэтому я спросил его, хочет ли он остаться с нами. И он ухватился за эту возможность. Я думаю, что Курт считал меня парнем вроде Неда Фландерса, хотя я не думаю, что тогда уже показывали «Симпсонов». Я был в Баптистской церкви Южного Абердина. Курт стал христианином благодаря моему сыну Джесси и окружению нашей семьи. Он заходил в церковь почти каждый раз, когда была открыта дверь. Я был лидером молодёжной группы, и Курт всегда приходил в церковь с Джесси. Некоторое время он относился к христианской жизни очень серьёзно. Но главным образом его занимали живопись, лошади и музыка».

К тому времени Курт бросил среднюю школу и вступил в тот период, который он впоследствии назовёт своими «бесцельно прожитыми годами». Часами он просиживал в местной библиотеке, жадно читая или сочиняя стихи, которые со временем преобразуются в тексты многих известных песен «Нирваны». Хилари Рикрод, библиограф абердинской Библиотеки Тимберлэнд, вспоминает, что Курта приходил каждый день и часами читал: «Его было трудно не заметить. У него обычно были разноцветные волосы, и в таком городке, как Абердин, это походило на бунт».

Самым важным побочным продуктом его церковноприходского периода была крепнущая дружба Курта с неуклюжим подростком-гигантом по имени Крист Новоселич, который посещал ту же церковь, что и Риды. Курт и Крист встретились в средней школе, но именно при посещении

баптистской церкви — Крист ходил туда, потому что в то время он встречался с девушкой-христианкой — они на самом деле сдружились, говорит Рид.

Джесси Рид, который тоже был музыкантом, однажды пригласил Криста к себе поиграть с ним и Куртом. «Можно сказать, что «Нирвана» родилась в нашем доме, — говорит старший Рид, сам бывший музыкант, игравший в группе под названием «The Beachcombers» с дядей Курта Чаком. — Курт был очень увлечён своей музыкой; он всё время занимался и писал много песен. Он хотел быть звездой. Он всё время это говорил». Бывший член «The Beachcombers» добился того, что снялся в рекламном ролике «Capitol Records» в Сиэтле, и после того, как Курт узнал о связях Рида, он стал одержим тем, чтобы встретить администратора и начать музыкальную карьеру.

Вскоре интерес Курта к христианству ослаб, он снова стал курить траву, и возмущенный Дэйв Рид в конечном счете выгнал его, когда Курт однажды ночью разбил окно после того, как потерял свой ключ. Но пока он находился там, случилось маленькое чудо. Курт начал верить в то, что сможет выбраться из Абердина, и что рок-н-ролл, возможно, станет его спасительным маршрутом. Вскоре он и Крист сформировали группу с другом-ударником по имени Аарон Бёркхард, постоянно репетируя в комнате над салоном красоты, находящимся в центре города, которым управляла мать Криста.

К концу нашего уик-энда в родном городе Курта мы не приблизились к определению того, привели ли отклонение и отчуждение его дисфункциональной юности непосредственно к его самоубийству. Каждому, у кого мы брали интервью, кто знал его, когда он был молод, мы задавали этот вопрос. Все, в свою очередь, говорили, что не видели никаких реальных признаков самоубийства, но винили то, что случилось после его отъезда, возможно, не желая или будучи не в состоянии предъявить обвинение сообществу, за которое они по-прежнему крепко держались. За исключением того, кто первым учил Курта играть на гитаре, Уоррена Мэйсона, который сказал, что он «просто не мог представить, что ещё ему делать на этом отрезке своей жизни», никто не сомневался, что он покончил с собой. Дэйв Рид посоветовал нам искать в другом месте, если мы надеемся осмыслить смерть Курта, сказав: «Его известность погубила его».

Курт Кобэйн всегда хотел прославиться. Это единственное, с чем согласились практически все, с кем мы говорили в его родном городе. Когда он, наконец, добился того, чего хотел, в 1991 году, это было и тем, и не тем, чего он ожидал.

Он, наконец, навсегда вырвался из Абердина в 1987 году,

вскоре после того, как ему исполнилось двадцать. Он переехал в столицу штата, Олимпию, в тридцати милях к северу, чтобы жить со своей первой подружкой, в отношении которой у него были серьёзные намерения, Трэйси Мэрандер, и обнаружил то, что будет позже описано как его «духовная Мекка» — крайне продвинутый корпоративный городок, где представители богемы, как ни странно, численно превосходили жлобов. К тому времени, как Курт переехал в Олимпию, группа, которую они с Кристом создали в Абердине, уже отыграла несколько концертов под множеством различных названий, таких, как «Skid Row», «Ted Ed Fred» и «Fecal Matter». Они начинали привлекать внимание небольшого количества поклонников.

Когда он не занимался своей музыкой, Курт продолжал рисовать, создавая сюрреальные пейзажи, заполненные зародышами и искалеченными животными или незабвенными коллажами фотографий заболеваний влагалищ, которые он находил в медицинских учебниках.

На деньги, которые Курт накопил, работая уборщиком неполный рабочий день, группа смогла записать демо на студии бывшего морского инженера Джека Эндино, на которого произвёл впечатление характерный вокал Курта и бескомпромиссный саунд группы. Эндино передал демо другу по имени Джонатан Поунмэн, возглавлявшего новую сиэтльскую альтернативную фирму грамзаписи «Sub Pop». Приблизительно в это время группа, наконец, выбрала себе постоянное название. Говорят, что Курт узнал о буддизме после просмотра телешоу о восточных религиях и был околдован идеей относительно возвышения над циклом человеческого страдания. Особенно ему нравилось название, которое буддисты дали понятию наивысшего просветления: Нирвана.

К этому времени он также обнаружил новый наркотик. С подросткового возраста Курт испытывал периодические боли в животе, которые вызывали у него внезапные мучительные приступы. Он показывался целому ряду врачей-специалистов, но врачи затруднялись объяснить, в чём проблема, о которой он впоследствии расскажет журналу «Details»: «Представьте себе, что у вас каждый божий день самое худшее в жизни расстройство желудка. И мне становилось хуже, когда я ел, потому что едва пища достигала того воспалённого участка, моё дыхание становилось учащённым, руки деревенели, и меня рвало». В большинстве случаев ему предлагали героин, но он всегда отказывался, отчасти потому что он боялся игл. В основном он по-прежнему ограничивался употреблением травы, перкодана и волшебных грибов.

Ко времени переезда в Олимпию боль в животе стала невыносимой. Местный торговец героином по прозвищу Ворчун сказал ему, что опиаты окончательно снимают боль. Крист Новоселич, который и сам в то время боролся с алкоголизмом, впоследствии вспоминал, что говорил Курту, что тот «играет с динамитом» после того, как Курт позвонил, чтобы сказать ему, что он только что впервые принял героин.

«Да, он тогда несколько раз его принимал, потому что говорил, что это единственное, что может избавить от боли, — подтверждает лучший друг Курта, Дилан Карлсон, с которым тот впервые встретился в Олимпии, и который сам сидел на героине. — Но это не было привычкой или чем-то подобным, по крайней мере, тогда».

Дела налаживались. Когда Курт узнал, что «Sub Pop» согласилась записать первый сингл группы, «Love Buzz», он бегал по улицам, вопя: «Я буду рок-звездой! «Нирвана» — это круто!». Потом вышел альбом под названием «Bleach» в честь вещества, которое героинщики используют для чистки своих игл, чтобы они могли использоваться несколько раз. На запись «Bleach» было потрачено в общей сложности 606.17 долларов на студии Эндино. К этому времени упорные соучредители «Sub Pop», Джонатан Поунмэн и Брюс Пэвитт, которые были уже по уши в долгах, решили, что, если Саунд Сиэтла, ставший вскоре известным как «грандж», обретёт более широкую аудиторию, необходимо сначала навести шуму в Великобритании. Именно так самый известный рок-н-ролльный отпрыск Сиэтла, Джими Хендрикс, впервые сделал себе имя двумя десятилетиями ранее.

В Соединенных Штатах альтернативная музыка была всё ещё периферийным движением, ограниченным радиостанциями колледжей и захудалыми клубами. Основатели «Sub Pop» были настроены это изменить, занимая деньги, чтобы лететь к Эверетту Трю из влиятельного лондонского музыкального журнала «Melody Maker», чтобы продемонстрировать талант своей студии звукозаписи. Они, возможно, даже не могли себе представить, сколько они получат за такой ход. Трю позднее станет известен как «крёстный отец гранджа» из-за серии своих статей, представляющих «Sub Pop» и расцветающую музыкальную сцену Сиэтла. Возможно, это даже было знаком качества Трю, который запустил поезд «Нирваны», которую он описал в статье как «классную вещь. Никаких рок-звёздных штучек, никаких интеллектуальных перспектив, никакого генерального плана мирового господства. Курдт [sic] Кобэйн — выдающийся мелодист1, хотя ещё довольно молодой поэт-песенник. Он владеет риффом со страстью». В город нагрянула музыкальная

пресса, чтобы взглянуть на то, из-за чего поднялся шум, и грандж, как сообщила местная музыкальная газета «The Rocket», вскоре «превзошёл статус события регионального масштаба, приобретя форму всемирного повального увлечения».

Музыкальная индустрия мэйнстрима навострила уши. Агенты А носились по городу с наличными и контрактами в руках в поисках извлечения из этого выгоды, все были уверены, что это — следующая музыкальная волна. Хотя многих критиков совершенно не впечатлил «Bleach» — «Rolling Stone» описал его как «невыразительный … основанный на повторении риффов 70-х» — остальные объявили Кобэйна гением. Курт наслаждался каждой секундой успеха, вспоминает его лучший друг Дилан, который и сам музыкант: «Он постоянно повторял, что они будут круче «Beatles». Все знали, что они подписали контракт и, поверьте, они были без ума от этого. Когда ты мечтаешь стать рок-звездой и это, наконец, случается, я думаю, что это на самом деле ни с чем не сравнимое чувство».

* * *

Когда второй альбом «Нирваны», «Nevermind», в декабре 1991 года опередил последний альбом Майкла Джексона «Dangerous», заняв первое место в чартах «Billboard», музыкальные журналисты затруднялись это объяснить. Как могла какая-то альтернативная группа продать три миллиона пластинок за четыре месяца? Годом ранее группа подписала беспрецедентный контракт с «Geffen Records», которые предоставили «Нирване» право полной свободы творчества. Это не был аванс в миллион долларов, который предлагали другие фирмы грамзаписи, но Курт и его товарищи по группе были в экстазе. Они избавились от ловушки корпоративного рока, которой все они боялись, когда их принялись соблазнять крупные фирмы после прорыва сиэтлской музыкальной сцены в конце 1980-х. Они могли сделать такой альбом, который хотели сделать, а не перепроизведенное коммерческое «дерьмо», которое они частенько высмеивали — на худой конец, в компании своих друзей по альтернативной музыке. Курт шутил, что они могли вручить шестидесятиминутную плёнку с записью того, как группа испражняется, и Геффен должен был бы это выпустить. Но вместо этого они действительно пошли на студию и записали инспирированную панковскую оду поп-корням группы, альбом, который вскоре будет признан шедевром. Большинству тех, кому было уже за тридцать, он по-прежнему казался шумом, фидбэк и энергичная гитарная игра

заглушала легко запоминающиеся музыкальные перемычки, если не слушать достаточно близко.

«Мы привлекли больше внимания [чем другие альтернативные группы], потому что у наших песен есть такие крючочки, которые как-то цепляют умы людей», — сказал Курт, пытаясь объяснить успех альбома. Конечно, каждый член «Нирваны» утверждал, что его любимая группа — «Beatles», и это было видно. Но это были и тексты — на такие дерзкие и многообразные темы, как насилие и религиозный фанатизм — которые выявляли тревогу американской молодежи, у которых вызывало отвращение десятилетие господства республиканцев в Белом доме и недавняя война в Персидском заливе, что некоторые теоретизируют как сигнал готовности поколения к восстанию альтернативной музыки. Злой, с искусственными чередованиями сингл «Smells Like Teen Spirit», бесконечно передающийся по рок-радио и «MTV», был тотчас же провозглашён гимном Поколения X, а Кобэйн — его голосом. «Это была музыка всего нового класса молодых людей, музыка для них и о них, тех, кого не замечали, игнорировали или унижали», писал Майкл Азеррад.

Тем не менее, успех такого рода нельзя было предвидеть. «Нирвана» продалась? Это был вопрос, который задавали многим старым панк-роковым друзьям Курта, и он остро это воспринимал. Он объяснял это просто: «Это не мы пришли в мэйнстрим, а мэйнстрим пришёл к нам». Впоследствии он скажет репортёрам, что ненавидит этот альбом, что это такой альбом, который он сам никогда не стал бы слушать, и что он «слишком гладко звучит». Но те попсовые крючочки не были случайными. У «Нирваны» была огромная творческая свобода при создании «Nevermind». Окружение Курта — те, кто знал, что в турах он почти постоянно слушал свой любимый альбом, «Abba Gold: Greatest Hits» — хорошо понимали, насколько абсурдны такие его заявления.

Самый иронический побочный продукт успеха этого альбома состоял в приобретении совершенно новых фэнов, в значительной степени состоящей из тех, кого Курт описывал как «глухих, как пень, жлобов, которых, как я думал, мы оставили в Абердине». Действительно, толпы на аншлаговых концертах группы были почти неотличимы от фэнов на концертах «Guns`n`Roses». Такой поворот событий настолько смутил Курта, что во вкладыше к своему следующему альбому он предупредит гомофобов, расистов и женоненавистников из числа слушателей «Нирваны», чтобы те «оставили нас, блин, в покое».

Словно в подтверждение заявлений Лиланда, что мать была

совершенно равнодушна к Курту до тех пор, пока он не прославился, Венди написала письмо безумно любящей матери, чей сын впервые покинул семейное гнёздышко, в местную абердинскую газету вскоре после того, как «Nevermind» достиг вершины чартов. «Курт, если вдруг ты прочтёшь это, мы так тобой гордимся, и ты на самом деле один из самых хороших сыновей в мире. Пожалуйста, не забывай кушать овощи и чистить зубы, и теперь [когда] у тебя есть своя девушка, застилай свою постель». Курт не заметил иронии, он был поражён лживостью неожиданного внимания Венди и других своих родственников, большинство из которых несколько месяцев назад не хотели иметь с ним ничего общего. Он навсегда оставил Абердин и свою семью, и никакие сюсюкания не заставят его забыть о двух десятилетиях непринятия.

В самом разгаре успеха его группы Курта, безусловно, сравнивали с его любимым битлом, Джоном Ленноном, который как никто другой знал цену славе. В одном из интервью «Rolling Stone» Курт говорил об этой связи с Ленноном: «Я не знаю, кто писал какую часть каких песен «Beatles», но Пол Маккартни сбивает меня с толку. Заметно, что Леннону мешали. Мне просто очень жаль его… его жизнь была тюрьмой. Он был лишён свободы. Это нечестно. В этом суть проблемы, которая возникла у меня, когда я стал знаменит — так люди общаются со знаменитостями».

Следующий период короткой жизни Кобэйна должен был вызвать новые сравнения между ним и его музыкальным идолом. Когда Джорджа Харрисона спрашивали, как он впервые познакомился с Йоко Оно, он ответил: «Я не знаю. Она просто неожиданно появилась». Товарищи Курта по группе, Дэйв Грол и Крист Новоселич, впоследствии рассказывали нечто похожее о крашеной блондинке, которая стала появляться рядом с Куртом вскоре после того, как вышел «Nevermind». Возможно, именно поэтому и Грол, и Новоселич прозвали её Йоко — по крайней мере, тайком.

2

Когда мы намеревались брать интервью у тех, кто мог бы предложить нашему вниманию наилучшее понимание истинной натуры Кортни Лав, мы столкнулись с необычным препятствием. Первые же два человека, с которыми мы связались, сказали, что они скрываются. Каждый объяснил нам это одинаково: они «боялись её». И самое поразительное заключалось в том, что эти двое — её отец и её первый муж.

Теперь, летом 2003 года, мы сидим на открытой террасе Сиэтлского Художественного Музея со старой подругой Курта, которая с самого начала была свидетельницей развития его отношений с Кортни. После почти полуторачасовых искренних воспоминаний о своём старом друге Курте, снятых на нашу видеокамеру для потенциального документального фильма, речь заходит о Кортни Лав. «Расскажи нам о ней», — говорим мы. Она тотчас же бледнеет. «Вы думаете, я буду рассказывать о Кортни перед камерой? Вы думаете, я хочу умереть?».

* * *

Когда Курт Кобэйн впервые увидел Кортни Лав, он подумал, что она похожа на Нэнси Спанджен. Кортни это понравилось. В течение нескольких лет она была одержима этой печально известной крашеной блондинкой, жизнь которой была очень похожа на её собственную. Нэнси была девушкой из верхушки среднего класса, ставшей группи, стриптизершей и подсевшей на героин, бурные отношения которой с пользующимся дурной славой басистом «Sex Pistols» Сидом Вишесом — измученным пареньком-выходцем из рабочего класса, ставшим панк-легендой — в итоге завершились смертью обоих, одна была убита при загадочных обстоятельствах, другой умер от передозировки. Кортни нравилось заявлять друзьям, что она моделирует свою жизнь по примеру так называемой панк-рок Джульетты. За несколько лет до того, как она встретила Курта, она даже проходила пробы на главную роль в биографическом фильме Алекса Кокса «Сид и Нэнси» и, хотя ту роль она не получила, она сыграла маленькую роль лучшей подруги Нэнси, Гретхен.

В свою очередь, Кортни подумала, что Курт похож на Дэйва Пернера, лидера «Soul Asylum». Когда они впервые столкнулись в портлендском клубе, где «Нирвана» только что отыграла на разогреве у «Dharma Bums», она некоторое время флиртовала с

юным белокурым музыкантом и позже следила за продвижением Курта и его группы — даже послала ему в качестве подарка маленькую шкатулку в форме сердца после того, как шумиха вокруг «Нирваны» усилилась. Но, как и Нэнси, Кортни была самопровозглашённой группи, а Курт был пока не особенно известным музыкантом. К тому времени, как они снова встретились год спустя, незадолго до выпуска «Nevermind», всё поменялось. Группа подписала контракт с ведущей фирмой грамзаписи и была явно на грани чего-то большего. Пара отправились на концерт в Лос-Анджелесе, когда Кортни заметила, что Курт выпил бутылку микстуры от кашля. Она стала распекать его: «Котик, ты не должен пить этот сироп, потому что это вредно для твоего желудка», и предложила ему один из прописанных ей болеутоляющих. «У нас был запас фармацевтических препаратов», — впоследствии вспоминала она. Той ночью они пошли домой и впервые занялись сексом. «У неё был целый план по моему совращению, и он сработал», говорил Курт, рассказав друзьям, что это был лучший секс в его жизни.

Но в то время приятелем Кортни был Билли Корган, чья группа «Smashing Pumpkins» играла на разогреве у «Guns n` Roses» на той же неделе, когда она впервые переспала с Куртом. А Корган был пока что известнее, чем Курт Кобэйн. И «Нирвана», и «Pumpkins» планировали выпустить альбомы; и у «Nevermind», и у «Gish» был один и тот же продюсер. Когда альбомы вышли, они оба превзошли все ожидания, мгновенно сделав Кобэйна и Коргана рок-звёздами. Однако в чартах «Billboard» никакого соперничества не было. К тому времени, когда «Nevermind» возглавил чарты в конце декабря 1991 года, Курт и Кортни были неразлучны.

* * *

Её семья распалась, мать отказалась от неё, но на этом и заканчивается сходство между Куртом Кобэйном и женщиной, которая вскоре перевернёт его мир. Раз уж мы собирались разгадать Кортни Лав с самых юных лет и узнать, была ли она на самом деле способна совершить то ужасное деяние, в котором её обвиняли, мы должны были объехать Калифорнию, штат Орегон, Австралию, Японию, Англию и Новую Зеландию. В целях экономии мы решили ограничить круг наших поисков Тихоокеанским Северо-Западом США.

Кортни Лав Мишель Харрисон родилась в Сан-Франциско 9 июля 1965 года — в день, когда О.Дж. Симпсону исполнилось

восемнадцать лет. Вскоре после её появления отец Кортни, Хэнк Харрисон, загорелся желанием разделить хорошие новости с членами маленькой группы из Сан-Франциско, которой он руководил. Они были тогда ещё известны как «Warlocks», но несколько месяцев спустя они приобретут своё более привычное название — «Grateful Dead». Харрисон не мог решить, кого из своих друзей попросить быть крёстным отцом. Джерри Гарсиа любил детей, но дома оказался только сосед Хэнка по комнате, басист Фил Леш, которому и была оказана эта честь. Вместо того, чтобы покурить сигары, Харрисон вынул пару таблеток кислоты, и они отпраздновали рождение маленькой рок-н-ролльной принцессы. Тем временем приёмная семья её матери — наследники фирмы по производству средств для ухода за глазами «Бош и Лом» — отметила это событие, учредив для новорожденной трастовый фонд. «История Кортни — это не рок-н-ролльная история, в которой героиня из бедной семьи становится богатой», — говорит её отец, когда мы, в конце концов, уговорили его встретиться с нами на его ранчо-конезаводе в Северной Калифорнии. Он настоял, чтобы мы встретились в центре города, чтобы он мог составить о нас мнение и убедиться, что мы не от Кортни, прежде чем он проводит нас в свой дом.

Это — человек, которого в течение многих лет его собственная дочь публично поносила как нелепого, с антисемитскими взглядами, помешанного на наркотиках патологического лгуна. Но обвинения Кортни — ничто по сравнению с его собственным часто повторяющимся и публично выдвинутым обвинением в том, что Кортни так или иначе имела отношение к убийству своего мужа Курта. Какой отец сказал бы такое о собственном ребёнке? Мы хотели это узнать, когда впервые с ним познакомились, будучи уверенными в том, что независимо от того, правдивы его обвинения или нет, мы будем находиться в обществе скучного оппортуниста. Однако это был, по-видимому, наименьший из его грехов.

В 1995 году, перед телевизионной аудиторией в 25 миллионов американцев, Кортни рассказала Барбаре Уолтерс, что этот человек дал ей ЛСД, когда ей было три года, что являлось частью неестественного евгенического эксперимента. «Он был антисемитом, и его отец был антисемитом, — утверждала она. — То, что он давал мне кислоту, подтвердили три человека. Он хотел создать высшую расу, и вы можете этого добиться, давая детям кислоту».

Поэтому, когда мы приехали, чтобы впервые пообщаться с Хэнком Харрисоном, мы слегка побаивались, ожидая встретить

этакого эксцентричного рок-н-ролльного Гитлера. Он с трудом убеждает нас в обратном, поскольку он начинает рыться в своих коробках со старыми бумагами, фотографиями и реликвиями «Grateful Dead». «Взгляните-ка», — говорит он, передавая нам пожелтевший конверт с письмом внутри. В конце письма, прямо под подписью, была нарисована большая свастика. Имя отправителя не вызывало сомнений: «Чарлз Мэнсон». Ну, понятно, думаем мы. Однако, прочитав само письмо, мы сразу же меняем своё мнение. Это — просто письмо от Мэнсона, поливающего грязью музыку «Dead». «Он вроде бы выслеживал нас некоторое время, — объясняет Харрисон. — Но это было задолго до убийств и всего такого, поэтому никто не придал этому большого значения».

Пока он продолжает поиски, мы осматриваемся. На стене в гостиной — письмо в рамке на бланке Белого Дома с печатью Президента Соединённых Штатов. Это личное письмо Билла Клинтона, посланное несколько месяцев спустя после смерти Курта с одобрением работы Харрисона по пропаганде знаний о самоубийстве и выражением своих наилучших пожеланий «вам, Кортни и Фрэнсис Бин, в это трудное время». На другой стене висит картина Шагала, написанная маслом, которую Харрисон купил на доходы от его биографии 1971 года, «The Dead» — первая книга, написанная об этой группе. Хотя многие до сих пор считают её наиболее точной, книга стала причиной долгой размолвки Харрисона с группой после того, как он рассказал, что они распространяли героин, чтобы заработать на свои первые туры. В настоящее время, благодаря публичным заявлениям Кортни, Харрисон, по всей вероятности, был ошибочно описан как «навязчивый поклонник» «Dead» или «тур-администратор», а не первый менеджер группы.

Наконец Харрисон, видимо, находит то, что он искал: сотни страниц расшифровок стенограмм слушаний по делу о разводе, начатых его женой, Линдой Кэрролл, когда Кортни было пять лет. Нигде в этих расшифровках не было ни единого намёка на то, что Харрисон когда-либо давал ЛСД своей малолетней дочери, в чём его впоследствии обвиняла Кортни. Однако указывалось, что Линда боялась, что он похитит Кортни и заберёт её с собой в другую страну после того, как она пригрозила разводом. История с ЛСД, возможно, базируется на предположении, что Кортни могли давать кислоту, пока она оставалась с приходящей няней в коммуне хиппи, возможно, чтобы затем объяснить её странное поведение воздействием химикатов. (В 1995 году, когда её спросили о её заявлении, что отец давал ей кислоту, Кортни призналась «San Francisco Chronicle»: «Я не знаю, было ли это на

самом деле»). Однако частные детективы, нанятые семьёй Кэрролл, откопали массу других скелетов в шкафу Харрисона, включая аресты за хранение марихуаны и мелкие кражи, когда он ещё учился в колледже. «Они пытались показать меня как того, кто оказывает дурное влияние, и я просто был не настолько богат, чтобы с этим бороться, поэтому Линда получила полную опеку», — вспоминает он, признавая, что его отец был действительно отчасти антисемитом, но добавляет, что «это то единственное, что является правдой из всей её истории, рассказанной Барбаре Уолтерс». Кортни часто утверждала, что видела своего отца всего «несколько раз» с тех пор, как её родители развелись. Но он достаёт ценную находку — письма и фотографии, где они сняты вместе в течение разных периодов её жизни, чтобы доказать, что отец и дочь время от времени были очень близки.

Понятно, что мы не можем верить всему тому, что Кортни говорила о своём отце, и уже решили скептически относиться к большей части того, что говорит Харрисон. Но поскольку он продолжает вытаскивать из коробок альбомы с вырезками и папки, включая сотни писем и стихов, написанных Кортни, а заодно и фотографии, и документы, точно определяющие факты о различных периодах её жизни, мы понимаем, что обнаружили очень ценную возможность получить представление о её бурных ранних годах, и разгадку предположительно надвигающейся катастрофы, за которой впоследствии с заворожённостью вуаеристов будут следить миллионы людей.

* * *

Кортни Лав, возможно, была слишком молода, чтобы обвинить своих родителей в том, что своим разводом они нанесли ей травму, ставшую причиной её беспокойного детства, как это сделала семья Курта, чтобы объяснить то, что он сам пошёл по наклонной, но к тому времени, когда ей было семь лет, мать Кортни развелась уже со своим вторым мужем, Фрэнком Родригесом, и вышла замуж в третий раз за Дэвида Менели. Они поселились в особняке в Орегоне, где Линда и её новый муж управляли коммуной свободных нравов. В те годы Линда следовала за разными странными гуру, и, в зависимости от духовной особенности момента, они с Менели могли петь, медитировать или вопить во всё горло, в то время как маленькая Кортни была предоставлена самой себе. Позднее она вспоминала о всевозможных «волосатых, голозадых хиппи», резвящихся

вокруг, занимаясь гештальт-терапией. На обложке её альбома «Live Through This» («Пережить Это») — фотография маленькой Кортни того периода, похожей на беспризорную девчонку. «Мы жили в вигваме, и от меня всегда пахло мочой», — вспоминала она.

Когда Кортни было семь лет, Линда со своим новым мужем внезапно решили, что они переберутся в Новую Зеландию, и будут выращивать овец. Линда сказала друзьям, что это проще, чем воспитывать собственную дочь; поэтому Кортни не взяли. Для лечения её аномального поведения с тех пор, как ей исполнилось три года, Кортни отправили жить в Юджин к одному из своих врачей, старой подруге Линды. «Всё это было сделано за моей спиной, — вспоминает Харрисон. — Я был бы очень рад, если бы она стала жить со мной, но со мной никогда не советовались, и я ничего не мог сделать. Когда Кортни стала постарше, она всегда говорила, что она никогда раньше не чувствовала себя такой покинутой».

Именно в этот период Кортни стала, по её собственным словам, «ребенком-демоном». Нахальная малолетняя преступница показалась неуправляемой своей суррогатной матери, врача или не врача, и её вскоре отправили к Линде в Новую Зеландию. Долго она там не пробыла. Линда быстро отослала Кортни, чтобы проверить сострадание другой местной подруги, которая в свою очередь в итоге выслала её в католическую школу-интернат в Австралии. Это было первая школа за последующие несколько лет из ряда других школ, из которых её с головокружительной быстротой будут выгонять. Затем Кортни вернулась в Орегон, где она перемещалась от одних друзей своей матери к другим — каждый раз злоупотребляя гостеприимством, когда её ловили на кражах в магазинах, воровстве денег или курении травы.

К 1977 году Линда и её муж устали от разведения овец и вернулись в Орегон, где Кортни снова стала жить с ними, главным образом, потому что Линда больше не могла найти того, кто бы хотел приютить её. Но когда её поймали за воровство в местном магазине «Woodworth», когда ей было двенадцать лет — она украла не то помаду за 49 центов, не то футболку «Kiss» — в зависимости от настроения Кортни, когда она рассказывает эту историю — её мать проинструктировала полицию, чтобы Кортни преподали урок. Вместо обычного предупреждения она предстала перед судом и была направлена на пробацию. Когда Кортни несколько дней спустя сбежала из дома, Линда попросила властей возвратить её не домой, а в исправительное заведение для малолетних «Хиллкрест». В интервью со своим биографом, Мелиссой Росси, Кортни вспоминала своё прибытие в заведение в

наручниках на руках и на ногах и со стрижкой под Дэвида Боуи. Спустя годы она описала беспутный период свободы, избавившись от ограничений в арестном доме. «Я была карликом — ни титек, ни менструаций, ни половой зрелости — поэтому меня дразнили, и я поняла, что могу очень хорошо драться, если я просто сделаю вид, что собираюсь убить человека. Я начала слоняться по торговым рядам и общаться с этой толпой шлюх-подростков».

Она пришлась ко двору среди плохих девочек в «Хиллкрест». В письме, которое она послала отцу в четырнадцать лет, полном непринуждённых ссылок на свою страсть к Курту Расселлу и где указано, что её любимая книга — «Повелитель мух», она хвастается тем, что читала свой личный архив и обнаружила, что её описывали как «самую сварливую, хитрую, шуструю особу» из тех, кого когда-либо видел тот служащий, который ею занимался. В другом письме, написанном в том же году, она пишет: «Я вышла и ударила ножом девчонку, потому что мне не понравилось, как она выглядит». Кортни утверждает, что именно в «Хиллкрест» она впервые открыла панк-рок после того, как стажёр, работающий в заведении, вернулся из Англии и отметил её сходство с британскими музыкантами-панками. После того, как он одолжил ей запись «Never Mind the Bollocks» «Sex Pistols», Кортни заявила, что решила, что она хочет быть рок-звездой. Этот сообщение сомнительно, потому что её друзья впоследствии говорили, что она всегда презирала панк-музыку. Но, без всякого сомнения, в этот период Кортни начала писать стихи, некоторые из которых станут текстами для её будущей музыки. У Харрисона до сих пор есть масса душераздирающих стихов, написанных Кортни между четырнадцатью и шестнадцатью годами. В одном из самых показательных стихотворений под названием «Будущий Парень» есть такие строки:

> Я уничтожу любого на своём пути
> Я убью каждого паршивца на одну ночь —
> Ведь я жду своего Будущего Парня

Харрисон не видел свою дочь несколько лет до 1980 года. Однако они часто переписывались, и в каждом своём письме Кортни просила его: «Забери меня отсюда». Наконец, когда ей исполнилось пятнадцать лет, ему успешно удалось убедить власть имущих штата Орегон освободить её и отдать под его опеку. Она прожила со своим отцом больше года, это был, возможно, первый период относительной стабильности в её жизни. Его вторая книга, «The Dead, Том 2», описывающая местечко Хайт-Эшбери с антропологической точки зрения, имела большой успех. (Один

научный обозреватель представил его как «Джейн Гудолл рок-н-ролла»). Теперь Харрисон планировал приступить к двухлетнему изучению памятников древней Ирландии. Кортни привлекала британская музыкальная сцена. Она безумно хотела поехать с ним за границу, но согласилась на обещание отца вызвать её, как только он осядет в Дублине после завершения шестимесячной исследовательской одиссеи. Она должна была провести какое-то время в приёмной семье в Портленде. Харрисон вынимает письмо, которое он получил от Кортни, пока был в Ирландии, в котором она пишет: «Ты — единственный, кто когда-либо понимал меня».

Странная на вид версия Кортни того, что случилось потом, кажется довольно правдоподобной. Когда ей было всего шестнадцать лет, она контактировала с представителем японского преступного мира, который посулил ей много денег, если она поедет на Дальний Восток и займётся стриптизом. Она исчезла более чем на шесть месяцев. Когда она была выслана обратно в Штаты, она рассказывала друзьям зловещие истории о торговле белыми рабынями.

Используя свои недавно приобретённые навыки, она вскоре устроилась стриптизёршей в один из портлендских клубов, но несколько дней спустя на заведение совершила набег полиция, и Кортни забрали в очередное исправительное учреждение. На этот раз она ненароком сказала сотруднице учреждения, с которой она дружила, что является наследницей. Когда её наперсница предложила ей предъявить иск, чтобы получить юридическую и финансовую независимость от своей матери, Кортни с восторгом начала действовать. В возрасте шестнадцати лет девочка, которую так много раз передавали с рук на руки, наконец, взяла дело в свои руки. Не менее важно и то, что она получила доступ к своему трастовому фонду. Теперь у неё была свобода и деньги, чтобы жить такой жизнью, о которой она читала только в фэнзинах. Первую остановку она сделала в Дублине, где она присоединилась к своему отцу. Но Ирландия не очень привлекала Кортни, которая, стоило ей уехать, вообразила себя рыбкой покрупнее. Она достигла Ливерпуля, города, переживающего музыкальный ренессанс спустя двадцать лет после отъезда «Beatles». В её рюкзаке была тысяча доз кислоты, которую она захватила с собой из Штатов, намереваясь использовать наркотики как пропуск на местную музыкальную сцену.

Вскоре она постоянно закрепилась в окружении неопсиходелической ливерпульской группы «The Teardrop Explodes» и вскоре стала известна как самая лояльная группи, подцепив пользующегося дурной славой эксцентричного лидера

группы, Джулиана Коупа. Впоследствии Кортни утверждала, что Коуп лишил её девственности, но она говорила то же самое по крайней мере ещё о троих рок-звёздах, поэтому трудно понять, является ли это просто её очередной нелепой историей. Она также утверждала, что во время её пребывания в Англии она делала снимки «Pretenders», «U2» и других выдающихся рок-групп для ирландского музыкального журнала «Hot Press». Но редактор «Hot Press» Найэл Стоукс утверждает, что это, как и большая часть легендарного прошлого Кортни — чистой воды вымысел. «Это весьма типичное для Кортни поведение — врать или в той или иной степени преувеличивать, — написано в кратком очерке журнала в 1995 году. — На протяжении её карьеры она постоянно рассказывала в СМИ красочные истории — часто с несколькими противоречивыми версиями — о своей прошлой жизни, чтобы усилить свою загадочность и панк-рок доверие».

Одна внезапно случившаяся история, которую она просто не хотела афишировать, заставила Кортни неожиданно вернуться в Орегон в 1982 году. Было ясно, что больше в Ливерпуле ей не оказывали столь радушный приём, но детали обрывочны. «Я принимала в Ливерпуле много кислоты, и, по существу, я никогда от этого не оправлюсь», — впоследствии туманно объяснила она. Что бы там не произошло, группа Коупа резко высказывалась о ней в последующие годы, утверждая, что время, которое они провели с ней, было «разрушительным». Спустя годы, после того, как Кортни стала встречаться с Куртом Кобэйном, Джулиан Коуп опубликовал большое объявление в музыкальной прессе, гласящее: «Освободите нас от Нэнси Спанджен, накаченных героином, которые цепляются за наши величайшие рок-группы и высасывают у них все мозги». Он также сказал репортёру: «Ей нужна стрельба, и я застрелю её».

* * *

Далее Кортни остановилась в Портленде, и он стал следующим нашим пунктом назначения. Это был город, о котором она упоминала в журнале «Spin»: «Несколько лет назад в одном городе моя репутация стала настолько плохой, что каждый раз, когда я приходила на вечеринку, от меня ждали, что я сожгу дотла дом и выбью все окна». Хотя с тех пор, как она уехала оттуда, прошло более десяти лет, здесь есть люди, которые, несомненно, до сих пор боятся её. Портлендский декоратор Тодд Керран помнит Кортни по городскому танцевальному гей-клубу «Метрополис», пользующегося дурной славой, где «голубые»

общались с представителями новой волны. «Она была совершенно скандальной личностью, — вспоминает он. — Она всегда устраивала сцены. «Метрополис», возможно, не совсем подходил для пьяных скандалов, но когда там была Кортни, это был хаос». Он сказал, что она глотала таблетки, как конфеты — барбитураты, кислоту, транквилизаторы, болеутоляющие.

Практически все те, с кем мы говорили в Портленде, отказались от интервью или просили, чтобы их имена были изменены, даже притом, что многие говорили, что им, как ни странно, нравился её стиль, и они восхищались её бескомпромиссной позицией. «За ней было забавно наблюдать, пока ты не попадался на её пути», — сказала одна из бывших профессионалов клубной сцены, которая, несмотря на то, что она вообще никогда не конфликтовала с Кортни, просила нас не показывать её видеоинтервью, чтобы «не будить зверя». Но Розз Резабек не испытывает никаких угрызений совести, рассказывая о Кортни для записи.

«Не верьте обману. Более добрый, более нежный Чарлз Мэнсон по-прежнему остаётся Чарлзом Мэнсоном». Это — первое, что он говорит о женщине, которая, как он утверждает, «украла» его карьеру. Резабек был лидером перспективной «нововолновой» группы «Theater of Sheep» из Портленда, когда Кортни принесло в город в начале 80-х после её пребывания в Ливерпуле.

«Она сразу же подцепила меня, — вспоминает он. — Она утверждала, что сделает меня звездой. В то время она всегда говорила, что считает, что миром правят мужчины, и единственный способ, посредством которого она сможет добиться успеха — это через мужчину, и я предполагаю, что она выбрала меня. Она только что вернулась из Англии, где, наверное, перетрахалась со всеми тамошними рок-звёздами. Она всё время говорила с таким очень фальшивым британским акцентом. Потом она начала одевать меня в одежду Джулиана Коупа и попробовала превратить меня в этакое британское рок-божество». В конце концов, говорит Резабек, он бросил музыку из-за того, что он называет беспрестанными попытками Кортни сделать из него рок-звезду по своему образу и подобию. «Если бы я этого не сделал, — говорит он, — я закончил бы точно так же, как Курт, с ружьём во рту. Чувак, со мной могло быть то же самое, что, должно быть, пережил он». Когда он в последний раз разговаривал с Кортни, как он утверждает, она просто позвонила, чтобы сказать ему, как она «обманула Барбару Уолтерс» во время своего телеинтервью.

В какой-то момент за годы, проведённые в Портленде, Кортни, вероятно, решила, что быть группи ей слишком мало.

Впоследствии она заявила: «В конце концов, я сказала: я пришла на эту землю не для того, чтобы трахаться с рок-звездой, я здесь для того, чтобы быть рок-звездой». Я создала сама себя». У Резабека, прекратившего свои девятилетние кратковременные свидания с Кортни, до сих пор хранится коробка с её старыми стихами и дневниками и более полутора тысяч писем с того периода. Одна очень показательная записка, написанная Кортни для самой себя, когда ей было лет девятнадцать, даёт представление о честолюбивой, энергичной женщине, которая знает, чего она хочет, и что для этого требуется. Записка озаглавлена: «Вот Как Кортни Добьётся Успеха»:

Куча местных концертов
Прекратить работать
Получить финансовую помощь
Заключить контракт, используя старые и новые связи
Сняться в фильме
Тур с «Furs» и «R.E.M.»

Новое поколение женщин-рокеров только начинала привлекать внимание на американской панк-сцене, они пели раздражённые, приправленные феминизмом, яростно политизированные тексты под энергичные, бескомпромиссные музыкальные ритмы. Это была музыка таких и для таких женщин, как Кортни. Вскоре она нашла и посодействовала двум женщинам-рокерам, которые уже привлекли достаточно внимания на фокскор-сцене — Кэт Бьёлланд, дерзкой юной лос-анджелесской стриптизерше, ставшей панк-рокером, и Дженнифер Финч, лидер- вокалистке группы под названием «Frightwig». В течение нескольких лет эти три женщины положили начало тому, что вскоре стало известно как движение «riot grrrl» («восставшие девушки»). Однако с самого начала их рокового музыкального сотрудничества такая возможность казалась крайне маловероятной.

Однажды, вероятно, по предложению Кортни, эта троица решила создать группу, известную как «Sugar Babylon» и позже переименованную в «Sugar Baby Doll». Кортни не так давно стала осваивать бас, но пока не могла играть, поэтому она была назначена лидер-вокалисткой. Это было фиаско с самого начала. По словам Кэт, Кортни ненавидела панк и хотела играть более мелодичный нововолновый саунд, тогда как её подруги по группе хотели играть непосредственно хардкоровый панк-рок. Это вызвало истерики, и через пять месяцев группа распалась. Вскоре Кортни переехала в Миннеаполис, чтобы примкнуть к новой группе Кэт, «Babes in Toyland», но прошло совсем немного

времени, и Кортни была изгнана из этой группы, как сообщают, из-за недостатка таланта бас-гитаристки.

Подавленная ещё одним препятствием в своей бурной музыкальной карьере, она решила, что ей нужно сменить обстановку, и отправилась в Сан-Франциско, чтобы снова жить с отцом, и прослушала несколько курсов в колледже. Именно здесь она впервые обнаружила свой волшебный эликсир. В Портленде она всегда предпочитала получать кайф от таблеток и кислоты. Теперь она, казалось, вышла на новый уровень употребления наркотиков.

Подруга Хэнка Харрисона Трайона Уотсон вспоминает Кортни в этот период: «Она жила с нами несколько недель подряд, и затем долгое время болталась по наркоманским притонам и никогда не приходила домой…. В какой-то момент она могла быть очень милой, а затем превращалась в чудовище. Как только она начала принимать героин, она стала невыносимой. Я помню, как однажды она угрожала сжечь наш дом дотла. Мы просто не могли этого больше выносить».

Для отца Кортни поворотным стал тот момент, когда он обнаружил в своём доме разбросанные по полу шприцы, оставшиеся после вечеринки, которую Кортни устроила в его отсутствие. «Когда я понял, что моя дочь — наркоманка, я был ошеломлён, — говорит Харрисон, который утверждает, что сам он в своих наркотических пристрастиях никогда не заходил дальше ЛСД и травы. — В шестидесятых годах я проделал большую работу по наркотической интервенции, и я пробовал помочь ей, но она велела мне заниматься своим делом, и я был в курсе её пристрастия. Она воровала у меня, чтобы покупать наркотики, поэтому я, в конце концов, её выгнал».

Он достаёт письмо, которое Кортни написала ему в тот период:

> Дорогой Хэнк. Спасибо, что приютил. Я знаю, что временами это было ужасно трудно из-за меня и моей компании. Надеюсь увидеть тебя на Рождество полностью восстановившимся после моих пагубных экспериментов. Отдельное спасибо за поддержку в школе и разрешение ходить по льду, даже если его толщина — мой собственный выбор.
>
> С Любовью
>
> *Кортни*

Героин — это дорогое удовольствие. Хотя она по-прежнему получала около 800 $ в месяц из своего трастового фонда, этого

было недостаточно, поэтому Кортни отправилась на север, на Аляску, где ей предложили работать в стриптизе для рабочих трубопровода. Вскоре ей было предложено более выгодное стриптиз-выступление в пользующимся дурной славой лос-анджелесском «Star Strip Club». Манил соблазн Голливуда, и Кортни некоторое время считала, что кино могло бы предложить более быстрый маршрут к славе, чем рок-н-ролл. После неудачной попытки получить желанную роль Нэнси, она, наконец, сыграла главную роль в другом фильме Алекса Кокс, «Straight to Hell» («Прямиком в ад») с участием «Pogues». Фильм провалился, выйдя сразу на видео, и попал в списки многих критиков как один из худших фильмов всех времён. Однако она нашла хорошее применение части своего 20 000 $ актёрского гонорара, сделав пластическую операцию носа, чтобы исправить свой самый явный физический недостаток и изменить себя, готовясь к следующей главе своей жизни. Пришло время возвращаться к своему первоначальному плану.

* * *

Ещё раз начав всё сначала, Кортни дала объявление в популярном музыкальном лос-анджелесском справочнике «Recycler»: «Хочу создать группу. На меня оказали влияние «Big Black», «Sonic Youth» и «Fleetwood Mac». Как она говорила впоследствии, её ранние неудачи только научили её формуле успеха. За три месяца её новая группа, «Hole», вызвала гул одобрения в инди-кругах. Она отошла от своего старого более мягкого музыкального стиля ради визгливого и пронзительного хардкора, но за этим шумом всё ещё слышались мелодические влияния лёгкой поп-музыки, которую она любила. Она избавилась от причёски под Дэвида Боуи, высветлилась и положила начало новому облику, который она вскоре назовёт «kinderwhore» («малолетняя шлюха») — разорванные девчоночьи платья и розовые ленты в волосах. Изобретение нового имиджа привлекло внимание фэнов и критиков. Кортни была уверена, что слава уже совсем рядом. Но от старых привычек трудно отказаться. Она забывала о новом саунде, новом имидже и новой индивидуальности на своих собственных условиях, но она не могла окончательно избавиться от манер группи, старого убеждения в том, что, возможно, гораздо проще продвинуться, благодаря связям успешного мужчины. В Портленде она потерпела неудачу в попытке превратить Розза Резабека в свой вариант рок-звезды. В Лос-Анджелесе она старалась получить

нечто иное — самой оказаться на вершине.

Кортни почти ничего не знала о панк-роке. Она никогда не любила эту музыку и не заботилась о её политической идее. Она понятия не имела о том, кто к ней относится, а кто нет и, что более важно, кто знает путь к музыкальному Святому Граалю — контракту на запись диска. К тому времени Кортни впервые положила глаз на Джеймса Морланда, который уже был известен как видавший виды лос-анджелесский панк-рокер. С конца 70-х он оплатил свои счета и даже более того, с каждым годом зарабатывал ещё больше, каждый вечер исполняя свои высокооктановые, приправленные непристойностями тексты. Его музыка не слишком отличалась от бесчисленных хардкоровых панк-групп, которые Кортни разыскивала, наводя справки в различных грязных клубах, часто уходя с лидер-вокалистом или резервным музыкантом. Однако Морланд чем-то от них отличался, когда она в первый раз увидела концерт его группы, он не походил на типичного шаблонного панк-рокера, каждый из которых использовал один и тот же образ — рваные джинсы, чёрная футболка и презрительная усмешка. Оказалось, что Морланд, скачущий по всей сцене и выкрикивающий типично непонятные тексты, одет в платье для коктейлей, ажурные чулки, с ярко-красной помадой и чёрной тушью. Его сценические выходки, смесь дешёвого фарса и акробатики, были верхом безумия. Кортни только начинала продвигать свой вскоре снискавший дурную славу брэнд таланта публичных выступлений со своей собственной группой «Hole». Она была явно заинтригована. Хотя барменша сообщила ей, что Морланд, известный своим фэнам как Падающий Джеймс, был чистым гетеросексуалом, она поняла, что должна узнать его получше.

Через несколько дней они поженились.

По словам Кортни, этот брак продлился всего два дня, а по словам её отца — около двух лет. Когда мы впервые связались с Морландом, чтобы взять у него интервью, он отказался говорить о своём браке, утверждая, что он до сих пор «потрясён» Кортни. Но Харрисон, который много лет не говорил с Морландом, предложил устроить для нас интервью после того, как мы дали ему номер телефона.

«Привет, Джеймс. Это твой бывший свекор, Хэнк. Давненько мы не общались». Они стали придаваться воспоминаниям, обмениваясь воспоминаниями о Кортни, как старые солдаты — рассказами о войне. Он спросил, не откажется ли Морланд «поговорить с моими канадскими друзьями-писателями». По-видимому, Падающий Джеймс был недавно напуган реакцией Кортни на единственное подробное интервью, которое он когда-

либо давал о ней. В той статье он назвал её «Конаном-Варваром, сделавшим карьеру» и описывал её как гомофобку-консерваторшу, которая полагала, что люди становятся панк-рокерами и гомосексуалистами только чтобы позлить своих родителей. «Она также говорила, что я и другие рефлекторные либералы не знают того, о чём говорят, потому что она спала с генералами армии, базирующейся на Аляске, и у них было много секретной информации, которая доказывала, что войны, в которые они нас втягивали, на самом деле велись для нашего же блага, — вспоминает Морланд. — Я думал, что женился на женщине-Джонни Роттене. Вместо этого я получил эту Филлис Диллер из правого крыла».

Морланд действительно согласился поговорить с нами, но только после того, как Харрисон убедил его в том, что нам можно доверять.

Они поженились в Лас-Вегасе, «под влиянием минутного порыва», вспоминает он, после того, как он в шутку спросил её, не хочет ли она выйти за него, и она согласилась. Вначале их отношения были очень бурными. Он никогда не встречал такой, как она, и он был покорён её «шокирующей» индивидуальностью, но они постоянно ругались, главным образом, из-за политики. «У нас были большие драки, и мы расходились на несколько недель, а затем сходились. Она действительно почти всегда сидела на наркотиках, и она могла быть неудержимо буйной».

Достаточно буйной, чтобы убить её следующего мужа? «Я на самом деле не могу ответить на это, потому что меня там не было, но когда мы были женаты, казалось, что она, конечно, много знала о наёмных убийцах. Если бы кто-то её сильно достал, она заплатила бы тому парню, с которым была знакома, пятьдесят или сто долларов, чтобы тот их побил. Это было довольно жутко. По собственному опыту знаю, что она была опасна. У неё определенно зловещая изнанка. Однажды, когда я спал, она пыталась поджечь мою кровать. Начался пожар, и я был в шоке, когда проснулся. Понять мотивы поведения Кортни невозможно. Она сильно всех презирала и вела себя, как избалованная маленькая соплячка».

Когда начали появляться теории заговора, Морланд предложил немного другую версию в «New York Press»:

> «Я могу себе представить, что [Курт] вступил в какой-то нелепый спор с ней, и ему это так надоело, что он, скорее всего, спонтанно прибежал домой и застрелился. Большинство людей хотело бы покончить с собой, просто узнав, что она собой представляет. Другой

сценарий, который страшнее, и был хладнокровно реализован — из-за наличия корыстного мотива для его убийства. Я могу также предвидеть, что произошло, потому что Кортни — жестокая женщина, которая даже в разгар нашего анонимного, никудышного, нищего короткого брака угрожала побить меня за двести долларов, когда я не делал то, что она хотела. Я так боялся её, что тут же сдавался. В то время она была просто стриптизершей-героинщицей и проституткой, но дайте такой особе пару миллионов, и вы без преувеличений поймёте, насколько опасны они могут быть».

Морланд вспоминает, что стало для него последней каплей — почему их отношения, наконец, закончились. С трудом сдерживая слёзы, он сказал, что Кортни забеременела от него, но отказалась прекращать приём тяжелых наркотиков, из-за которых, в конце концов, она была вынуждена сделать аборт. «Это был кошмар, — сказал он. — Я никогда её за это не прощу».

Хотя их бурный союз временно притормозил собственную музыкальную карьеру Морланда, на Кортни он оказал противоположный эффект — её группа выпустила свой первый сингл вскоре после того, как они поженились. Он наделал достаточно шума, чтобы привлечь внимание уважаемой фирмы звукозаписи «Caroline», которая выпустила первый альбом «Hole», «Pretty on the Inside», в 1991 году, тут же получивший одобрение критиков в альтернативных музыкальных кругах, прославив её в качестве новой королевы движения «riot grrrl». Среди увеличивающегося легиона новых фэнов были Мадонна и Ким Гордон из «Sonic Youth». Для тех, кто впоследствии утверждал, что большую часть её музыки написал Курт Кобэйн, «Pretty on the Inside», записанный за год до того, как она начала встречаться с ним, доказал, что, независимо от того, кто что о ней говорит, Кортни была больше чем просто наркоманка. Рецензируя этот альбом, «The New Yorker» написал: «Pretty on the Inside» — это какофония, наполненная таким скрежещущими, раздражающими и неприятными шумами, что, вероятно, очень немногие вообще это переживут, не говоря уж о повторном прослушивании, которое вам понадобится для того, чтобы обнаружить, что это, возможно, самый неотразимый альбом, выпущенный в 1991 году».

Где-то среди безжалостного тщеславия, тщательно создаваемого имиджа и вереницы ожесточённых экс-возлюбленных, готовых верить самому плохому о ней — её несомненный талант. Но, как и Йоко Оно, которая до того, как

встретить Джона Леннона, уже находилась среди самых выдающихся личностей авангардного искусства 60-х, её талант в будущем затмит человек, который будет назван музыкальным гением своего поколения.

* * *

«Только около четверти из того, что говорит Кортни — правда, — утверждает её непредсказуемая подруга Кэт Бьёлланд, лидер «Babes in Toyland». — Но никому, как правило, не приходит в голову разгадать, что же тут ложь. Всё это — её имидж. И это интересно. Это раздражает, но это интересно».

Как врёт Кортни, она просто баловалась героином пару раз до того, как она встретила Курта, который был уже законченным героинщиком. Но друзья Курта насмехаются над заявлением — явно повторяющимся во множестве сомнительных биографий — что это он приобщил её к наркотикам. Установить правду довольно трудно.

К 1992 году боль в желудке, которая когда-то причиняла Курту только кратковременное неудобство, стала практически постоянным источником мучений. Большинство соглашается с тем, что его периодическое употребление героина вошло в привычку осенью 1991 года, ко времени выхода «Nevermind». Тот факт, что это также совпало с периодом, когда он и Кортни начали встречаться, возможно, стал причиной того, что создалось впечатление, будто бы из-за неё он пристрастился к наркотикам. Курт публично рассказал об этом так: он «решил» подсесть на героин в сентябре 1991 года, чтобы избавиться от «мучительной, жгучей, тошнотворной боли» в желудке, которую он испытывал всякий раз после еды. «Я обнаружил, что мне помогают только тяжёлые опиаты, — впоследствии объяснял он. — Много раз я оказывался буквально выведенным из строя, неделями лежал в постели, страдая от рвоты и голода. Поэтому я решил, что раз я и так чувствую себя как наркоман, то я могу в таком случае им стать». Однако на протяжении нескольких лет прописанный ему морфий, похоже, помогал. Почему он, в конце концов, заменил его героином, несмотря на свою иглофобию — до сих пор остаётся тайной.

«До встречи с Кортни он уже несколько раз пробовал героин, — говорит давняя подруга Курта Элис Уилер, неофициальный фотограф сиэтлской грандж-сцены, которая познакомилась с ним в тот период, когда он жил в Олимпии. — Но она явно использовала его как приманку, чтобы управлять им.

Она очень в этом преуспела. Ей было на руку то, что Курт к этому пристрастился». Лучший друг Курта, Дилан Карлсон, говорит примерно то же самое: «Она знала, что чем больше наркотиков он принимает, тем меньше шансов, что он будет в состоянии придти в себя и бросить её». Однако Курт всегда отрицал то, что инициатором этого была Кортни, и впоследствии он будет утверждать, что приобрёл эту привычку, пока она была в турне по Европе вместе с «Hole».

Масштаб его проблемы с наркотиками стал понятен его товарищам по группе в начале января 1992 года, когда он впал в самый настоящий ступор в студии Эн-Би-Си в Нью-Йорке на выступлении «Нирваны» в «Saturday Night Live». Он и Кортни за день до этого принимали героин в гостиничном номере, и к тому времени, когда Курт приехал на генеральную репетицию, он выглядел таким удолбанным, каким Дэйв и Крист никогда его не видели. Хотя у Криста были серьёзные проблемы с выпивкой, а Дэйв рос, как он сам выражался, «провинциальным стоунером», ни тот, ни другой не имели особого опыта употребления тяжёлых наркотиков. Теперь они были серьёзно обеспокоены практически бессознательным состоянием Курта, но ни один из них не имел никакого представления, как подойти к этой проблеме. С тех пор, как Курт несколько месяцев до этого провёл с Кортни, он стал всё больше и больше отдаляться от своих давних друзей. Они больше не болтались вместе, как обычно, плача и смеясь над своим нежданным успехом. После репетиции Курт вернулся в гримёрку, где его рвало почти целый час. Он сумел выступить на шоу, но после, за кулисами, он был совершенно измождён. Слышали, как Дэйв называл его «придурком-героинщиком».

Действительно ли Кортни, подобно Распутину, осуществляла контроль над Куртом, как думали многие, или он просто нашёл ту, которая его понимала, как он говорил своим друзьям — очевидно одно: эти двое были очень влюблены, по крайней мере, вначале. «Я очень изменился, — поведал он журналу «Sassy» в январе 1992 года, — и я не могу поверить, что можно быть более счастливым, чем я сейчас, даже меньше ориентированным на карьеру. Иногда я даже забываю, что нахожусь в группе, настолько я ослеплён любовью. Я знаю, что это звучит нескромно, но это правда». В том же самом интервью он впервые признался, что на днях он обручился с Кортни; тогда он, возможно, знал, что Кортни ждёт их ребёнка, зачатого двумя месяцами ранее. Некоторые из его друзей, и среди них Дилан Карлсон, говорят, что именно беременность навела Курта на мысль о том, чтобы сделать предложение, и что пара медлила с новостями только для того, чтобы избежать клейма вынужденного брака из-за

беременности невесты. Однако к концу января это перестало быть тайной, и Курт был в восторге из-за грядущего отцовства, рассказывая всем и каждому, что он будет «панк-рок-папашей».

К тому времени, когда родился их ребёнок, 18 августа 1992 года, Курт и Кортни стал любимцами музыкальных СМИ, рок-н-ролльной четой, на которую было приятно смотреть. Чтобы устроить небольшую свадебную церемонию, в феврале они полетели на Гавайи в сопровождении только нескольких членов компании «Нирваны», Дэйва Грола и лучшего друга Курта, Дилана Карлсона, который был шафером. Бросалось в глаза отсутствие на церемонии Криста Новоселича, возможно, из-за того, что он капал Курту на мозги по поводу его увеличивающегося пристрастия к героину, но, скорее всего, из-за того, что ни он, ни его жена Шелли, казалось, не одобряли его выбор. Никто из членов семьи Курта и Кортни не был приглашён. Перед свадьбой Кортни настаивала, чтобы Курт подписали предсвадебное соглашение, очевидно считая, что вскоре она преуспеет гораздо больше, чем её муж-суперзвезда. «Я не хотела, чтобы Курт сбежал со всеми моими деньгами», — сказала она репортёру, просто полушутя.

Несколько месяцев их лица красовались на обложках бесчисленных журналов. В интервью «Rolling Stone» в апреле 1993 года Курт, наконец, признал, что его успех не был помехой, на которую он жаловался в течение многих месяцев в СМИ и своим панк-рок-друзьям. Когда «Nevermind» возглавил хит-парады, он признался, что чувствовал «нечто вроде экстаза, [но] тогда я так не считал». Он также опроверг сообщения СМИ, предполагающие, что он испытывал неудобства из-за своей неожиданной славы. «На самом деле это не произвело на меня особого впечатления, как это может показаться в интервью и так, как многие журналисты изобразили моё отношение к этому. Я уже практически успокоился». Для Кортни это было тоже опьяняющее время. Её группа привлекала большое внимание после своего недавнего британского тура, и ей стали названивать многие ведущих фирмы звукозаписи, особенно после того, как стали поступать известия, что новая студия Мадонны, «Maverick», заинтересована в подписании контракта с «Hole». Спустя годы Мадонна призналась, что случилось, когда она приехала на свою первую встречу с Кортни, которую она описала как «жалкую и помешанную на самой себе особу».

«Когда я встретилась с ней, когда я пробовала подписать с ней контракт, она только и делала, что всё время охаивала своего мужа, — вспоминает Мадонна. — Она говорила, что «Hole» намного лучше «Нирваны».

После бурной «войны предложений» именно лэйбл «Нирваны», «Geffen», предложил аванс в миллион долларов и беспрецедентные гонорары, которые привели к тому, что «Hole» наконец подписали свой первый контракт с ведущей фирмой звукозаписи, несмотря на отрицание того, что выгодная сделка имела какое-либо отношение к тому, что фирма благосклонно относилась к Курту. В течение многих лет Кортни хвасталась, что она заключила более выгодный контракт на запись, чем её муж.

* * *

И Курт Кобэйн, и Кортни Лав мечтали, что никто для очистки совести не признается публично в своей причастности к панк-року. Успех, деньги, обаяние и скорое рождение ребёнка. Казалось, у них было всё. А потом всё рухнуло.

20 августа 1992 года, спустя всего два дня после того, как в лос-анджелесском медицинском центре «Cedars-Sinai» родилась Фрэнсис Бин Кобэйн, в продажу поступил сентябрьский выпуск «Vanity Fair». Тремя месяцами ранее Кортни разрешила уважаемой знаменитой журналистке Линн Хиршберг по долгу службы сопровождать её. Одно из любимых изданий Кортни, «Vanity Fair», было просто арбитром для тех, кто имел успех в индустрии развлечений. Кроме того, Хиршберг не была заинтересована в написании истории рок-н-ролльной пары, которая стала главной темой музыкальной прессы за последние месяцы. Она сказала, что хочет сосредоточить внимание на Кортни, которая в настоящее время желает выйти из тени своего мужа и начать свою собственную карьеру.

Но к тому времени, как Кортни закончила читать сигнальный экземпляр истории Хиршберг, отправленную факсом к ней в больницу до того, как она поступила в продажу, она знала, что получит больше, чем ожидала. В статье приводился потрясающий портрет оппортунистки — пусть даже харизматичной и талантливой — жене «святого» рок-н-ролльщика. О Кортни рассказывали её друзья и конкуренты, которые перешли ей дорогу и отделались от неё, попортив себе немало крови. «У Кортни бред, — сказала Хиршберг давняя подруга Кортни Кэт Бьёлланд. — Вчера ночью мне приснилось, что я убила её. Я была очень счастлива».

Однако Кортни тоже не осталась в долгу, охаив и Мадонну, и жену Криста Новоселича, Шелли, и посоветовав Курту создать новую группу без Дэйва Грола, которого она всегда презирала. В целом, однако, она показала, что довольна своей новой жизнью.

«Всё очень хорошо. Всё реализовывается, — говорит она, заранее пророчески признавая, что это может «испортиться в любой момент. — Это нельзя знать наверняка».

Всё это было бы замечательно, подытоживает Хиршберг, «если бы не наркотики». Она цитирует не менее двадцати различных источников музыкальной индустрии, которые утверждают, что Кобэйны «в значительной степени пристрастились к героину». Хотя это был уже не первый раз, когда журналист противостоял Курту или Кортни по поводу того, что по слухам они употребляют наркотики, Курт обычно довольствовался тем, что просто врал. Всего за несколько месяцев до этого он сказал в интервью «Rolling Stone», что «все наркотики — это пустая трата времени», и что его организм не позволил бы ему принимать наркотики, даже если он и хотел бы, «потому что я слишком слаб». Обычная стратегия Кортни состояла в том, чтобы признать, что она баловалась тяжёлыми наркотиками в прошлом, но теперь она разобралась в себе и могла бы только изредка принимать валиум. Однако в интервью Хиршберг, на которое она согласилась, она, видимо, была не в состоянии произвести в уме элементарные математические действия.

Роковые слова входят в цитату, описывающую пребывание пары в Нью-Йорке в январе 1992 года, когда «Нирвана» выступала на «Saturday Night Live». «Мы приняли много наркотиков, — говорит Кортни. — Мы наелись таблеток, а потом отправились в Элфабет-сити, и Курт был в шляпе, я была в шляпе, и мы купили наркотики. Потом мы словили кайф и пошли на «S.N.L.». После этого я пару месяцев принимала героин».

Если это было правдой, это означало, что Кортни всё ещё принимала героин после того, как она узнала, что беременна. Хиршберг взяла интервью у «делового партнера» пары, который подтвердил, что всё было именно так. «Это было ужасно, — свидетельствовал источник. — Кортни была беременна, и она кололась. Курта рвало на людей в машине. Они оба были удолбанные».

Волна отвращения, вызванная шокирующим признанием Кортни в статье «Vanity Fair» была оглушительным потрясением для молодых родителей. Таблоид «Globe» опубликовал материал под названием «Ребёнок Рок-Звезды Родился Наркоманом» с фотографией деформированного новорожденного ребёнка, якобы Фрэнсис Бин. «Я поняла, что моего мира больше нет. Я умерла, — впоследствии сказала Кортни. — Вот что было. Конец жизни… за то счастье, которое я знала, я должна была бороться до конца жизни».

За день до поступления номера в продажу те, кто работал на

супругов, уже трудились в полном режиме минимизации последствий, издав пресс-релиз от имени Курта и Кортни, в котором говорилось, что выпускающаяся статья содержит «много ошибок и искажений». Сначала Кортни утверждала, что её слова переврали, что она никогда не принимала героин за всё время, пока была беременна. «Я не принимала героин во время моей беременности, — сказала она «Melody Maker». — И даже если бы я день и ночь нюхала кокаин, это, блин, моё личное дело». Но у Хиршберг было явно неопровержимое доказательство того, что Кортни действительно признавалась в том, что принимала героин в течение двух месяцев после выступления на «SNL». «Я записала интервью на плёнку, и написала о том, что видела», — настаивала журналистка. «Vanity Fair» решительно защищала материал. Тогда история Кортни изменилась. Она действительно принимала героин первые три месяца, признавалась Кортни, но только до того, как она узнала, что беременна. Эта история явно противоречит тому, что она рассказала Хиршберг — так считает лучший друг Курта, Дилан Карлсон, который рассказал нам, что кололся вместе с Куртом и Кортни перед их свадьбой в феврале, где он был шафером.

Чтобы исказить факты, спустя всего пять дней после рождения Фрэнсис Бин кто-то из больницы анонимно отправил факсом копию медицинских данных Кортни в «Los Angeles Times», свидетельствующих о том, что она получала «суточные дозы метадона, заменителя героина, которым обычно лечат наркотическую зависимость». Поскольку больничная документация опечатана, неизвестно, был ли её ребенок рождён наркозависимым, но, как сообщает статья «Times», при таких обстоятельствах этот факт будет иметь место, если мать регулярно принимает метадон в конце своей беременности. В статье приводятся слова руководителя ближайшего реабилитационного центра для наркоманов, что дети, рождённые зависимыми от химических препаратов, должны проходить метадоновую детоксикацию но что «дети это хорошо переносят».

Последствия были разрушительными. 20 августа, спустя два дня после рождения ребёнка, социальный работник службы защиты детей штата Лос-Анджелес, размахивая копией статьи Хиршберг, приехал в больницу, чтобы взять интервью у Кортни. Молодую мать с ребёнком планировалось выписывать на следующий день, но после интервью с Кортни социальный работник посоветовал оставить Фрэнсис в больнице для обследования. Четыре дня спустя на назначенных штатной службой защиты детей судебных слушаниях судья постановил, что ни Курту, ни Кортни не разрешается видеть своего

новорожденного ребёнка без контроля назначенного судом опекуна.

Адвокаты пары убедили суд позволить сводной сестре Кортни стать опекуном Фрэнсис Бин. «[Сводная сестра] едва знала Кортни, — признавался Дэнни Голдберг, президент управляющей компании Курта, — и она её терпеть не могла. Поэтому нам пришлось слегка подкупить её, чтобы та притворилась, что ей не всё равно».

Это суровое испытание стало тяжёлым ударом главным образом для Курта, который с таким нетерпением ждал того момента, когда он станет отцом. «Я чувствовал себя так, словно надо мной надругались», — признавался он впоследствии. Со своей стороны Кортни не жаждала мести, и весь её гнев был сосредоточен на Линн Хиршберг. В 1995 году Кортни призналалась в интервью журналу «Select», что она действительно принимала героин во время своей беременности, «иначе я бы засудила эту задницу [Хиршберг]». Однако это не удержало её от того, чтобы снова и снова угрожать Хиршберг, «Vanity Fair» и издателю журнала, «Conde Nast». Впоследствии Хиршберг призналась, что Кортни постоянно угрожала убить её, наряду с угрозами зарезать её собаку. Хиршберг до сих пор отказывается говорить с журналистами об этой статье, утверждая, что она «боится за свою жизнь».

Боялась не только она. За несколько месяцев до выхода статьи Курт дал сигнал двум находящимся в Сиэтле британским музыкальным журналисткам Виктории Кларк и Бритт Коллинз написать книгу о «Нирване» и даже дал много интервью этим двум авторам. Бывшая давней подружкой легендарного лидера «Pogues» Шэйна МакГована — с которым она быстро рассталась — Кларк имела хорошие связи в музыкальной индустрии и сама разбиралась в бурных рок-отношениях. МакГован, которого многие считают музыкальным гением того же порядка, что и Джон Леннон, и Курт Кобэйн, не так давно был изгнан из группы, которую он основал, из-за собственного саморазрушающего пристрастия к наркотикам и алкоголю. Кларк полагала, что она может предложить единственное в своём роде понимание мира Курта.

Кортни всегда уважала МакГована, с которым она снималась в злополучном фильме «Straight to Hell». Поэтому она была очень счастлива, что долгое время сотрудничала с его подружкой. Однако через несколько недель после публикации статьи «Vanity Fair» она, видимо, услышала, что Кларк попыталась встретиться с Хиршберг, чтобы узнать её мнение об этой истории и, возможно, добыть запись её интервью. Это вызвало цепь событий, из-за

которых и Коллинз, и Кларк боятся до сих пор. Однажды поздней осенью 1992 года Виктория Кларк вернулась в свою квартиру в Сиэтле и обнаружила истеричное сообщение от Кортни на своём автоответчике. Тон плёнки внушает ужас:

> Я никогда, бля, тебе этого не прощу…. Я задолбаю вас до смерти, две грёбаные стервы…. Идти к Линн Хиршберг и брать у неё интервью — это называется насилием…. Грёбаная сука…. Ты поплатишься за это, ты ответишь за всё сполна, это точно…. Ты ещё пожалеешь, что вообще родилась на свет!

На следующий день сам Курт оставил ряд сообщений (на заднем плане его подначивал голос Кортни), которые казались даже ещё более угрожающими:

> Если в этой книге будет то, что заденет мою жену, я, бля, причиню боль вам…. Я вырежу ваши грёбаные глаза, вы суки… шлюхи… маленькие стервы-паразитки!.. Мне, на хрен, наплевать, если меня осудят за то, что я угрожаю вам. Я думаю, что мог бы выбросить несколько сотен тысяч долларов на то, чтобы уничтожить вас, но, возможно, я сначала попробую сделать это законным путём.

Дэнни Голдберг тотчас же принял меры, отрицая, что на плёнке автоответчика записан голос именно Курта, но впоследствии сам Курт подтвердил в разговоре со своим биографом Майклом Азеррадом, что он звонил и угрожал. «Понятно, что сейчас мне есть что терять, поэтому я буду не в состоянии это сделать, — сказал Курт. — Но у меня вся жизнь впереди…. Я раньше пробовал убить людей в приступе гнева…. Когда люди чересчур достают меня, я просто не могу не хотеть забить их насмерть».

Давняя подруга Курта Элис Уилер говорит, что её не удивляет эта сторона его личности. «Все всегда пытаются изобразить Курта этаким святым, а Кортни — сукой, — говорит она, — но у Курта определённо была своя тёмная сторона. Он мог быть очень испорченным, временами очень неприятным. Тем не менее, в основном он был очень милым, тихим спокойным парнем. Это просто не учитывалось». Уилер говорит, что после того инцидента к ней и другим друзьям Курта (приблизительно семидесяти) приходил частный детектив, работающий на Курта и Кортни, который пытался выяснить, разговаривали ли они с двумя британскими писательницами. «Это было очень

страшно, — вспоминает она. — Я думаю, что они пытались послать нам сообщение, что нам лучше молчать. Это походило на скрытую угрозу».

Тем временем Кларк, которая переехала в Лос-Анджелес через несколько часов после того, как прослушала сообщения на своём автоответчике, имела несчастье столкнуться с Кортни несколько месяцев спустя в лос-анджелесском баре, где, как она утверждает, та напала на неё. «Она запустила в меня стаканом, а потом попыталась вытащить меня наружу за волосы», — вспоминает Кларк, которая впоследствии вернулась в Великобританию, всё ещё напуганная яростью Кортни.

Вскоре после этого, пытаясь принять меры и далее, управляющая компания «Нирваны» «Gold Mountain» обратилась к опытному автору «Rolling Stone» Майклу Азерраду, чтобы тот написал авторизированную биографию группы. Помня о своей журналистской правдивости, Азеррад испытывал неудобство от мысли, что биографию будут называть «авторизированной», но дал своё согласие, если он сохранит полный редакционный контроль. Формально книга была написана «в сотрудничестве» с группой.

«Курту и Кортни Азеррад был нужен для одной цели, — рассказывает Элис Уилер. — Они должны были убедить людей, что их увлечение наркотиками было преувеличено, и что они оставили всё это позади. Курт главным образом боялся потерять ребёнка, поэтому он сделал то, что должен был сделать, даже если ему пришлось врать. Все мы понимали, что происходит. Курт даже принимал то, что происходило. Однажды я получила письмо от их людей, инструктирующих меня, что нужно говорить только с Майклом Азеррадом, а не с теми британскими писательницами. Вот почему нельзя в полной мере доверять большому количеству информации из этой книги».

Действительно, книга «Come as You Are» вышедшая в октябре 1993 года, содержит много эпизодов, преуменьшающих злоупотребление парой наркотиками. Книга использует специальные тона, чтобы облагородить пристрастие Кортни к наркотикам, подразумевая, что она когда-то случайно приняла героин, но теперь всё это осталось в прошлом. Книга также вышла, чтобы пара могла свести свои личные счёты, резко раскритиковав Хиршберг и других авторов, которые изобразили Кортни в негативном свете. Азеррад подробно останавливается на множестве сравнительно незначительных фактических ошибок в статье «Vanity Fair» и намекает, что Хиршберг не поняла сардонического чувства юмора Кортни. Он продолжает обвинять в таком отношении к Кортни в СМИ «значительное давление со

стороны женофобов». В 2001 году, после того, как стало очевидно, что в его книге изображена не совсем точная картина, Азеррад признал в заявлении Фэн-Клубу «Нирваны»: «Это верно, я не представлял себе все масштабы наркомании Курта, когда писал книгу. Но даже Крист и Дэйв не знали, сколько принимает Курт». Несмотря на недостатки, «Come as You Are» является ценным закулисным изображением «Нирваны» на пике своей карьеры.

Из-за почти безумных попыток Курта и Кортни управлять информацией, распространяемой о них после полемики, касающейся рождения Фрэнсис Бин, иногда трудно понять, какому из их публичных заявлений за последующие два года можно доверять, а какое не принимать во внимание из-за того, что это обман. Оба проходили реабилитацию и предпринимали искренние попытки завязать с наркотиками, и оба, по-видимому, более или менее потерпели неудачу. «Я понимал, что когда у меня появился ребёнок, я был ошеломлён, и это правда, — сказал Курт в интервью «Los Angeles Times» после того, как пара, наконец, вернула себе право на полную опеку над своим ребёнком в 1993 году. — Я не могу передать вам, насколько изменилась моя позиция теперь, когда у нас появилась Фрэнсис. Держать на руках своего ребёнка — вот лучший в мире наркотик».

«Он обожал эту малышку, — говорит Элис Уилер. — Вы бы видели его с детской коляской и подгузниками и тому подобное. Он больше не был таким мрачным. Я думаю, что он действительно кайфовал оттого, что был папашей». Все его друзья вторят этому описанию, считая, что Курт стал совершенно другим человеком. «Я был приглашён на первый праздник по случаю дня рождения Фрэнсис, и я заметил, как он изменился. Когда он был со своей дочерью, он просто сиял», — вспоминает друг Курта, рок-фотограф из Сиэтла Чарлз Петерсон. Дедушка Курта вспоминает, как он пришёл в гости в дом супругов в Сиэтле, когда Фрэнсис было почти полтора года. «Кортни шла в клуб, бар или ещё куда-то, и хотела, чтобы Курт пошёл с ней, — вспоминает Лиланд. — Но он хотел просто остаться дома и поиграть с ребёнком. Он думал только о Фрэнсис».

Осенью 1993 года случилось ещё кое-что, что подняло Курту настроение. За эти годы целый ряд специалистов-гастроэнтерологов не мог определить, что же причиняло ему невыносимые боли в нижней части живота. Их причина была настолько таинственна, что некоторые доктора даже полагали, что это было что-то психосоматическое. Наконец один специалист решил заглянуть немного дальше в раннюю историю болезни Курта и обнаружил, что, когда он был ребёнком, ему поставили

диагноз сколиоза в лёгкой форме, или искривления позвоночника. Он заглянул в медицинскую литературу. Иногда сколиоз может стать причиной ущемления брюшных нервов, и именно это причиняло Курту боль все эти годы. Как только проблема была обнаружена, понадобился простой рецепт, чтобы боль исчезла.

Во многих интервью в течение года Курт говорил, что боль в его желудке настолько мучительна, что это заставляло его испытывать желание «пустить себе пулю в лоб», и эта фраза вскоре стала пугающе пророческой. Поэтому те, кто его знал, не могли не оставить без внимания его первое интервью, в котором он объявил, что боль исчезла, в номере «Rolling Stone» от 27 января 1994 года, за два месяца до его смерти. «Просто мой желудок больше меня не беспокоит, — ликует он. — Я могу есть. Вчера вечером я съел огромную пиццу. Так здорово, что я могу это сделать. И это только поднимает мне настроение».

Рядовому фэну эти слова покажутся безобидными и за прошедшие месяцы вряд ли остались бы замеченными. Однако многие читатели запомнили другое высказывание Курта ближе к началу того же интервью.

Автор, Дэвид Фрикке, рассказал, что когда он нагнал «Нирвану» в середине их американского тура, он ожидал обнаружить то, что он описывает как миф о Кобэйне, придуманный прессой — «стервозного, жалующегося сумасшедшего шизофреника». Вместо этого, пишет он, он был удивлён, обнаружив Курта в раздумьях, предпринимавшего большие усилия, чтобы объяснить, что успех — это на самом деле не отстой — во всяком случае, не такой, как обычно кажется — и что его жизнь довольно хороша и становится ещё лучше.

За годы, прошедшие с его смерти, публике сообщался непрерывный поток утверждений о предполагаемом отчаянии, которое привело к самоубийству Курта. Даже многие из тех, кто никогда не слышал ни одной песни «Нирваны», могут перечислить эти факторы практически наизусть: одиночество, вызванное успехом, умопомешательство и страдание, которое пришло вместе с его популярностью. Тем более удивительно впоследствии читать то, что он сказал Фрикке в том интервью всего за несколько месяцев до того, как он якобы покончил с собой: «Я никогда в жизни не был так счастлив».

3

Распространявшиеся среди сотрудников Полицейского Управления Сиэтла слухи оказали одинаковое воздействие на каждого полицейского, от самого скромного участкового до тридцатилетнего ветерана. 23 марта 1999 года к изумлению своих ошеломлённых коллег сержант Дональд Кэмерон был временно отстранен от работы начальником полиции в связи с двухлетним воровством. Зловоние коррупции долго витало над Полицейским Управлением, которое неоднократно сотрясалось на протяжении многих лет из-за разоблачений преступлений, взяток, жестокости полиции и тесной связи с организованной преступностью. Но Кэмерон, один из детективов-ветеранов отдела по убийствам, всегда вёл себя безупречно. Теперь его поведение угрожало в который раз поместить Управление под микроскоп пристального внимания общества.

Среди коллег он был известен под ласковым прозвищем «Мистер Убийство». В течение своей тридцативосьмилетней карьеры полицейского Кэмерон расследовал сотни убийств и заработал уважение если не всех, то многих своих товарищей-полицейских за свой сугубо деловой подход к уголовному расследованию. Когда он вынес решение о самоубийстве в самом громком деле за свою карьеру, расследовании смерти Курта Кобэйна, доброе имя Кэмерона неоднократно цитировалось в качестве подтверждения его заявления.

Теперь он обвинялся в том, что помогал одному из своих детективов скрыть воровство 10 000 долларов с места преступления двумя годами ранее. Говорят, что сначала Кэмерон просто мягко предложил своему подчинённому, тридцатилетнему ветерану Сонни Дэвису, чтобы тот избежал ошибки, которая может стоить ему карьеры, и вернул деньги, которые тот украл с места преступления до того, как их отсутствие было обнаружено. Но на последующем рассмотрении дела Дэвиса его коллега Клойд Стайджер сказал присяжным, что он думает, что сам Кэмерон «тайно замыслил украсть деньги». Обвинение способствовало потрясению Управления, уже сотрясающегося от скандала.

После расследования обвинитель публично заявил, что Кэмерона можно было обвинить во множестве преступлений, включая предоставление преступной помощи, но к тому времени истёк двухлетний срок давности. Кэмерон спокойно уволился со службы прежде, чем могло быть начато расследование службой собственной безопасности Полицейского Управления и наложено дисциплинарное взыскание. В конечном счёте, после того, как

дело слушалось в двух судах присяжных, не выработавших единого решения — в последнем из которых проголосовали одиннадцатью голосами против одного за обвинение — обвинители решили не возобновлять слушание дела, и Дэвис был освобождён. Но из-за этого дела тёмные тучи нависли над Управлением и, что более важно, над репутацией и карьерой сержанта Дональда Кэмерона.

Сообщение о том, что честность Кэмерона публично подвергалась сомнению, возможно, стала шоком для его многочисленных друзей и сторонников, но для нас это вовсе не было неожиданностью. Несколькими годами ранее мы имели дело с детективом Кэмероном, и после этого мы так и остались при своих прежних сомнениях. Когда Кэмерон закрыл дело Кобэйна в 1994 году, он публично объявил, что он будет готов возобновить дело, если ему предоставят новые доказательства, указывающие на убийство. Три года спустя мы решили принять его предложение. В 1997 году мы посетили отдел по убийствам Полицейского Управления Сиэтла со съёмочной группой Би-Би-Си. Мы кратко изложили сведения о новых доказательствах, собранных за три года после смерти Курта, включая показания на детекторе лжи человека, который сказал, что ему было предложено 50 000 долларов за убийство Кобэйна. После того, как мы сказали секретарше в приёмной, что у нас есть важная новая информация по делу Кобэйна для сержанта Кэмерона, она вышла, чтобы передать наше сообщение. Нам было видно, что Кэмерон сидел за столом, по-видимому, отдыхая. Вскоре после этого вышел детектив и сказал нам, что Кэмерон занят. Мы сказали ему, что мы проехали три тысячи миль, от Монреаля до Сиэтла, и что мы готовы подождать. Детектив был непреклонен. «То дело закрыто, — сказал он. — А теперь уходите». Мы сообщили ему, что Кэмерон обещал рассмотреть возможность возобновления дела, если ему предоставят правдоподобные новые доказательства. Мы сказали, что мы просто хотели дать ему то, что у нас есть. Мы даже были готовы оставить секретарше своё досье для него. Он грозился арестовать нас, если мы сейчас же не уедем. Мы поспешно ретировались.

На отснятом материале Би-Би-Си можно увидеть Кэмерона, выглядывающего из-за своего рабочего места, отделённого перегородкой. С тех пор он наотрез отказывается комментировать то дело.

* * *

6 августа, спустя три года после того, как Кэмерон уволился из Полицейского Управления Сиэтла, его старый друг, доктор Николас Хартшорн, поднялся на вершину крутого утёса долины Лаутербрюннен в центре Швейцарии и приготовился прыгнуть вниз с высоты тысяча триста футов. За несколько лет до этого Хартшорн занялся бейс-джампингом, экстремальной спортивной разновидностью скайдайвинга, когда участники прыгают с парашютом со зданий, мостов и утесов. Как ни странно, его интерес к этому опасному виду спорта пробудился несколькими годами ранее, когда он был вызван на место, где произошла смерть бейс-джампера, в качестве помощника судебно-медицинского эксперта сиэтлской «King Company». Очарованный, он вскоре сам попробовал прыгнуть, и его тотчас же захватили собственные острые ощущения от прыжка. С тех пор на его счету было более пятисот прыжков и победа на американском национальном чемпионате по бейс-джампингу. Однако Хартшорн, возможно, был более известен как врач, который в 1994 году провёл вскрытие тела Курта Кобэйна и постановил, что рок-идол совершил самоубийство.

Его коллеги по бейс-джампингу называли Хартшорна «доктор Смерть», частично из-за его работы, частично из-за его склонности к расследованию смертей своих товарищей-прыгунов. Причиной этого было то, что он должен был точно изучить, что же вышло из строя, чтобы снизить риск, который стоил жизни приблизительно сорока прыгунам за двадцать лет. Но, поскольку он прыгал с опасного швейцарского утёса, известного здесь под названием Нос, его высококлассное мастерство оказалось бесполезным. Когда он падал, его круто развернуло на 180 градусов к утёсу. При прыжке он ударился о три выступа, в то время как его парашют раскрылся нормально и рухнул на него. Он умер мгновенно.

Мы ещё не знали, являлись ли неожиданная отставка Кэмерона и внезапная смерть Хартшорна — тех двоих людей, которые в наибольшей степени были ответственны за то, что они убедили весь мир, что Курт Кобэйн совершил самоубийство — препятствием к выяснению правды или возможности найти её.

* * *

Ряд событий, которые неразрывно связали детектива Кэмерона и доктора Хартшорна, имел место несколькими годами ранее, когда оба были всё ещё на пике своих профессиональных карьер. В пятницу, 8 апреля 1994 года, на работу каждому из них

позвонили незадолго до 10:00 утра. Ранее тем утром Гэри Смит, электрик, приехал в резиденцию Курта Кобэйна и Кортни Лав у озера Вашингтон, чтобы установить систему сигнализации. Он и его бригада работали там в течение нескольких дней; Смит приехал ранним утром в пятницу, чтобы закончить прокладку проводов в гараже, расположенном в отдельном строении рядом с главным зданием. Когда он взобрался на балкон комнаты над гаражом, он увидел то, что сначала через застеклённые створчатые двери он принял за манекен. Потом он заметил кровь в правом ухе; когда он увидел ружьё, он тотчас же позвонил своему контролёру в «Vega Electric», чтобы сообщить об ужасной находке. Вместо того, чтобы вызвать полицию, диспетчер компании позвонил на местную радиостанцию «KXRX-FM» и сказал ди-джею Марти Реймеру: «У меня есть для вас кое-что, а за это вы будете мне должны несколько приличных билетов на «Pink Floyd». Сначала Реймер думал, что звонок был розыгрышем, но спустя двадцать минут по всему миру передали срочное сообщение: в резиденции Курта Кобэйна было найдено тело.

Неделей ранее, в пятницу 1 апреля, Курт перелез через стену лос-анджелесского центра реабилитации наркоманов и исчез. Хотя заболевание желудка, которое, как он утверждал, было причиной его пристрастия к героину, больше не беспокоило его, он уже серьёзно пристрастился к наркотикам. К концу 1993 года Курту больше не был нужен героин для облегчения боли — он был нужен ему просто сам по себе.

В течение последних месяцев его жизни большинству членов семьи Курта, его друзьям и коллегам стало совершенно очевидно одно: его отношения с Кортни разладились. Несмотря на то, что годом ранее они были, несомненно, очень влюблены, теперь почти каждому, кто общался с этой парой, было ясно, что установлена ужасная и в значительной степени односторонняя модель. «Она постоянно оскорбляла его, даже публично, — вспоминает Питер Клири, один из сиэтлских наркоманов-приятелей Курта. — Она всё время называла его тупым козлом. А он просто стоял и выслушивал её оскорбления…. Прямо как ребёнок».

Когда в 1993 году «Нирвана» отправилась в студию для записи очень ожидаемого продолжения «Nevermind», стали распространяться сообщения о том, что Кортни постоянно мешала записи. Она требовала, чтобы Курт следовал её советам, постоянно кричала на него и чуть ли не лезла в драку и с Дэйвом Гролом, и с продюсером Стивом Элбини. Дважды Элбини грозился уйти, ссылаясь на непрерывное вмешательство Кортни. Впоследствии он выступил публично со своими жалобами, говоря

репортёрам: «Я не буду смущаться так, как Курт, говоря о том, какая его жена психопатка и чудовище, особенно потому что он об этом уже знает».

В январе 1994 года Тэд Дойл, ещё один старый друг Курта, также публично выступил с жалобами на Кортни, сказав в интервью журналу «Melody Maker»: «Она неуправляема. Она найдёт или сотворит неприятности где угодно…. Она отвратительна. И можете цитировать мои слова». Вскоре после этого группе Дойла, «Tad», внезапно отказали в выступлении на разогреве «Нирваны» на концерте 8 января в Сиэтл-центре.

Даже в лучшие дни их отношений в 1992 году семейную жизнь Курта и Кортни было трудно назвать семейным счастьем. Однако к середине 1993 года эти отношения стали тем, что один из обозревателей назвал «ожесточёнными боями». Биограф Кобэйна Кристофер Сэндфорд цитирует друга Курта, который в этот период приехал в их дом и обнаружил, что «Кортни бросала в стену всё, что было под рукой, и кричала на Курта, что он ни на что не годится. По её мнению, он был виноват в том, что не мог сочинить песню».

Их семейные проблемы впервые стали привлекать всеобщее внимание в июне 1993 года, когда полиция Сиэтла отреагировала на звонок по номеру 911 о внутренних беспорядках из дома супругов на Лэйксайд-авеню. Когда приехала полиция, Кортни сказала, что Курт толкнул её после того, как она бросила ему в лицо стакан сока во время спора. Курт был арестован за нападение и провёл три часа в тюрьме округа Кинг, а затем отпущен под залог в размере 950 долларов. Один из свидетелей инцидента сказал полиции, что Курта «спровоцировали». Кортни отказалась предъявлять обвинение, и дело закрыли.

Кортни впоследствии утверждала, что употребление Куртом наркотиков было главным источником их семейных проблем, но его близкие говорят, что Кортни сама регулярно кололась. Она даже наняла известного героинщика — своего бывшего дружка из Калифорнии по имени Майкл «Кэли» Дьюитт — в качестве няни для Фрэнсис Бин на полный рабочий день. Дедушка Курта зашёл к ним в гости в январе 1994 года и был потрясён следующей сценой. «Кортни и парень-няня явно были под кайфом, возбуждены, а Фрэнсис была в этой же комнате, — вспоминает Лиланд. — Я сначала не знал, кто это парень, но когда узнал, что он присматривает за ребёнком, я очень расстроился. Там была ещё одна няня, и тоже наркоманка. Я потом сказал Венди [матери Курта], что лучше бы избавиться от таких нянь, иначе у них снова отнимут Фрэнсис. Она спросила: «Почему?», и я сказал: «Потому что они оба — самые настоящие наркоманы». Она сказала: «Они

не наркоманы», а я ответил: «Да наркоманы они, чёрт возьми! Ты только взгляни на них, и увидишь, что они удолбаны до чёртиков». А потом, пару месяцев спустя, я прочёл статью в журнале, где Венди говорила, какая Кортни замечательная, потому что она заплатила за то, чтобы её няни отправились в реабилитационный центр».

Дилан Карлсон, один из главных поставщиков наркотиков для супругов, вспоминает трагикомическое взаимодействие Курта и Кортни, делающих свои заказы: «Один из них просил меня по телефону привести что-нибудь, — вспоминает он. — А в это время другой ждал на линии, чтобы тоже попросить наркотиков. Каждый из них просил меня не говорить другому».

Однако друзья пары утверждают, что, по-видимому, не наркотики, а деньги были главным источником конфликта. Натянутые отношения между Куртом и его товарищами по группе достигли критической точки в середине 1993 года, когда он настаивал на пересмотре условий договора по поводу их гонораров. Когда группа подписала свой первый главный контракт с «Geffen Records», они договорились, что весь гонорар должен делиться между ними поровну. Но, после того, как «Nevermind» стал бестселлером, поговаривали, что Кортни пришла в ярость из-за того, что Крист и Дэйв получат одинаковые доли от миллионных гонораров, несмотря на то, что большинство песен написал Курт. Она потребовала, чтобы он предпринял меры для изменения соглашения. «То, что делают они, может сделать каждый, — по словам его друзей, часто пилила его она. — А весь талант — у тебя одного». Скрепя сердце, он сдался и вступил в конфронтацию со своими товарищами по группе. Впредь, утверждал он, ему должны отходить гонорары в размере 100 процентов за тексты песен и 75 процентов — за музыку. Кроме того, он потребовал, чтобы сделанные изменения имели обратную силу по отношению к первоначальным продажам «Nevermind». Потрясённые тем, что, как они думали, было предательством их дружбы, не говоря уж о панк-рок идеалах Курта, Дэйв и Крист на первых порах отказывались от таких изменений, утверждая, что соглашение должно вступить в силу только со следующего альбома. Но Курт стоял на своём и пригрозил уходом из группы, если они не примут его условий. Дэйв и Крист обвинили Кортни в решении своего старого друга предать их, и всё поменялось раз и навсегда. Если они и разговаривали, то только о том, что было связано с выпуском записей «Нирваны».

В связи с увеличением дохода Кортни настаивала на том, чтобы они жили в доме, который соответствовал бы статусу Курта как суперзвезды. Она нацелилась на эксклюзивный район Дэнни-

Блэйн, где проживала потомственная денежная аристократия Сиэтла, социально-экономический просвет после захудалого университетского района, где пара прожила почти два года. Курту было удобнее в притонах вроде тех, в которых он вырос, и у него не было никакого желания видеть, как живут богатеи. Но по настоянию Кортни он раскошелился больше чем на 1 миллион долларов на особняк в 7,800 квадратных футов на холме у озера Вашингтон, по соседству с председателем «Старбакс» Говардом Шульцем, и как раз через озеро напротив того места, где ещё один символ Сиэтлса, Билл Гейтс, построил своё роскошное имение. Его новые соседи вероятнее всего вызвали бы полицию, когда слышали громкую музыку, чем оказали бы радушный приём на своей территории грандж-паре с дурной репутацией. Курт постоянно жаловался друзьям, что среди богатых ему неудобно.

Для того, чтобы соответствовать новым высококачественным условиям, Кортни хотела хорошую машину взамен потрёпанного старого «Валианта» Курта. Хотя у неё не было прав, и она никогда не училась водить машину, она убедила Курта купить чёрный роскошный «Лексус». Однако, уязвлённый напыщенностью всего этого, спустя всего восемнадцать часов он вернул его дилеру.

Вскоре после того, как они переехали в новый дом, Курт дал сигнал своей управляющей компании продолжить европейский тур из 38 концертов, запланированный на начало февраля 1994 года. Его утомил недавно завершившийся американский тур группы, и он подумывал об отмене европейских концертов, но его по-прежнему воодушевляло отсутствие своих проблем с желудком. Он говорил друзьям, что ему снова нравится играть музыку, больше не испытывая постоянной боли, которая мучила его с подросткового возраста. Как рассказывает его друг Питер Клири, Курт любил ездить в туры, потому что это предоставляло ему вожделенную независимость. «Что касается гастролей, — объясняет он, — Курт говорил, что это — единственное время, когда он может командовать. Дома с женой он был похож на эмоционального калеку, но в туре всё было иначе. Он был в центре внимания, и он был боссом». Дополнительным преимуществом было то, что Кортни не сопровождала его во время европейских концертов, потому что она была в студии, микшировала новый альбом «Hole».

«Нирвана» начала свой тур 4 февраля в Париже с выступления на телешоу в обеденное время. После Курт — уставший после перелёта, но весёлый — позировал для рекламных фотоснимков французскому фотографу по имени Юрий Ленкетт, близкому другу с австралийского тура «Нирваны» 1992 года. Однажды Ленкетт попросил Курта сняться с

игрушечным пистолетом во рту — тот однажды видел, как это делал Курт в доме Дэйва Грола в Сиэтле. Никто не догадывался, насколько пророческой будет такая поза.

1 марта, спустя две недели после своего двадцатисемилетия, Курт пожаловался, что плохо себя чувствует вскоре после того, как группа приехала в Мюнхен, чтобы отыграть первый из двух концертов на заброшенном аэровокзале. Он выглядел истощённым в течение недели и на сцене был нехарактерно вялым во время недавних концертов в Милане и Лиссабоне. Однажды он даже спросил кого-то из своего окружения, что произойдёт, если он отменит тур. Ему сказали, что группа будет нести ответственность за все пропущенные концерты, что повлечёт за собой иск на сотни тысяч долларов. Незадолго до первого запланированного концерта в Мюнхене Курт позвонил Кортни, которая была в Лондоне, делая предварительную раскрутку своего готовящегося к выходу альбома. По обыкновению разговор закончился на повышенных тонах. После выступления Курт попросил своего агента отменить предстоящий концерт и на следующее утро он показался итальянскому врачу-терапевту, который выявил серьёзный бронхит. Врач подписал медицинский бланк, требуемый для целей страхования, а затем порекомендовал Курту взять двухмесячный перерыв для восстановления.

На следующий день, 3 марта, Курт полетел в Рим, чтобы встретиться с Кортни и Фрэнсис. Он остановился в «Эксельсиоре», самом роскошном отеле города, и стал ждать свою жену и дочь, которых он не видел двадцать шесть дней.

Детали того, что произошло в течение следующих двадцати четырёх часов, по-прежнему туманны. Между 6:00 и 6:30 утра 4 марта к портье поступил исступлённый звонок Кортни с просьбой вызвать «скорую». Она только что обнаружила своего мужа без сознания на полу их гостиничного номера. Курта поспешно доставили в многопрофильную больницу Умберто I. Между тем в Соединённых Штатах Си-Эн-Эн прервала вещание, чтобы объявить, что Курт Кобэйн умер в Риме от передозировки наркотиков. Сообщение оказалось преждевременным: спустя двадцать часов после того, как его привезли в больницу, Курт открыл глаза и попросил молочного коктейля с земляникой.

На следующий день его врач Освальдо Галлетта провёл пресс-конференцию, чтобы объявить, что Курт оправился от «фармакологической комы, происшедшей не от наркотиков, а от комбинированного действия алкоголя и транквилизаторов, которые в виде лекарства были прописаны врачом».

«Gold Mountain», управляющая компания «Нирваны», сделала

заявление, что у Курта была случайная передозировка. Ни слова о самоубийстве никогда не упоминалось — ни публично, ни конфиденциально. В «Gold Mountain» хорошо знали, что это была не первая для Курта передозировка наркотиков. Годом ранее, 2 мая 1993 года, в дом Курта и Кортни на Лэйксайд-авеню было послано Сиэтлское подразделение пожарной охраны, где они обнаружили Курта «дрожащим, залитым румянцем, бредящим и бессвязно говорящим». Он, по-видимому, перенёс передозировку после впрыскивания героина на 30–40 долларов. Его отвезли в больницу, где его вылечили и отпустили.

Кортни утверждает, что когда пара вернулась в Сиэтл спустя несколько дней после передозировки в Риме, прекратив европейский тур, она выгнала из дома торговцев наркотиками и не останавливалась ни перед чем, чтобы убедиться в том, что Курт не употребляет наркотики. Она сказала, что это снова возобновило вспышки напряжённости между ними. Но, по словам Дилана Карлсона, конфликты возникали опять-таки именно из-за денег, а не из-за наркотиков.

«Нирване» предложили ведущую роль на гигантском альтернативном фестивале музыки Лоллапалуза, включая щедрый процент от выручки за денежные сборы, которые принесли бы группе миллионы долларов. Но по возвращении из Рима Курт решительно заявил, что он не собирается принимать участия в летнем туре. По словам Карлсона, который видел Курта в день его возвращения из Рима, Кортни была в ярости, что он хочет отказаться от таких денег.

«Она была разъярена, — вспоминает он. — Она принялась кричать на него, что он отказывается от таких денег, и сказала, что раз он не хочет этого делать, она будет рада занять его место».

Впоследствии Кортни прилагала большие усилия, чтобы изобразить себя в то время в качестве мягкой, но решительно противостоящей употреблению наркотиков персоны по отношению к Курту. «Когда он под кайфом вернулся домой из Рима, я вышла из себя», — сказала она в интервью «Rolling Stone» в декабре 1994 года. Она утверждала, что в итоге Курт просто принимал наркотики втайне от неё, потому что знал, что она не позволит ему ничего принимать. Карлсон, который по-прежнему снабжал обоих, считает это смехотворным. «Это интересно», — говорит он.

Действительно, воспоминания двух автомобильных продавцов из Сиэтла представляют собой совершенно иную картину. 22 марта, спустя всего две недели после того, как они вернулись из Рима, Курт и Кортни приехали на такси к стоянке

подержанных автомобилей «Американская Мечта», которая специализировалась на старинных машинах. Возвратив «Лексус» в январе, Курт решил, что хочет автомобиль, в большей степени соответствующий его имиджу. Он присмотрел на этой стоянке классический голубой «Додж Дарт» 65 года и захотел его купить.

Шофёр Леон Хассан вспоминает, что пара «страшно ссорилась» на заднем сиденье по пути к «Американской Мечте». Когда они приехали, их обслуживал продавец по имени Джо Кенни, который говорит, что у них речь шла о «Лексусе», а Курт пытался убедить её, что «Дарт» может делать всё то же, что и роскошный автомобиль. Через несколько минут Кортни сказала, что ей нужно в уборную. Кенни говорит, что по дороге она выронила горсть наркотиков и должна была подобрать их. Кенни утверждает, что сказал своему коллеге, что ему надо побыстрее получить автограф Курта на своём CD, потому что было похоже, что они не пробудут здесь долго, они были такими удолбанными». «Она действительно принимала наркотики», — вспоминал другой продавец.

Между тем в «Geffen Records» были напуганы опасной ситуацией в Риме. «Нирвана» была самым большим активом компании, стоящим десятки миллионов долларов прибыли — они не могли позволить себе потерять Курта. В равной степени обеспокоенным был президент управляющей компании «Нирваны» Дэнни Голдберг, который также мог потерять миллионы комиссионных. Но Голдберг, который был крёстным отцом Фрэнсис Бин, сам также стал очень близок к Курту и был искренне обеспокоен ухудшением его состояния.

Голдберг связался с Стивеном Чатоффом, главой известного реабилитационного центра для наркоманов, который порекомендовал «интервенцию», сомнительный курс воздействия, который применялся с ограниченным успехом на серьезных наркоманах. Идея заключалась в том, чтобы собрать вместе друзей и членов семьи, чтобы противостоять наркоману в том, чтобы он принимал наркотики. Утром 25 марта Курт спустился вниз с Диланом после того, как, проснувшись, два друга вместе укололись. В гостиной собрались Кортни; Майкл «Кэли» Дьюитт, нянь Фрэнсис Бин; новый гитарист «Нирваны» Пэт Смир, и несколько администраторов управляющей компании Курта и студии звукозаписи. Во главе с Дэвидом Берром, консультантом по наркотическим вопросам, участники по очереди говорили с Куртом о его наркомании и требовали, чтобы он попытался вылечиться. Пока он этого не сделает, грозились администраторы, они больше не будут с ним работать, и его карьера будет разрушена. Когда настал черёд Кортни, она

сказала: «Пора с этим кончать…. Ты должен быть хорошим папой».

Как подсчитал Дилан, который наблюдал за «интервенцией», но не принимал в ней участия, трое из тех, кто находился в комнате, включая Кортни, сами принимали героин. «Да кто вы все, чёрт возьми, такие, чтобы мне это говорить?», — с негодованием отозвался Курт, назвав их «лицемерами». Как пишет биограф Чарлз Кросс, затем Курт приступил к описанию во всех подробностях, как он был свидетелем того, что большинство из присутствующих в комнате употребляли тяжелые наркотики. Начав с того, что по слухам вся музыкальная индустрия и кинофестивали переполнены кокаином, он обратил внимание на ежедневное употребление героина его женой — ирония Курту не изменила. По словам Дэнни Голдберга, «его самой важной мыслью была то, что Кортни была более удолбанной, чем он». Курт хлопнул дверью, объявив, что ни у кого из присутствующих нет никакого права его судить.

Кортни перепугалась, что «Geffen» и «Gold Mountain» претворит в жизнь свои угрозы бросить его; это подвергло бы опасности тот экстравагантный образ жизни, к которому она привыкла. Она приберегла свою решающую тактику давления на следующий день. Если бы Курт отказался попытаться вылечиться, она ограничила бы его доступ к Фрэнсис Бин. Зная, что он не будет рисковать потерей своего ребёнка, он, в конце концов, согласился обследоваться в клинике Дэниела Х. Фримэна, известную также как восстановительный центр «Эксодус» — реабилитационной учреждение в Марина Дель Рэй в Калифорнии, долгое время пользующаяся благосклонностью рок-звёзд и других знаменитостей.

В сентябре 1992 года, на пике полемики с «Vanity Fair», Курт уже однажды проходил детоксикацию в «Эксодусе», и этот опыт он счёл «отвратительным». Он рассказал об этом своему биографу Майклу Азерраду: «Сразу же вошёл такой консультант, похожий на сорокалетнего хиппи, многолетнего героинщика, и попробовал говорить со мной на рок-н-ролльном уровне, типа «я знаю, что с тобой творится, чувак. Наркотики очень распространены в рок-н-ролле, и я видел это всё в семидесятых. Ты бы возражал, если бы вошёл Дэвид Кросби и поздоровался? Или Стивен Тайлер?» Отбарабанив имена этих рок-звёзд. А я: «К чёрту. Я этих людей вообще не уважаю»». Тогда он уехал за несколько дней до окончания лечения, раздражённый беспрестанными сеансами групповой психотерапии и собраниями двенадцати шагов. Тогда попытка вылечиться была предпринята для убеждения службы охраны здоровья детей в том, что он исправился.

30 марта Курт полетел в Лос-Анджелес, чтобы начать своё 28-дневное лечение в «Эксодусе». Ему отвели Комнату 206, и он прошёл вводный сеанс с медсестрой, которая попыталась определить степень его пристрастия. На следующее утро он посетил сеанс индивидуальной терапии с консультантом Ниалом Стимсоном, который впоследствии вспоминал, что Курт «совершенно не допускал и мысли о том, что у него проблемы с героином». Стимсон пытался заставить его осознать серьёзность римского инцидента, но Курт сказал ему: «Я понимаю. Я просто хочу избавиться от этого и выйти отсюда». Тем временем Кортни сделала попытку завязать самой в нескольких милях от него в пятизвёздочном отеле «Пенинсула» в Беверли Хиллс, где врачом контролировался план лечения под названием «детоксикация в гостинице» — предположительно предназначенный для ограждения знаменитостей от пристального внимания СМИ в открытом реабилитационном центре.

В тот же день Джекки Фэрри, одна из нянь Фрэнсис, принесла ребёнка в клинику к Курту, который играл с дочерью приблизительно двадцать минут. Курт жаловался Фэрри на свои сражения с Кортни по поводу Лоллапалузы. На следующий день Джекки снова принесла Фрэнсис, и на сей раз Курт играл с девятнадцатимесячным ребёнком почти час, подбрасывая её в воздух и заставляя её хихикать — любимая игра Фрэнсис Бин.

После того, как они уехали, Курт вышел во двор и выкурил сигарету с ещё одной рок-звездой, проходящей здесь лечение — это был его друг Гибби Хэйнс из «Butthole Surfers». Хэйнс рассказал ему об одном из друзей, который недавно сбежал из «Эксодуса», перепрыгнув через стену заднего двора. Оба посмеялись над этой историей, потому что «Эксодус» не было учреждением со строгой изоляцией, и поэтому не было никакой причины убегать. Каждый при желании мог в любое время просто выйти прямо через парадный вход.

Позднее вечером того же дня в 19:25 Курт сказал медсестре, что он выйдет во двор покурить, на этот раз один. Не ранее чем через час сотрудники «Эксодуса» заметили его отсутствие. Он перелез через ту самую стену, по поводу которой они с Гибби Хэйнсом шутили ранее в этот же день.

Семь дней спустя его тело было найдено в комнате над его гаражом. Большая часть из того, что случилось за тот промежуток времени, оставалась тайной в течение почти десятилетия, но со временем несколько отсутствующих частей этой головоломки обнаружились, предоставив возможность нарисовать более чёткую картину того, что произошло в течение той недели.

* * *

В 8:56 утром 8 апреля Вон Левандовски, офицер Сиэтлского полицейского управления, ехал в своём патрульном автомобиле, когда по полицейской рации ему поступило сообщение, чтобы тот исследовал труп в особняке на бульваре Лэйк Вашингтон, принадлежащий Курту Кобэйну и Кортни Лав. Когда Левандовски прибыл на место, электрик Гэри Смит привёл его к веранде над гаражом. Через застеклённые створчатые двери офицер увидел человека с длинными белокурыми волосами, лежащего на спине с винтовкой поперёк тела. Приклад ружья находился между ногами жертвы, а ствол был на уровне середины груди. Левандовски, которого недавно вызывали в этот дом для расследования семейной ссоры с участием Курта и Кортни, немедленно опознал жертву как Курта Кобэйна. Несколько минут спустя к дому подъехала пожарная машина, посланная Отделом пожарной охраны Сиэтла по вызову офицера. На улице, не прекращаясь, шёл дождь. Пожарным пришлось взобраться на веранду и разбить оконное стекло на створчатых дверях, чтобы войти внутрь. Войдя, один из них пощупал пульс и констатировал смерть Кобэйна. Пожарный попросил удостоверение личности из бумажника, который лежал на полу на расстоянии приблизительно в два фута от тела. Левандовски взял водительское удостоверение Штата Вашингтон, установив личность жертвы — Курт Дональд Кобэйн, дата рождения — 02/20/67, и положил его рядом с телом. (Многие СМИ неправильно сообщали, что Курт переложил водительское удостоверение перед тем, как застрелиться, так, чтобы любой, приехавший на место происшествия, мог опознать жертву, даже если выстрел сделает его лицо неузнаваемым). К этому времени приехали ещё два офицера, и оба принялись фотографировать место происшествия, один «Поларoидом», другой — 35-мм. камерой. Офицер Левандовски позвонил в Отдел по убийствам.

В ожидании Левандовски осмотрел комнату 19 на 23 фута, которая очевидно некогда использовалась в качестве оранжереи, но теперь не содержала никаких явных признаков растительной жизни, за исключением опрокинутого цветочного горшка в углу и забрызганных грязью цветочных лотков, стоящих вдоль стен. На жертве были надеты джинсы, чёрные кроссовки и расстегнутая рубашка с длинными рукавами, надетая на чёрную футболку с надписью по-японски. Справа от тела находилась коробка из-под сигар «Том Мур», в которой находились шприцы, ложка «и другие принадлежности, связанные с наркотиками». На полу находились шляпа, два полотенца, 120 долларов наличными, бумажник,

пачка сигарет, зажигалка и солнцезащитные очки. Слева от тела лежало коричневое вельветовое пальто и бежевый футляр от винтовки, поверх которого лежал использованный патрон. Коробка с двадцатью двумя неиспользованными патронами была найдена в пакете из грубой обёрточной бумаги у левой ступни Курта. (Первоначально в ней было двадцать пять патронов.) В нескольких дюймах от головы Курта, рядом с большой лужей запёкшейся крови, находилась открытая банка пива из корнеплодов «Барк», на три четверти полная. Листок матовой бумаги, исписанный красными буквами, проткнутый ручкой, лежал на цветочном лотке из нержавеющей стали у северной стены. По прочтении Левандовски написал в протоколе, что это «было явно написано Кобэйном своей жене и дочери, объясняя, почему он покончил с собой» (См. страницу 101).

В кармане вельветового пальто была квитанция на покупку винтовки «Ремингтон» 20 калибра, серийный номер #1088925. Квитанция на 308.37 долларов была выписана на имя Дилана Карлсона и датировалась 30 марта 1994 года, днём, когда Курт уехал из Лос-Анджелеса в Сиэтл.

Вскоре прибыли трое детективов Полицейского Управления Сиэтла, чтобы оградить место происшествия, вместе с тремя членами медицинского судебно-экспертного управления округа Кинг, в том числе доктор Николас Хартшорн, которому уже было поручено произвести осмотр трупа. Хартшорн с трудом вынул винтовку из левой руки Курта, сжимающей ствол с такой силой, что его след был виден на его ладони. Судя по повреждению внутренней части рта, отметил Хартшорн, Курт стрелял туда. В патроннике винтовки находился один боевой патрон, а другой — в магазине, указывая на то, что оружие было заряжено тремя патронами, включая использованный, которым, по-видимому, был произведён фатальный выстрел. Тело жертвы было холодным, на ранних стадиях гниения, что означало, что он был мёртв уже некоторое время. На внутренней стороне каждого локтя были следы от уколов.

Хартшорн сделал фотографии тела и затем освободил карманы: 63 доллара наличными и клочок бумаги для записей с надписью: «Seattle Guns», 145 патрона или меньше, настроенный на лёгкий выстрел». В том же кармане был использованный билет на самолет авиакомпании «Дельта», датированный 1 апреля, место 2F, на имя Кобэйна/Курта — билет, по которому он летел из Лос-Анджелеса в Сиэтл после того, как он покинул «Эксодус» неделей ранее.

После того, как Хартшорн закончил обследование места происшествия, он принял меры, чтобы тело было доставлено в

судебно-медицинское управление округа Кинг, где он проведёт вскрытие трупа, чтобы установить причину смерти. Это было стандартной процедурой, хотя его обязательное заявление для собравшихся офицеров — включая и сержанта Кэмерона, который прибыл часом ранее — таковым не было: «Это дело — очевидное самоубийство. Жертва умерла от причинённой самому себе раны в результате выстрела».

СМИ, предупреждённые сообщением по радио, что в особняке Кобэйна было найдено тело, начали собираться снаружи вскоре после 10:00 утра. В течение нескольких минут заявления Хартшорна мир узнал, что Курт Кобэйн совершил самоубийство в возрасте двадцати семи лет. Его фэны были потрясены этим известием, но после того, что они узнали на следующий день от Кортни Лав, никто не удивился.

* * *

Когда в «Seattle Times» спустя месяц была опубликована история лауреата премии за журналистские расследования Даффа Уилсона, подробно излагающая несколько любопытных противоречий по этому делу, она не дала особых поводов для волнения. Повторные утверждения Николаса Хартшорна и Дональда Кэмерона, что эта смерть была «хрестоматийным случаем самоубийства», сделали своё дело. Большинство людей к тому времени восприняло эту смерть как просто очередную рок-н-ролльную трагедию — самоубийца-наркоман, который отчаялся. Кроме того, он уже однажды пытался покончить с собой. Спустя несколько часов после того, как было обнаружено его тело, Кортни рассказала всем, кто её слушал, что римская передозировка в марте по сути была попыткой самоубийства, а не несчастным случаем, как утверждалось ранее. Она сообщила, что в Риме он также оставил записку. Единственная разница заключалась в том, что на этот раз он добился цели.

Но сведения Уилсона не давали ему покоя. Его источники в Полицейском Управлении Сиэтла информировали его о множестве фактов по поводу смерти Кобэйна, которые просто противоречили один другому. Среди наиболее явных был тот факт, что последующее полицейское расследование не выявило никаких чётких отпечатков пальцев на винтовке, патроне винтовки или ручке, которая была обнаружена воткнутой в записку. Но именно сама записка вызывала большинство вопросов. Несмотря на то, что полиция на месте происшествия сразу же описала её как «предсмертную записку», те, кто её видел,

говорят, что в ней и речи нет о самоубийстве. Очень тревожит то, что всего лишь часть записки, которая, возможно, ссылается на такую участь, казалось, была добавлена в конце, в совершенно ином стиле почерка.

Усиливает загадочность то, что кто-то попытался воспользоваться кредитной карточкой Курта за промежуток времени с момента, когда судмедэксперт констатировал смерть Курта, до вскрытия его тела. Полиция никогда не устанавливала, кто пользовался кредитной карточкой, пропавшей из бумажника Курта, когда он был найден.

Но ещё более настораживающая деталь обнаружилась в другой сиэтлской газете тремя неделями ранее. Николас Хартшорн закончил вскрытие трупа в день, когда было обнаружено тело Курта, и немедленно объявил, что патологоанатомическая экспертиза подтвердила его первоначальное мнение — что Курт Кобэйн умер от раны, причинённой самому себе в результате выстрела. Поскольку закон штата Вашингтон относит результаты вскрытия трупа к секретной медицинской документации, управление Хартшорна отказалось рассказывать о деталях его выводов. Но 14 апреля опытные репортёры Майк Мерритт и Скотт Мейер из «Seattle Post-Intelligencer», которые за эти годы обработали довольно много источников, чтобы добыть то, что недоступно, опубликовали статью, утверждая, что источник в управлении судебно-медицинской экспертизы дал им информацию о результатах вскрытия трупа Кобэйна. Выделялась одна маленькая техническая деталь. Токсикологические исследования показали, что в теле Кобэйна присутствуют следы диазепама (валиума), и уровень морфия в крови составляет 1.52 миллиграмма на литр. Хотя Николас Хартшорн был медиком, он, как и большинство врачей, имел очень небольшие познания в комплексной области фармакологии и опиатов, и поэтому этот критерий не получил резонанса. Однако любому сведущему в этой области человеку такие данные сказали о многом.

4

Рошелль Маршалл, как и сотни тысяч подростков во всем мире, была потрясена, услышав сообщение о самоубийстве Курта Кобэйна. Как и у многих из них, после того, как своё распространение получили теории убийства, у неё и её друзей появились вопросы. Однако в отличие от большинства из них её мать была в состоянии дать на них ответ.

«Моя дочь сперва была очень взволнована. Она была большой поклонницей Кобэйна, — вспоминает Дениз Маршалл. — Потом через некоторое время она стала говорить, что не уверена, что он действительно покончил с собой, и я сказала ей: «Видишь ли, многие так воспринимают самоубийство, потому что просто не могут в это поверить». Но она сказала, что всё совсем не так. Она хотела, чтобы я в этом разобралась».

Маршалл хорошо подходила для этой задачи. В качестве помощника коронера Колорадо она расследовала сотни дел со смертельным исходом, включая многочисленные самоубийства и убийства. Она говорит, что за годы работы судебно-медицинским экспертом она усвоила важный урок: «Обстоятельства не всегда таковы, какими кажутся сначала». После прочтения нашей первой книги и несметного количества прочей информации о смерти Кобэйна, включая полицейские отчёты, Маршалл пришла к собственному выводу о том, что произошло. «Ставлю свой годичный заработок на то, что он был убит, — заявляет она. — Просто недостаточно улик, чтобы признать это самоубийством».

Маршалл объясняет, что к такому выводу её привело множество факторов. «Слишком много подозрительного. Очень много вопросов как раз по поводу того, как велось дело, — говорит она. — Когда я читала полицейские отчёты, я была поражена тем, сколько всего они сделали неправильно. Например, старший офицер на месте происшествия дотрагивался до тела, когда доставал бумажник жертвы, чтобы вынуть водительские права. Это совершенно недопустимо. Вы должны ждать приезда помощника коронера или судебно-медицинского эксперта, чтобы не загрязнять место происшествия. Вы никогда не дотрагиваетесь до тела».

Особенно её смутило поспешное, по её мнению, решение и полиции, и помощника судебно-медицинского эксперта, которые, ещё не покинув место происшествия, пришли к выводу, что смерть наступила в результате самоубийства.

«Это само по себе смешно, — говорит Маршалл. — Я не знаю ни одного дела, которое было бы элементарным самоубийством, а

именно это все они и констатировали в данном случае: сразу же квалифицировали это как самоубийство. Вы просто не можете этого делать. Вы ждете результатов всех исследований и исследуете обстоятельства до того, как их квалифицировать. Вот как это делается».

Даже в такой ситуации, с предсмертной запиской на месте происшествия и с винтовкой в руках жертвы?

«Это — одно из тех обстоятельств, которые меня беспокоят, — отвечает она. — Записка присутствует в большинстве самоубийств. Я всегда отношусь к этому слегка недоверчиво, по крайней мере, достаточно недоверчиво, чтобы присмотреться поближе. И я отнеслась к этому с особым подозрением после чтения так называемой предсмертной записки в случае с Кобэйном. Исходя из собственного опыта, я с трудом назвала бы её типичной предсмертной запиской. У меня есть много вопросов по поводу почерка. Видите ли, в этой записке нигде не говорится о том, что он хочет умереть. Ему просто не нравится то, что он делает, и он хочет изменить свою жизнь. Я не рассматриваю эту записку как предсмертную и думаю, что было крайне непрофессионально судить об этом так поспешно».

Однако ни один из этих факторов не убеждает Маршалл, что Кобэйн был убит. Она утверждает, что решающий довод — это уровень героина. «Когда я увидела результаты токсикологической экспертизы наличия в крови морфия — 1.52 миллиграмма на литр — я сразу же сказала себе: «Как же он смог нажать на курок?». В этом просто не было смысла. С таким количеством героина в организме это было бы практически невозможно». (Когда героин попадает в кровь, объясняет она, он тут же превращается в морфий — поэтому исследуется не уровень героина, а уровень морфия в крови).

Маршалл рассказывает, как, движимая подозрениями, она стала копаться в архивах округа, пытаясь найти данные о вскрытии какого-нибудь трупа, который имел бы схожий с Кобэйном уровень морфия в крови. «Не было ничего даже приближающегося к такому уровню, — сказала она. — По сути дела, когда я стала продолжать поиски по штату, я просто не могла найти никаких дел с таким уровнем. Количество морфия в крови Кобэйна было поистине ошеломляющим. С таким высоким уровнем он бы просто не понимал, что нажимает на курок».

Как мог Курт застрелиться после того, как он принял столько героина? Проводя расследование в нашей первой книге, мы задали этот вопрос помощнику судебно-медицинского эксперта Николасу Хартшорну. Допустимый уровень был смягчающим фактором, объяснил он. У наркомана с такой тяжёлой формой

зависимости, как у Кобэйна, переносимость намного больше, чем у обычного наркомана; поэтому опиаты действовали медленнее, прежде чем привести его в бессознательное состояние. «У него была тяжёлая зависимость от героина, — сказал Хартшорн. — Его организм мог обрабатывать значительно большие количества героина, чем [у] обычного человека». Начальник Хартшорна, доктор Дональд Риэй, который в то время был главным судебно-медицинским экспертом округа Кинг, соглашается: «Это — действительно результат переносимости: сколько этот человек употребляет, — сказал Риэй. — Если постепенно за месяцы или годы увеличивать дозу, с таким количеством наркотиков человек мог бы функционировать».

Дениз Маршалл в этом не уверена. «Конечно, переносимость действительно является одним из факторов, в этом нет сомнений. Я не буду с этим спорить, — говорит она. — Но мне всё равно, каков ваш уровень переносимости. Его уровень морфия был настолько высок, что я очень сомневаюсь, что у кого-то переносимость настолько высока. Я видела несколько крайне поразительных результатов, и я видела, что они пережили это, но я никогда не видела никого с его уровнем. Это просто ошеломляет. Если бы переносимость была так важна, не было бы стольких наркоманов, у которых всё время случается передозировка, чей уровень значительно ниже, чем тот, что был в крови Кобэйна».

Довод по поводу переносимости в деле Кобэйна всегда опирался на утверждение, что он долгое время употреблял героин, и его организм постепенно за месяцы и годы выработал переносимость к всё большим и большим количествам наркотиков. И, несмотря на его собственные частые публичные отрицания этого, нет никаких сомнений в том, что Кобэйн время от времени принимал большие дозы героина. Однако ещё неизвестно, сколько же героина он принимал на самом деле в последние месяцы своей жизни. По словам музыкантов, которые играли с ним во время его последнего европейского тура в феврале и марта 1994 года, Курт почти наверняка обходился без героина во время того тура. В апреле 1994 года Тони Барбер, басист «Buzzcocks», игравших на разогреве у «Нирваны» на нескольких концертах во время их европейского тура, сказал в интервью журналу «Melody Maker»: «Я знаю, что в том туре он не принимал наркотики. Он ходил, попивая воду «Эвиан», и каждый раз, когда я видел его, он выглядел «чистым». В той же статье гитарист «Buzzcocks» Пит Шелли вторит Барберу: «Он, похоже, на самом деле был чист, когда мы были в туре. В определённой степени это было слегка неудобно, потому что он вообще не

участвовал в наших весьма спокойных пьянках».

Эти музыканты просто не знали о том, что Курт принимает героин? Возможно, но есть другой более надёжный источник, который, кажется, поддерживает их. Когда Курт был поспешно доставлен в больницу после его передозировки в Риме 4 марта, врачи сказали, что не нашли в его крови никаких следов наркотиков, кроме прописанного транквилизатора — роипнола. Таким образом, ровно за месяц до смерти Курта в его крови не было героина, и, вероятно, не было в течение некоторого времени. По мнению Кортни, Курт снова начал принимать героин спустя восемь дней после того, как он вернулся в Сиэтл. В качестве доказательства мы можем предположить, что он продолжал его принимать в течение последних двух недель перед своей реабилитацией, укрепляя возобновлённый уровень переносимости. Однако даже судебно-медицинский эксперт Сиэтла, ссылаясь на переносимость как на смягчающий фактор, сказал, что наркоман должен был увеличивать дозу «постепенно в течение нескольких месяцев или лет», чтобы функционировать с таким количеством наркотиков, которые нашли в организме Кобэйна. Но Дениз Маршалл предупреждает: не читайте слишком много о продолжительности его наркомании. «Переносимость может выработаться довольно быстро, — объясняет она. — Однако я по-прежнему не думаю, у кого-то может быть такая переносимость».

Как пишет Джеффри Берстон в учебнике по медицине «Самоотравление», «воздействие героина имеет такую короткую продолжительность и такую интенсивность, что оно препятствует любому типу физической деятельности, как преступной, так и не преступной». В 1996 году мы опросили одиннадцать различных наркоманов, думают ли они, что тот, кто ввёл себе столько, сколько ввёл Кобэйн, затем смог произвести выстрел и убить себя сразу же после инъекции, как утверждает полиция и судебно-медицинские эксперты. Все утверждали, что это невозможно независимо от уровня их переносимости. По словам наркомана с восьмилетним стажем, «тот, кто говорит, что такое может быть, никогда не кололся».

Коронеры и судебно-медицинские эксперты, не имея всего необходимого для обучения наркотической токсикологии, будут часто ссылаться на переносимость в таких делах, как дело Кобэйна, говорит Маршалл. «Моя специальность — из области фармакологии, в особенности она касается наркотических веществ, поэтому я разбираюсь в этих вопросах лучше, чем какой-нибудь врач, у которого нет такого специализированного фармакологического образования. Они могут знать азы, но не

будут схватывать знания, которые предусматривают необходимые данные об определенном вопросе в нашей области. Я всё время сталкиваюсь с такими видами дел, где мне трудно вести своё дело, потому что коронер не может должным образом разбираться в том, что стоит за наукой об опиатах или прочих наркотических веществах. Если вы обратитесь к медицинской и научной литературе, она совершенно не поддержит вашего объяснения «переносимости» как доказательства, когда речь идёт о такой дозе. У большинства наркотиков есть терапевтический уровень, есть токсический уровень и есть смертельный уровень. Но в случае с опиатами нет никакого точного предела смертельного уровня, потому что уровень переносимости продолжает увеличиваться. Конечно, у каждого свой предел, иначе столько людей не умирали бы от передозировок. Если речь идёт об опиатах, увеличивается ваш токсический уровень, а также ваш смертельный уровень. Именно поэтому те, кто употребляет наркотики, могут принять их в большом количестве, прежде чем умереть. Но если вы приблизитесь к тому уровню, который был у Кобэйна, или даже гораздо ниже, вы тут же отключитесь».

Кровь часто характеризуется как «прямое доказательство». Смертельные наркотические уровни, как правило, различаются в зависимости от таких факторов, как переносимость и вес тела и хотя официально признанного предела нет, максимальная смертельная доза героина должна быть немного выше, чем самая высокая известная доза, которую кто-то принял и выжил. В историческом плане токсикологи полагались на опубликованные судебные отчёты о смертельной интоксикации, чтобы определить концентрации данного препарата, требующегося для получения измеряемого уровня в крови. В своей книге «Героиновая Наркомания», выпущенной в 1986 году, Джером Дж. Платт — бывший директор Института Наркотических Расстройств при Университете Аллегейни — пришёл к выводу, что наибольшая известная смертельная доза для мужчины весом в 150 фунтов — это уровень морфия в крови приблизительно 0.5 миллиграмма на литр. За несколько месяцев до смерти Кобэйн весил 115 фунтов. По словам Дениз Маршалл, это даже понизило его смертельную дозу. «Как правило, чем меньше вы весите, тем ниже смертельная доза», — объясняет она. В других исследованиях, процитированных в «Журнале Судебных Наук», также предполагается, что предельная известная смертельная доза для героина — это приблизительный уровень морфия в крови 0.5 миллиграмма на литр. Иными словами, уровень Кобэйна — 1.51 миллиграмма на литр — составлял более трёх обычных предельных смертельных доз.

Однако было бы ошибочным просто заявить, что Кобэйн принял тройную смертельную дозу героина. Фактически, если следовать медицинской литературе, доза, которую он принял, для среднестатистического человека составляет почти семьдесят пять смертельных доз. Наиболее важно то, что это было тройной смертельной дозой даже для самого закоренелого наркомана.

Тем не менее, эта статистика не даёт полной картины. Несмотря на то, что героина, который принял Курт, было вполне достаточно, чтобы убить себя три раза, есть много исследований, которые доказывают, что он, возможно, умер не сразу после приёма такой дозы. В этой литературе указывается, что он, возможно, оставался в живых в течение нескольких часов, даже после введения в его организм такого большого количества героина. Весь вопрос в том, мог ли он достаточно долго оставаться в сознании после укола, чтобы поднять винтовку и убить себя. Согласно утечке информации о результатах вскрытия, в действительности наиболее вероятной причиной смерти было огнестрельное ранение, а не инъекция героина, и это означает, что Курт был всё ещё жив в течение некоторого времени после укола.

В 1973 году «Журнал Медицины Новой Англии» опубликовал всестороннее комплексное исследование, «Концентрации Морфия и Периоды Выживания при Смертельных Случаях от Острой Героиновой Интоксикации», фармакологов Дж. С. Гарриотта и У. О. Стёрнера, которые изучили сотни связанных с героином передозировок. Во всех смертельных случаях, которые они исследовали по этому вопросу, эти двое ученых не столкнулись ни с одним случаем с уровнем морфия в крови более чем 0.93 миллиграмма на литр — что более чем на 50 процентов ниже уровня Кобэйна.

Однако хотя ни Дениз Маршалл, ни Гарриотт и Стёрнер никогда не находили такого же высокого уровня морфия в крови, как у Курта, такие случаи действительно есть. Во всестороннем обзоре уровня морфия крови в 1.526 смертельных случаях, касающихся внутривенных передозировок, связанных с героином, обнаружились двадцать шесть случаев, или 1.7 процентов, когда уровень был равен или превышал уровень Кобэйна — 1.52 миллиграммов на литр.

Обратимся к статистическим данным. Согласно исследованию, упоминавшемуся в «Международном Журнале Судебной Медицины», почти 85 процентов случаев с таким высоким уровнем кончаются так называемым «золотым уколом», завершающимся немедленной смертью. Но, сопоставив эти случаи, исследование заканчивается выводом, что «смерть не

настолько быстра, и нужно учитывать период выживания в коматозном состоянии». Ещё одно исследование 1996 года о периоде выживания после наркотической передозировки, опубликованное в «Журнале Судебных Наук», подтверждает, что наркоман испытывает состояние острого шока «в пределах нескольких секунд» после введения смертельной дозы.

Однако во всех двадцати шести известных случаях передозировки героина, при которых уровень морфия в крови был равен или превышал уровень Кобэйна, когда тело было обнаружено, жгуты были всё ещё на месте, и шприц по-прежнему был прикреплён к руке жертвы или лежал на полу рядом с телом — что означало или мгновенную смерть, или бессознательное состояние.

Да, как замечает Дениз Маршалл, в полицейских отчётах не рассказывается о таком сценарии, когда было найдено тело Курта: «Это было самоубийство? Я не представляю себе, как возможно было это сделать физически. Я не представляю, как он мог принять столько героина, чтобы достичь такого уровня, убрать шприц и другие наркотические принадлежности, оправить свой рукав, схватить оружие, положить его прямо в рот и спустить курок. Я этого не представляю».

Маршалл была не единственным экспертом, имеющим сомнения по поводу официальной версии. В 1997 году телешоу Эн-Би-Си-ТВ «Неразгаданные Тайны» показало результаты вскрытия трупа Кобэйна доктору Сирилу Вехту, одному из самых известных судебно-медицинских экспертов Америки. Профессор юриспруденции из Гарварда Алан Дершовиц окрестил его «Шерлоком Холмсом судебной науки». Доктор Вехт немедленно отверг аргумент о переносимости, на который ссылался Николас Хартшорн. «Для большинства людей, включая наркоманов, 1.52 миллиграмма на литр морфия — это существенный уровень, — тщательно объяснил Вехт, — и для большинства из них, для большого процента, это будет уровень, который довольно быстро вызовет бессознательное состояние. Речь идёт даже не о минутах, а о секундах…. Это действительно поднимает вопрос, большой вопрос относительно того, действительно ли он стрелял из этой винтовки».

Однако перед камерой доктор Вехт отказался полностью исключить возможность самоубийства, заявив, что «такое могло быть, но это маловероятно». Таким образом, уважаемый специалист, казалось, был уверен в этом, однако с незначительной вероятностью того, что Кобэйн мог в самом деле застрелиться, как указывается в официальной версии. Однако спустя годы после этого интервью мы узнали, что это интервью

доктора Вехта было больше, чем тем вечером передала Эн-Би-Си. По словам продюсера этой передачи Синди Боулз, Вехт вообще был не полностью информирован об обстоятельствах смерти Кобэйна до своего интервью, зная только то, что он был найден выстрелившим себе в рот и с посмертным уровнем морфия в крови 1.52 миллиграммов на литр. Вот что Вехт на самом деле сказал при выключенной камере после объявления о том, что самоубийство могло быть, но маловероятно: «Если это было самоубийство, он, вероятно, должен был держать оружие в руке, вводя себе героин, а потом застрелиться сразу же после инъекции».

Мы, конечно, знаем из полицейских отчётов, что такого не было. До того, как взять ружьё, Кобэйну понадобилось время, чтобы оправить рукава, убрать свои наркотические принадлежности и положить их обратно в лежащую поблизости коробку от сигар. Снова официальный сценарий с научной точки зрения кажется невозможным.

Новое открытие, касающееся мнения доктора Вехта, однако, не единственная важная часть информации, появившейся в последние годы. В 1995 году, после того, как Николас Хартшорн и его начальник, доктор Доналд Риэй, сообщили нам, что переносимость была смягчающим фактором, который позволил Кобэйну выстрелить в себя — даже после введения такой огромной дозы героина — мы бросили вызов каждому из них, чтобы они указали хотя бы на один случай, когда кто-нибудь принял такую же дозу, как Кобэйн, и оставался в сознании в течение более чем нескольких секунд. Ни один из них не смог сослаться на такой случай.

Два года спустя в своём документальном фильме Би-Би-Си «Курт и Кортни» его создатель Ник Брумфилд полагал, что он принял этот вызов. В этом фильме Брумфилд показал интервью с британским врачом, доктором Колином Брюером, который настаивал на том, что кто-то мог действительно застрелиться после принятия такого количества героина, которое было найдено в крови Курта. Чтобы доказать свою точку зрения, доктор достал фотографию, которую он взял у одного из своих пациентов. На этой фотографии, показанной в фильме Брумфилда, человек балансирует на одной ноге спустя пятнадцать минут после предполагаемого принятия «дозы, вдвое большей, чем у Курта». Когда этот документальный фильм был выпущен в 1998 году, одна эта фотография нанесла почти смертельный удар по теории убийства. На самом деле это доказательство было единственным элементом, на который ссылается Брумфилд, когда он поменял своё мнение о том, как

умер Кобэйн. До того, как взять интервью у доктора, создатель фильма признаётся, что он склонялся к мысли, что Курт был убит. После интервью Брумфилд был уверен, что Кобэйн совершил самоубийство.

Если действительно существовал случай, когда наркоман оставался в сознании в течение пятнадцати минут после принятия такой большой дозы, это на самом деле доказывает, что Курт, возможно, всё ещё мог застрелиться после принятия того уровня героина, найденного в его организме.

Однако позднее обнаружилось, что в своём фильме Брумфилд допустил существенную ошибку — ошибку, которая нанесла невосполнимый ущерб правдоподобию теории убийства. Пациент, изображённый на той фотографии, на самом деле всё-таки не вводил себе героин. Скорее всего, он глотал метадон — синтетический опиат, обычно используемый для прекращения употребления героина. Впоследствии доктор признал, что у него даже не было лицензии на применение героина, поэтому он не мог повторить результаты, даже если бы и хотел. Разница между метадоном и героином, объясняет Дениз Маршалл, огромна.

«Метадон предназначен для того, чтобы глотать, а не вводить внутривенно, — объясняет она. — Каждый раз, когда вы проглатываете наркотик, он должен пройти сквозь ваш желудочно-кишечный трактат, и это может занять тридцать пять-сорок минут. Но когда вы вводите наркотик внутривенно, результат мгновенный: он поступает прямо в кровь. Вы чувствуете эффект за секунды».

Она говорит, что пример, приведённый в документальном фильме Брумфилда, полностью не соответствует действительности и вводит в заблуждение.

Человек на фотографии глотал метадон. Это всё равно что сравнивать яблоки и апельсины, говорит она. «Да, метадон — это наркотик. Я могу принять большое количество метадона и при этом прыгать. Однако я не знаю, как я буду себя вести через сорок пять минут. Но метадон также по-иному воздействует на организм. В нашем мозгу есть наркотические рецепторы, и именно с ними связан наркотик. И как только наркотик связывается с этими рецепторами, они вырабатывают другой наркотик под названием допамин, и именно из-за него вы испытываете кайф. Метадон не действует точно так же, как героин».

«Несомненно, что создатель фильма и, вероятно, даже доктор не разбирались в науке об опиатах, — говорит она. — Я могу объяснить это так: если вам когда-нибудь делали операцию или давали любые успокоительные под капельницей, в тот момент,

когда вас просят начинать считать в обратном порядке, они вводят вам наркотик внутривенно, и вы засыпаете до того, как игла будет вынута. Именно так может действовать героин. И с тем количеством, которое принял Кобэйн, для меня совершенно очевидно, что именно это произошло с ним. Возможно, он был без сознания, хотя игла была всё ещё в его руке».

Как же в таком случае Николас Хартшорн мог настолько неправильно это понять? Известный судебно-медицинский эксперт Сэмюэль Бёрджесс пишет в своей книге «Постижение Вскрытия Трупа» 1992 года: «Существует много юрисдикций в этой стране, где вы можете не быть семи пядей во лбу, чтобы вам сошло с рук убийство, и это не преувеличение… факт остается фактом, в слишком многих местах расследование возможного убийства совершается только после того, как оказывается давление со стороны родственников или других заинтересованных лиц, и когда такое расследование начинается, оно проводится настолько некомпетентно, что убийства, одно за другим, остаются нераскрытыми и безнаказанными». Бёрджесс указывает на неправильные вскрытия трупов как на одних из главных виновников этого.

Дениз Маршалл согласна с этим. «К сожалению, это правда. Много вскрытий трупов проводится очень плохо, особенно когда патолог уже заранее пришёл к выводу о причине смерти. Этот частный случай поражает меня, но я знаю, что такие ошибки случаются каждый день. Знаете, если вы оказываетесь на месте преступления, смотря по ТВ все эти шоу о преступлениях, вы просто думаете, что всё идёт так, как написано в книге, но это — как и любая другая работа, это совсем не так. У вас есть люди, которые ленивы и некомпетентны, точно так же как и на любой другой работе. Вы можете потратить всю жизнь, просто расследуя все смертельные случаи, которые неправильно велись коронерами и судебно-медицинскими экспертами, особенно коронерами, которые имеют предубеждение по поводу героинщиков. У опийных наркоманов дела очень плохи. Я не могу себе представить, сколько смертельных случаев, когда расследовались случайные передозировки или самоубийства с участием героинщиков, возможно, были убийствами».

Один из лучших примеров ошибочного диагноза при вскрытии трупа фактически касается ещё одного печально известного рок-н-ролльного самоубийства. В ноябре 1997 года, Майкл Хатченс, лидер-вокалист группы «INXS», был найден мёртвым в Австралии, в Сиднее, в гостиничном номере с поясом вокруг шеи. Очевидно, он повесился на дверном косяке до того, как застёжка пояса сломалась, отчего он упал на пол. Не найдя

никаких признаков преступления, сиднейский коронер немедленно установил, что эта смерть — самоубийство. Но в течение нескольких часов жена Хатченса, Пола Йейтс, объявила, что она уверена, что её муж не совершал самоубийства, и загадочно намекнула, что знает истинную причину смерти. Вскоре после этого она призналась друзьям, что Хатченс почти наверняка повесился случайно, занимаясь сексуальной игрой, известной как автоэротическое удушье (АЕА).

Странный сексуальный акт, который проделывают миллионы, приводит к умышленному акту самоудушения, совершаемого для усиления оргазма, сужая приток крови к мозгу во время мастурбации. Те, кто этим занимается, почти все из них мужчины, затягивают пояса вокруг своей шеи или подвешивают себя в петле, часто используя балку или ветку дерева. В результате потеря дыхания, известная как мозговое кислородное голодание, приводит к одурманиванию, усиливающему оргазм. Йейтс рассказала, что Хатченс был приверженцем этого и других опасных сексуальных актов, таких, как рабство и садомазохизм, и что он, должно быть, умер, когда самоудушения не получилось. Тогда Йейтс сказала: «Он делал всё. Он был опасным мальчиком, рисковым, диким. Он мог бы сделать что угодно когда угодно. Единственное, что он не хотел бы, это вот так оставить нас [её и их дочь, Тайгер Лили]».

Когда стали известными детали сцены смерти Хатченса, они, казалось, подтверждали её историю. Полиция рассказала, что, когда его тело было найдено, он был полностью голым, распластанным на полу. Тем не менее, коронер утверждал, что это было самоубийство, и отказался проводить дознание, чтобы расследовать, касалось ли это АЕА. Его нежелание, вероятно, было следствием того, что этот фетиш практически неизвестен в Австралии, хотя в Великобритании, где жил Хатченс, во время такого акта каждый год умирает примерно двести человек. Спустя два года после того, как дело было закрыто, профессор Университета МакМастер Стивен Хакер, учитывая авторитетные источники по АЕА, согласился расследовать обстоятельства смерти рок-звезды. По окончании своего расследования профессор Хакер объявил: Я пришёл к выводу, что наиболее вероятно, что смерть наступила из-за неудавшегося автоэротического акта». Однако в отчётах сиднейского коронера смерть Хатченса по сей день остаётся самоубийством».

* * *

В 1995 году канадский химик по имени Роджер Льюис стал с недоверием относиться к обстоятельствам смерти Кобэйна, в значительной степени благодаря необыкновенно высокому уровню морфия, содержащегося в крови. По собственной инициативе он целый год изучал имеющуюся судебную и криминологическую литературу. В ходе своего обзора он изучил 3 226 связанных с героином передозировок, больше чем 3 586 случаев самопричинённых смертей, включая 760 жестоких самоубийств, и значительное количество известных инсценировок смертей. Его итоговое эссе, «Мертвецы Не Спускают Курки», с научной точки зрения является скрупулёзной «повторной интерпретацией официально опубликованного доказательства», который приводил убедительные доводы в пользу возобновления и независимого расследования смерти Кобэйна.

Спустя два года после того, как Льюис впервые опубликовал своё эссе, Брэдли Спирс, двадцатиоднолетний австралийский студент-фармаколог, не согласился с этими данными и опубликовал свой собственный научный комплекс опровержений теории Льюиса. Одним из его главных аргументов было то, что Курт, возможно, не принял всю огромную дозу героина, не сходя с места, а что уровень морфия в крови стал повышенным в результате повторных инъекций в течение дня. Ведь Курт был наркоманом, который обычно кололся раз в несколько часов в течение дня. Поэтому Спирс полагает, что, возможно, придаётся слишком большое значение уровню морфия в крови Кобэйна — 1.52 миллиграммов на литр.

«Может быть возможным, — пишет он, — что перед последней инъекцией в его крови присутствовал допустимый уровень морфия, и таким образом его воздействие проявилось в меньшей степени».

Но, по словам Дениз Маршалл, этот аргумент при научном исследовании кажется неправдоподобным. «Во-первых, когда вы употребляете героин и имеете переносимость, это означает, что ваша печень стала очень сильной, — объясняет она. — Вы приобретаете эту переносимость из-за того, что много принимаете, и ваша печень говорит: я знаю, что скоро поступит большой поток героина, потому что это происходит каждые четыре часа, поэтому мне нужно обработать то, что у меня есть, или я умру, когда поступит следующий поток». Таким же образом у вас развивается переносимость к алкоголю. Именно поэтому, когда вы видите людей, которые могут напоить вас до такой степени, что вы свалитесь под стол, это означает, что их печень обрабатывает алкоголь быстрее, чем ваша. И это может происходить только от его употребления регулярно. А иначе он

бы не создавался в его организме. Если уж на то пошло, он обработал бы это быстрее кого-либо другого. Я бы сказала, что 1.52 миллиграмма на литр должны были означать дозу, которую он принял недавно, а не многократные дозы в течение дня».

Кроме этого свидетельства, демонстрирующего полную научную несостоятельность официального мнения, Роджер Льюис цитирует множество, вероятно, существенных исследований, которые, как он полагает, дополнительно демонстрируют неправдоподобие сценария самоубийства. Согласно одному из исследований, опубликованному в журнале «Медицина, Наука и Закон», за двадцатилетний период на северо-западе Лондона проводилось 1 862 посмертных исследований самоубийств. Двадцать процентов этих самоубийств стали результатом «телесного повреждения», включая от раны выстрела. Однако не было ни одного случая, касающегося опиатов. В другом исследовании 1 117 самоубийств в британском графстве Эйвон пятьдесят одна жертва воспользовалась винтовкой. Опять же ни один случай не касался опиатов. Льюис обращает внимание на эти и другие исследования, чтобы продемонстрировать то, что он называет «мифом суицидального наркомана, употребляющего героин».

В отдельном исследовании 189 случаев смертельного самоотравления опиатами в Лондоне между 1975 и 1984 годами только один закончился тем, что уровень морфия в крови превышал 1.52 миллиграмма на литр — или менее 0.53 процентов изученных дел — показав, что даже когда кто-то действительно предпринимает попытку самоубийства с помощью огромной дозы опиатов, шансы достичь уровня, обнаруженного в крови Курта, крайне малы.

В своей работе Льюис также исследовал вероятность самоубийства среди пропавших без вести, так как Курт исчез на семь дней, прежде чем было найдено его тело. Согласно исследованию, на которое ссылался Чарлз О`Хара в своём учебнике по криминологии «Основные Принципы Уголовного Расследования», всего один из примерно двух тысяч случаев пропажи людей без вести оказывается самоубийством. «Дилетанту, — пишет О`Хара, — в случае исчезновения одной из первых приходит в голову теория самоубийства. Однако статистика говорит вовсе не в пользу решения покончить с собой. Добровольное исчезновение мотивируется желанием убежать от какого-то личного, семейного или делового конфликта. При исчезновении около 100 000 человек в год в этой стране, следует ожидать, что в некоторых из этих случаев существенную роль должно играть насилие над личностью. Убийство, невысказанное

опасение родственников и полиции, всегда должно существовать в подсознании следователя как вероятное объяснение».

О`Хара также даёт следователям один важный совет, который может иметь особое значение в деле Кобэйна: «Определённые сочетания ран физически невозможны. Чтобы сделать вывод о том, что это самоубийство, раны должны быть физически правдоподобны».

* * *

Решающим аргументом для Николаса Хартшорна было оружие в руках Курта. Когда он прибыл на место происшествия вскоре после 10:00 утра 8 апреля, жертва всё ещё крепко сжимала винтовку. До того, как Хартшорн произвёл вскрытие — даже до того, как он прочитал записку — это была та деталь, которая привела его к выводу о том, что это самоубийство, впоследствии признался он.

«В случае с самоубийствами с использованием оружия вы всегда видите, что жертва всё ещё сжимает ствол ружья, — сказал нам Хартшорн в 1995 году. — Это происходит оттого, что в момент смерти рука застывает. Нам пришлось буквально вырывать ту винтовку из рук Кобэйна. На его ладонях всё ещё были видны маркировки от ружья там, где он несколько дней сжимал его. Это — верный признак того, что рана была нанесена самому себе. Доказательства такого рода не лгут».

Дениз Маршалл подтверждает объяснение Хартшорна — правда, с одной существенной оговоркой.

«Когда вы видите, что рука сжимает оружие подобным образом, — объясняет она, — это называется трупным окоченением. Оно обычно заметнее, когда используется пистолет или автоматическое оружие, но такое может быть и при использовании винтовки. Скажем, вы выстрелили себе в голову из «Магнума»-357. Когда вы хватаете такое оружие, спускаете курок, и пуля разрывается в вашей голове, это вызывает трупное окоченение, которое по существу является мгновенным. И часто мы обнаруживаем, что оружие всё ещё зажато в руке, и даже когда мы вынимаем оружие, рука всё ещё находится в таком положении, словно держит его. Это происходит из-за травмы, выделяются химикалии. Я недавно работала над делом того парня, который застрелился из винтовки в грузовике. Он закрепил винтовку между своими ногами и грузовиком, и ему целиком снесло голову, но его руки всё ещё держали её».

Однако было ли трупное окоченение, о котором рассказывал

Хартшорн, подтверждением того, что Курт застрелился?

«Вы не замечаете очевидного, — отвечает Маршалл. — Есть ещё один сценарий, который легко может это объяснить. По моему опыту, всё в этом деле указывает на инсценировку на месте происшествия, кто-то пытался сделать так, чтобы убийство напоминало самоубийство. Я думаю, что именно это и произошло. Трупное окоченение может происходить и при убийстве».

Действительно, судебная литература, кажется, противоречит утверждению Хартшорна, что трупное окоченение Кобэйна окончательно доказывает, что он совершил самоубийство. Согласно Руководству по Раневой Судебной Медицине Университета Данди, «иногда самоубийство совершается одним ударом, и оружие может остаться торчащим из раны. Рука покойного может сжимать оружие в результате трупного окоченения; это — доказательство того, что в момент смерти жертва держала оружие, и поэтому возникает предположение, но не доказательство того, что это самоубийство».

Маршалл полагает, что кто-то дал Курту дозу героина, которая вывела его из строя и тотчас же привела в бессознательное состояние. «Я думаю, что кто-то, должно быть, дал ему слишком чистую дозу, которую обычно называют «смертельным уколом». Когда наркоманы принимают героин, они прекрасно знают, сколько они должны принять. Всякий раз, когда вы видите случайную передозировку, обычно это случается из-за того, что они получили дозу от кого-то другого, и они не знали, насколько она чиста. Если речь идёт о героине, вы обычно понижаете чистоту с помощью какой-нибудь примеси. Обычно вы считаете, что независимо от того, кто даёт вам героин, он уже сделал это. Вы никогда не ожидаете получить чистую дозу».

С особенным подозрением Маршалл относится к банке пива из корнеплодов «Барк», найденной около тела Курта. «Вскрытие трупа показало наличие в организме Курта наряду с героином валиума, — говорит она. — «Кто-то, возможно, без труда поместил в эту банку большую дозу валиума. Это помогло бы вывести его из строя значительно быстрее. Валиум усиливает воздействие героина. Не похоже, что полиция вообще проверяла содержимое банки, но они должны были это сделать».

Независимо от того, использовался ли валиум для ускорения процесса, Маршалл считает, что если кто-то из тех, кто знал Кобэйна, дали ему слишком чистую дозу героина, они просто должны были ждать, когда он потеряет сознание. «Потом ему могли дать в руки винтовку, положили ему в рот и спустили курок, сделав так, чтобы смерть напоминала самоубийство. В

момент смерти его рука схватила дуло винтовки, и вот вам ваше трупное окоченение».

«Однако, к сожалению, это довольно легко сходит с рук, — добавляет Маршалл, — особенно если это смерть наркомана».

* * *

Вернон Джеберт разбирается в том, как это сходит с рук. Недавно вышедший в отставку в звании командующего Специальной Комиссии По Изучению Убийств Бронкса, Джеберт лично расследовал, контролировал, оценивал и консультировал более восьми тысяч расследований смертей. Среди них, говорит он, «я могу показать вам длиннющий список убийств, которые были инсценированы так, чтобы они напоминали самоубийства».

По словам Джеберта, чей учебник по криминологии «Практическое Расследование Убийства» считается библией детективов по убийствам, все расследования смертей должны вестись как потенциальные дела по убийствам, пока факты не докажут обратное. «Вопрос не в том, могло ли это предположительно быть самоубийством. Он в том, могло ли это предположительно быть убийством. Это — единственная логическая процедура для того, чтобы отличить инсценированные убийства от самоубийств. Если полиция предполагала бы без дальнейшего расследования, что очевидное самоубийство не было убийством, то другие доказательства и зацепки на месте происшествия никогда не проверялись бы, и убийства оставались бы нераскрытыми».

Как и Дениз Маршалл, Джеберт полагает, что лень следователей существенно облегчило то, чтобы убийство напоминало самоубийство. «То, как представлена жертва убийства, и манипуляции на месте происшествия умного преступника могли привести к тому, чтобы смерть казалась самоубийством, — объясняет он. — Я лично расследовал много таких дел, и суть этого вопроса в том, что на начальной стадии эти дела действительно напоминали самоубийства».

Джеберт упоминает особое дело, с которым он работал, во многом схожее с делом Кобэйна. В ходе этого расследования он работал консультантом в страховой компании, которая возбудила дело о смерти в результате противоправных действий против человека, который, как полагали, на самом деле убил одного из своих родственников, по утверждению властей совершившего самоубийство.

Когда полиция прибыла на место происшествия, жертва

лежала на спине в своём передвижном доме с винтовкой, просунутой между ногами, вокруг тела была кровь и мозговое вещество. После формального расследования полиция установила, что смерть наступила в результате самоубийства, и закрыла дело.

Однако когда Джеберт провёл своё собственное расследование, он обнаружил множество тревожащих противоречий. Покойный, как известно, хранил в доме по меньшей мере 1 000 $, но полиция нашла пустой бумажник на полу в его машине и 2.50 $ в его карманах. К тому же, как было видно из банковского счёта жертвы, он снял 200 $ из банкомата незадолго до смерти, но эта сумма также неизвестно куда пропала из его трейлера. Джеберт побеседовал с соседом, который остановился у трейлера из-за того, что заподозрил, «что что-то было не в порядке». Джеберт заметил, что двери машины открыты, и ключи были в замке зажигания — странно для покойного. Помимо того, что дверь трейлера была открыта, стереоприёмник и термостат были настроены на полную мощность, несмотря на то, что по имеющимся сообщениям покойный никогда не настраивал термостат более чем на 65 градусов. Члены семьи сообщили Джеберту, что антирадар жертвы, обычно прикреплённый к солнцезащитному козырьку в его машине, исчез, как и мешочек с инструментами с заднего сиденья и золотой калькулятор с инициалами покойного. Наконец, было известно, что покойный незадолго до смерти составил множество краткосрочных и долгосрочных планов.

Убежденный в том, что есть очевидные доказательства, указывающие на преступление, Джеберт представил свои выводы на рассмотрение полиции и предложил возобновить расследование. Полиция отказалась даже обсуждать это. В силе оставалось утверждение о том, что это самоубийство.

«Если честно, некоторые копы просто не хотят признавать, что они совершили ошибку, невзирая на убедительные улики, — говорит Джеберт. — Они боятся, что это плохо отразится на их репутации. Но дело в том, что, когда вы сталкиваетесь с очевидным самоубийством, вы должны копать глубже, выяснить, был ли у кого-то мотив, мог ли кто-то извлечь материальную выгоду из этой смерти. Затем вы должны обратиться к результатам судебной экспертизы, чтобы выяснить, соответствуют ли медицинские данные характеру самоубийства. Часто преступник рассчитывает на то, что власти не будут выполнять свою работу. Мне крайне неприятно это признавать, но сравнительно легко организовать убийство так, чтобы оно напоминало самоубийство и сделать так, чтобы преступление

осталось нераскрытым. Особого таланта не требуется.

В своей книге 1975 года, «Основные Принципы Уголовного Расследования», Чарлз О`Хара ссылается на исследование сорока очевидных самоубийств, в которых головы жертв были разнесены пулей. «Конечно, в таких случаях, — пишет он, — ствол оружия должен помещаться прямо под подбородком или во рту. Следовательно, не так уж невероятно, что таким способом может быть совершено убийство, и тем более вероятно, поскольку это легко подходит под подозрение в самоубийстве; это — прямое предположение, что человек спящий, одурманенный или связанный может быть таким образом убит».

Ещё одно исследование, сравнивающее убийства и самоубийства, упоминающееся Дэвидом Лестером в его книге 1986 года, «Убийца и Убийство», установило типичную жертву убийства — мужчина в возрасте между двадцатью пятью и тридцатью четырьмя годами, убитый дома из ружья — это соответствует описанию, схожему с Кобэйном. Лестер также сообщает об исследовании, которое выявило, что жены, убившие мужей, составляют 41 процент женщин-убийц, и что 85 процентов убийств супругов произошли дома. Но в организме Кобэйна обнаружено наличие наркотиков, что наиболее близко соответствует результатам исследования, заключавшего, что «вероятнее всего, наркотики будут присутствовать в убийствах, а не в самоубийствах».

«В самом деле, — говорит Вернон Джеберт, — существует прежде всего одна группа, где вы стремитесь обнаружить больше всего инсценированных мест совершения преступления, и она — в смертях героинщиков. До того, как я стал следователем по убийствам, я работал с наркотиками. Всякий раз, когда власти прибывают на место происшествия, где героинщик, по-видимому, совершил передозировку или самоубийство, они обычно стремятся сбросить это со счетов как просто очередную смерть героинщика, без правильного расследования обстоятельств. Именно поэтому легче убить героинщика и инсценировать смерть так, чтобы она напоминала самоубийство, чем это могло бы быть в случае со среднестатистическим честным гражданином».

Хотя статистические данные о его феномене трудно достать, потому что очень много инсценированных преступлений остаются нераскрытыми, одно исследование 1971 года подробно заостряет внимание на смертях, связанных с наркотиками, в сфере, где употребление наркотиков, как известно, является особенно распространённым — в американских войсках. Двое следователей, полковник Ричард Фреде и коммодор Чарлз Стал, изучали 1.3 миллионов хирургических случаев и случаев

вскрытий трупов в архивах Института Патологии Вооруженных Сил, проводившихся между 1918 и 1970 годами. Они обнаружили 174 примера того, что они называют «смертельным наркозом» — случаи, когда было известно, что военные умирали от употребления опиатов. Они обнаружили, что удивительно высокий процент из этих случаев — 3.7 — на самом деле были признаны убийствами — случаи, когда мёртвые солдаты получили преднамеренный «смертельный укол» героина.

Два десятилетия спустя американские войска также стали фоном для самого важного исследования, когда-либо проводимого по поводу феномена инсценированных самоубийств — исследования, которое представляет собой назидательную историю для следователей, склонных относить смерть к категории элементарных дел до изучения всех обстоятельств.

* * *

В 1993 году репортёр «Philadelphia Inquirer» по имени Дэвид Цуккино начал расследовать смерти множества американских солдат, признанных военными патологами самоубийствами. После просмотра тысяч страниц отчётов о следствии по делам, заключений судебной экспертизы и отчётов о вскрытии, полученных в соответствии с Законом о Свободе Информации, Цуккино обнаружил не только то, что существенные факты откровенно противоречили самоубийствам, но и то, что следователи потеряли или небрежно разрушили важные доказательства, неправильно обращаясь со смертоносным оружием, не выполняя стандартные судебные экспертизы и предоставляя неточные и вводящие в заблуждение отчёты.

Исследуя одно дело за другим, он обнаружил, что семьи жертв оспаривали заключения о самоубийстве, только будучи обвинёнными военными властями в отказе примириться с тем, что их любимые люди покончили с собой.

Среди самых ярких примеров Цуккино обнаружил указывающие на инсценированные самоубийства:

— В 1989 году Служба Криминальных Расследований ВМС (NCIS) пыталась убедить Билла и Донну Дигман, что их сын, капитан ВМС Джеффри Дигман, покончил с собой выстрелом в голову, хотя, чтобы выпустить пулю по такой траектории, он должен был перевернуться вверх ногами. Более того, пуля попала в голову Дигмана с правой стороны, хотя он был левшой. Семья наняла судебного эксперта, который обнаружил, что повреждения на теле Дигмана явились следствием борьбы, и заключил, что

кто-то, вероятно, застрелил Дигмана и расположил тело так, чтобы это напоминало самоубийство.

— В 1991 году NCIS сообщило Джону Сэбоу, что его брат, полковник Джеймс Сэбоу, застрелился на заднем дворе своего дома. Джон Сэбоу, нейрохирург, сразу же с подозрением отнёсся к этим обстоятельствам и нанял гражданских судебных экспертов для исследования отчёта о смерти. Они пришли к заключению, что полковник был убит, и его тело было расположено так, чтобы смоделировать самоубийство.

— В том же году Управление Уголовных Расследований Сухопутных Войск (CIC) сообщил супругам Сидни и Карлосу Райт, что их сын, младший сержант Терри Райт, покончил с собой выстрелом в голову из винтовки. Однако формальная экспертиза показала, что Райт носил слишком толстые перчатки для того, чтобы они пролезли под курок винтовки, когда он умер. Армейские следователи аннулировали доказательства, и с оружия Райта даже не были взяты отпечатки пальцев. Проконсультировавшись с Цуккино, агент, который осуществлял контроль за расследованием, признал, что у него есть глубокие сомнения относительно того, что это самоубийство.

— В июне 1992 года NCIS сообщила Мэри Галлахер, что её сын, младший матрос Тодд Галлахер, разбился насмерть, упав с крыши в Филадельфии. Однако два гражданских врача и два военных медика среднего звена сказали, что считают, что серьёзные повреждения головы Галлахера были вызваны избиением, а не падением. Товарищи Галлахера по морской службе сообщили NCIS, что перед смертью у него была пьяная ссора с моряками с корабля противника. Однако ВМС по-прежнему настаивали на том, что он совершил самоубийство.

— Месяц спустя Управление Специальных Расследований ВВС (OSI) сообщило Ройялу и Линде Шульц, что их сын, лётчик Аллен Шульц, повесился на простыне, натянутой на гидравлическом устройстве для открывания дверей, хотя Шульц был выше уровня устройства. Цуккино обнаружил, что следователи были не в состоянии рассмотреть в качестве доказательства то, что в комнате Шульца в ночь его смерти находились другие люди. Кроме того, на фотографиях вскрытия трупа на шее Шульца просматривались следы, которые, по заключению судебно-медицинского эксперта, не были оставлены верёвкой.

В каждом из этих случаев, так же, как и в девяти других, как заключил Цуккино, все доказательства указывали на убийства, инсценированные так, чтобы они напоминали самоубийства или несчастные случаи. После того, как его исследование было опубликовано в декабре 1993 года, выяснилось, что ещё двадцать

шесть семей подвергли сомнению заключения о самоубийствах, сделанные военными властями в отношении смертей их сыновей.

Фредерик Р. МакДэниел, бывший следователь управления уголовных расследований Сухопутных войск, рассмотрев три из этих дел для членов семей, обнаружил, что никакого организованного заговора, подготовленного, чтобы прикрыть убийства не было — дело только в недостатке следственной практики. «Я вижу полную некомпетентность, соединённую с ленью и недостатком опыта, — сказал он в интервью «Inquirer». — Никто не беспокоится о том, чтобы провести расследование надлежащим образом».

Роналд Ф. Декер, частный сыщик, который двенадцать лет работал следователем по расследованию преступлений в ВВС, впоследствии рассмотрел девять из этих дел по поручению газеты. Он пришёл к выводу, что каждое из заключений о самоубийстве представляло собой поспешное стремление решить дело, основанное на первых впечатлениях: «Эти люди принимают решение о том, что это самоубийство, раньше, чем следовало бы. Затем они работают, как проклятые, чтобы доказать самоубийство и полностью игнорировать любые другие доказательства, указывающее на несчастный случай или убийство».

Мать одного из убитых солдат подвела итог официальному отношению, которое, как она полагала, явилось результатом неумелых заключений о самоубийствах: «Обвиняйте мертвецов — они не могут жаловаться».

5

Наши запросы в секретное место на побережье центральной Калифорнии зимой 2003 года имели все задатки шпионского романа. После восьми долгих лет и повторных запросов Том Грант, лос-анджелесский частный детектив, основатель теории убийства, наконец, согласился дать нам послушать свои плёнки. Почти с того момента, когда он был нанят Кортни Лав, чтобы найти Курта Кобэйна в апреле 1994 года, Грант записывал на плёнку всё — свои беседы с Кортни, с полицией и судебно-медицинским экспертом, с адвокатами, со свидетелями и с самыми близкими друзьями Курта. Он всегда утверждал, что эти плёнки — самая важная часть его дела, доказывающие, что Курт был убит, но отказывался дать их нам послушать, говоря, что он передаст их какому-нибудь органу юстиции только тогда, когда дело будет возобновлено. Чтобы уменьшить наши сомнения по этому поводу, он дал нам послушать фрагменты, когда мы писали нашу первую книгу, и позже отправил избранные отрывки по Интернету. Но, к нашему глубокому разочарованию, он постоянно отказывался позволить нам или кому-нибудь ещё услышать то, что он назвал «самым убийственным доказательством» в деле Кобэйна. Теперь же мы убедили Гранта, что, если он искренне хочет, чтобы дело было возобновлено, то сейчас самое время быть немного более откровенным.

Когда мы впервые услышали о теории убийства, выдвинутой Грантом весной 1995 года, мы отнеслись к ней очень скептически. В беспокойном мире рок-н-ролла хватает теорий заговора. Каждый раз, когда безвременно умирает рок-звезда, обязательно найдётся кто-нибудь, кто утверждает, что он или она были убиты. От Брайана Джонса до Джими Хендрикса и Элвиса Пресли продолжают циркулировать теории — некоторые из них весьма убедительны — что их смерть — результат убийства. Так, когда Грант впервые предал гласности свои обвинения, мы полагали, что это просто очередной пример поверхностной теории заговора против знаменитости. В сущности, в самой первой статье, которую мы написали об этом деле — в журнале «Canadian Disk» — мы цинично предполагали, что Грант занимается этим из-за денег, и будет пытаться наживаться на своих обвинениях, написав книгу или продавая свою историю.

Когда мы впервые посетили его офис в Беверли Хиллс в 1995 году, нам не потребовалось много времени, чтобы понять, что Том Грант не был типичным лос-анджелесским сыщиком. Окружённый фотографиями своих семи внуков, коренастый,

аккуратно одетый частный детектив больше походил на управляющего банка или университетского профессора, чем на того, кто сделал своим образом жизни нечто аморальное. И при этом он не напоминал тех людей, в чьей музыкальной коллекции имеются какие-нибудь альбомы «Нирваны» или «Hole».

Грант начал свою карьеру в правоохранительных органах более четверти века назад, в 1969 году, когда в возрасте двадцати двух лет он стал заместителем шерифа в Лос-Анджелесском окружном полицейском управлении. В течение года благодаря своим тонким навыкам следователя он получил повышение по службе, будучи направлен в элитное Специализированное подразделение по борьбе с преступной деятельностью (SCAT), которое занималось шпионской деятельностью по пресечению преступных операций. В 1972 году, вскоре после того, как Грант был переведён в Полицейское управление округа Малибу, он раскрыл крупную банду поджигателей, и ему было присвоено звание детектива, одного из самых молодых из когда-либо существовавших в округе. Три года спустя, чувствуя себя перегоревшим на опасной работе, он взял отпуск, чтобы открыть музыкальный магазин недалеко от общества кинематографистов Малибу, где он продавал оборудование «Beach Boys» и другим именитым музыкантам.

Если у него и были какие-то скелеты в шкафу с тех пор, как он служил в полиции, мы не смогли их найти, и это не значит, что мы не пытались это сделать. Все его бывшие коллеги, у которых мы брали интервью, только восхваляли навыки Гранта, говоря, что он был очень уважаемым полицейским.

После того, как его музыкальный магазин приказал долго жить, Грант работал советником по безопасности для множества знаменитых клиентов, включая Сэмми Дэвиса-младшего и Сондру Лок, пока он не стал ведущим следователем у бывшего агента ФБР, ставший частным детективом в 1990 году. Три года спустя он открыл собственную фирму.

Когда мы впервые встретились с Томом Грантом, нас сразу же поразила его честность — не первое качество, которого можно было бы непременно ожидать от частного детектива. В его офис снова и снова звонили будущие клиенты, только чтобы услышать от Гранта, что они могут сами сделать эту работу, а затем он продолжал инструктировать их, как это сделать. «Мне сказали, что я — никудышный бизнесмен, — признаётся он. — Возможно, поэтому мой музыкальный магазин потерпел крах». Одна из звонивших, подозревая своего мужа в измене, попросила Гранта установить скрытое устройство для наблюдения в его офисе. Отказ Гранта последовал немедленно: «Это незаконно. Я так не

работаю», — сказал он ей и повесил трубку.

Восемь лет спустя, собираясь показать нам свои плёнки, Грант уже не был действующим частным детективом, но он сохранил свою лицензию и по-прежнему брался за эпизодические дела. По сути дела, за годы, прошедшие с нашей первой встречи, он был одним из главных действующих лиц в расследовании, гораздо более печально известном, чем само дело Кобэйна. Грант был нанят бывшей служащей офиса штата Арканзас Полой Джонс, чтобы найти свидетелей, чтобы поддержать её иск о сексуальных домогательствах против тогдашнего президента Клинтона. Впоследствии Грант способствовал определению местонахождения бывшей стажёрки из Белого дома Моники Левински, впервые появившейся в связи с судебным процессом Джонс. Таким образом, Грант сыграл ведущую роль в импичменте действующего президента.

Мы не могли не спросить: это значит, что он — член так называемого крупного заговора правого крыла, чтобы во что бы то ни стало сместить Клинтона?

«Ну, что вы, — отвечает он. — Некоторые из тех людей, с которыми я работал, возможно, разозлились бы на меня за такие слова, но на самом деле я думаю, что Клинтон был хорошим президентом. Как человек он — полное ничтожество, и я знаю это лучше многих. Но как президент он был великолепен».

* * *

Грант открывает сейф и вынимает огромную коробку с кассетами, на которых он делал записи за период с апреля 1994 до января 1995 года. На них представлены более тридцати часов бесед, касающихся дела Кобэйна. Однако к нашему разочарованию, плёнки, на которых есть то, что Грант считает самым важным доказательством в поддержку его теории убийства, всё ещё под запретом. Они будут переданы ФБР, говорит нам Грант, если дело будет возобновлено.

Однако перспектива прослушать очень многое из того, что обнаружилось сразу же до и после обнаружения тела Кобэйна, заманчива; мы с нетерпением ожидаем услышать любые новые доказательства, которые могут там быть. Благодаря нашей первой книге нас вообще считают передовыми представителями журналистики в отношении смерти Курта Кобэйна. Но когда мы сидели и слушали плёнки Гранта на протяжении последующих трёх дней и ночей, мы сразу же поняли, что не знали точно о событиях апреля 1994 года — действительно, сколько же всего мы

неправильно поняли или просто явно пропустили.

Хотя плёнки не дают ответа на все вопросы, они крайне компрометирующие и дают первое реальное изображение событий, окружающих смерть Кобэйна. Наряду с полицейскими отчётами, которые получены согласно Закону о Свободе Информации Штата Вашингтон, они имеют большое значение для ответа на вопрос, по-прежнему покрытый мраком — как же на самом деле умер Курт Кобэйн.

Воскресенье, 3 апреля

3 апреля 1994 года — в пасхальное воскресенье — Том Грант в своём офисе в Беверли Хиллс со своим партнёром, Беном Клагманом, завершает работу с документами по одному из старых дел, когда звонит телефон. Звонит женщина, ищущая детектива, чтобы выяснить, кто пользуется кредитной карточкой её мужа. Она не представляется, но спрашивает Гранта, может ли он встретиться с ней в её номере в близлежащем отеле «Пенинсула». «Мы в некотором роде знамениты», — добавляет она.

Спустя час Грант и Клагман приезжают в «Пенинсулу» — пятизвёздочный отель в Беверли Хиллс, пользующийся вниманием знаменитостей — и сразу же узнают женщину, которая встречает их у дверей. «Если вы расскажете это прессе, я вас, блин, по судам затаскаю», — предупреждает их Кортни Лав, когда они входят в комнату.

Кортни сообщает Гранту и Клагману, что её муж — Курт Кобэйн; два дня назад он сбежал из Лос-Анджелесского реабилитационного центра для наркоманов, и с тех пор его никто не видел. Она признаётся, что солгала, когда позвонила. Пытаясь ограничить передвижения Курта, она аннулировала его кредитную карточку, заявив, что она якобы украдена. Чтобы помочь определить местонахождение своего мужа, она хочет, чтобы Грант позвонил в компанию, предоставляющую товары по кредитной карточке, и получил список всех сделок, сделанных по этой карте до того, как она была аннулирована. Тут Грант сообщает ей, что для этого ей не нужен детектив, и она сама может это сделать. «Я должен взять с вас пятьдесят долларов за один только вызов по телефону», — говорит он.

«Что? Этих денег вам мало?», — раздражённо отвечает Кортни. Она говорит им, что у Курта только одна кредитная карточка, и без неё у него нет никакого доступа к деньгам, так как она также аннулировала его банковские кредитные карточки.

Когда Грант спрашивает, может ли Курт получить средства из других источников, например, у друзей, она отвечает, что Курт совершенно «беспомощен», и у него нет друзей. «Этот парень не может сам даже поймать чёртово такси».

Потом Кортни говорит партнёрам, что думает, что её муж может покончить с собой. Он купил винтовку, и она боится, что он планирует ею воспользоваться: «Все думают, что он собирается умереть».

Грант и Клагман возвращаются в офис, чтобы составить бланк для того, чтобы Кортни наделила их полномочиями на получение кредитных записей Курта. К тому времени, когда чуть позже днём Грант возвращается в «Пенинсулу», Кортни в ярости; вероятно, она последовала его совету и сама позвонила в компанию, предоставляющую товары по кредитной карточке.

Она обнаружила, что спустя около получаса после того, как Курт покинул реабилитационный центр 1 апреля, он заказал билет на самолёт. Он заплатил 478 $. Это, как оказалось, был билет, по которому он обычно летал из Лос-Анджелеса в Сиэтл. Но оказалось, что это было не единственным его приобретением. В тот же день в 17:30, хотя он всё ещё был в «Эксодусе», Курт воспользовался своей «Мастеркард», чтобы купить два других билета на самолёт «Юнайтед Эрлайнс». Компания, предоставляющая товары по кредитной карточке, не смогла установить дату рейса или пункт назначения этих двух билетов, только сумму, которую он заплатил. Кортни говорит Гранту, что Курт мог поехать на восток, чтобы погостить у своего друга Майкла Стайпа, лидера его любимой рок-группы «R.E.M.». Стайп пригласил Курта записаться с его группой в марте, до передозировки в Риме, и даже послал билет на самолёт, которым Курт так и не воспользовался.

«Я не знаю, где он, чёрт возьми, — говорит Кортни. — Я думала, что он поехал в Сиэтл и захватил свою гитару. А потом он полетел в Атланту … [«R.E.M.»] записываются в Ноксвилле. У него есть два билета. Мне интересно, купил ли он билет на самолёт для кого-то ещё».

Она пытается уговорить Гранта влезть в компьютерную систему авиакомпании. Она хочет узнать, вылетел ли Курт из Сиэтла и если да, то с кем он путешествует. Сообщив ему, что «так всегда делают», она говорит, что была бы готова заплатить хакеру 5 000 $, чтобы вскрыть компьютеры «Дельты» и «Юнайтед Эрлайнс». «Если он взял те билеты на самолёт, я хочу знать, куда он делся».

Грант возражает: «Да, а потом следующее, что вы прочитаете обо мне — что главный частный детектив в Беверли Хиллс

арестован за хакерство».

Но Кортни настаивает, убеждая его нанять для этого «какого-нибудь стрёмного чувака». Она сообщает Гранту, что она «росла на Нэнси Дрю», поэтому знает, как это делается.

Грант говорит ей, что, даже если бы она выписала чек на 300 000 $, он всё равно не нарушил бы закон, потому что это не стоит риска угодить в тюрьму. «Что бы я ни делал, — настаивает он, — я буду делать это по закону».

По тону голоса Кортни ясно, что она в панике из-за второго билета на самолёт. Грант вскоре выяснит, почему.

«Думаю, что Курт хочет развода, — говорит она. — Если он хочет развода, прекрасно. Если мы будем разводиться, и дело дойдёт до борьбы за опеку, я в тот же миг одержу победу». Она делит что-то ещё. Курт в Риме оставил ей записку, в которой «он говорит, что оставляет меня». Тогда Грант ещё не был знаком с большой частью истории супругов, и он ничего не знает о недавней передозировке Курта в Риме. Поэтому это открытие имеет для него небольшое значение.

Кортни продолжает рассказывать Гранту о предсвадебном соглашении, которое они с Куртом подписали перед своей свадьбой в феврале 1992 года: «Несмотря на наше соглашение, на моё имя записаны все наши дома и все наши средства. Без этого я не хочу развода. Развод может случиться только в том случае, если я уличу его в измене». Потом она признаётся, что боится именно этого сценария; она убеждена, что у Курта роман с торговкой героином из Сиэтла по имени Кейтлин Мур, у которой, по её словам, всегда найдётся история о «чёртовых рок-звёздах».

Кортни сообщает Гранту, что убеждена, что если Курт в Сиэтле, то он — с Кейтлин. Она просит его установить жучки в доме торговки наркотиками. И снова Грант отказывается. Тогда Кортни признаётся, что она уже послала друга в дом Кейтлин с 100 $, чтобы купить героин в качестве предлога, чтобы выяснить, был ли там Курт. Его там не было. Она говорит Гранту, что использовать девушек — это вполне в духе Курта, потом добавляет: «Если он трахает её, ему несдобровать …» Её голос становится мягче, когда она говорит Гранту, что у них с Куртом «хороший брак», но она думает, что он злится на неё, потому что «я возражаю против злоупотребления наркотиками», и что всякий раз, когда Курт принимает наркотики, они ссорятся. «Когда он приносит домой наркотики, я тоже их принимаю», — говорит она. Она рассказывает ему, что сейчас даже мать Курта «боится его», утверждая, что «Венди очень плохо с ним обращалась», когда он был ребёнком, но теперь Курт, кажется, забыл об этом и простил её.

Грант спрашивает, есть ли у Курта какие-нибудь любимые места в Сиэтле, где он мог бы скрываться. Она рассказывает ему, что он любит останавливаться в захудалом мотеле на Аврора-авеню под названием «Марко Поло», куда он иногда заходит, чтобы уколоться. Потом она снова говорит о Кейтлин, требуя, чтобы Грант нашёл в Сиэтле частного детектива, чтобы установить наблюдение за её квартирой. Она шепчет самой себе: «Если ты трахаешься с кем-нибудь ещё, Курт, я тебя засеку».

Затем она признаётся, что днём раньше она подбросила прессе выдуманную историю о том, что у неё была передозировка наркотиков в качестве уловки для привлечения внимания Курта, чтобы заставить его связаться с ней. Теперь ей названивает репортёр из «Associated Press», спрашивая об этом происшествии. Кортни спрашивает Гранта, что, по его мнению, она могла бы сказать:

«Через восемь недель выходит мой альбом, и любая реклама хороша…. Что мне говорить «Associated Press»?… Если это так, и я это отрицаю — и я могу полностью отрицать это в банке — а люди мне поверят, если я буду это отрицать и скажу, что этого никогда не было…. Что я могу сказать — то, что [Курт] сбежал из реабилитационного центра, а мне надо было лететь в Лос-Анджелес с ребёнком и нашей няней, чтобы поддержать его, и когда он пропал, я была очень подавлена и должна была быть госпитализирована из-за какого-то там нервного срыва… тогда это никак не связано с наркотиками, и у Курта нет никаких неприятностей, потому что это выглядит так, словно он вообще не был в реабилитационном центре, и не чувствовал, что на него оказывают давление, и не перепрыгнул через стену. Я имею в виду — ну, и как я придумала? Может показаться, что я пыталась покончить с собой. Даже если скажут, что у меня была передозировка от ксанакса и выпивки, было бы прекрасно, но если буду говорить про героин, я буду в глубоком дерьме. Я больше не принимаю героин. Я его не принимаю, конечно же, с тех пор, как родилась моя дочь. Я не принимала его почти два года, только изредка, когда Курт приносил его домой…. Понимаешь, я долгое время имела дело со СМИ. Будем надеяться, что завтра эта «АР» напишет, что я в коме».

Когда Грант спрашивает её, не думает ли она, что Курт может обидеться на то, что она обманула его, она не обращает внимания на вероятность этого, настаивая на том, что Курт никогда не узнает об этом, потому что «тем людям, для которых я это сделала [подкинула выдуманную историю], я заплатила». В её мире, говорит Кортни, люди «меня боятся», поэтому «они меня не достают». То, что пресса всегда воспринимает её как какую-то

«совершенно жуткую и испорченную», всё равно работает на неё, потому что у неё выходит альбом, поэтому «это так эгоистично, что могло бы даже помочь продавать альбомы».

Хотя он говорит, что тогда не понимал этого, Грант считает эту беседу очень важной.

«Оглядываясь назад, — говорит он, — я понимал, что Кортни пыталась предоставить целый ряд доказательств того, что у супругов был своего рода договор о совместном самоубийстве. Позднее вы увидите, что многие авторы рассказывали об этом договоре, основываясь на том, что Кортни говорила публике после смерти Курта. В том разговоре в первый день, когда я познакомился с ней, она фактически признается во мне, что подброшенная ею история была предназначена для того, чтобы вероломно убедить людей в том, что она пыталась покончить с собой, в то время как Курт исчез. Я думаю, что это было сделано с расчётом на то, чтобы вызвать сочувствие поклонников Курта, чтобы помочь им совершить плавный переход из фэнов «Нирваны» в фэны «Hole».

Разговоры Гранта с Кортни в пасхальное воскресенье чрезвычайно показательны и включают в себя первое конкретное доказательство супружеского разрыва пары, о котором долгое время ходили слухи. Но не менее удивительно то, что появившиеся 3 апреля открытия могут не быть почти так же существенны, как то, что она была не в состоянии рассказать Гранту в тот день.

Суббота, 2 апреля

Хотя Полицейское Управление Сиэтла никогда не принимало всерьёз никакие другие версии смерти Кобэйна, кроме самоубийства, тем не менее, было проведено обычное расследование событий, предшествующих его смерти. Во время этого расследования они попытались определить местонахождение всех, кто общался с Куртом в тот период, когда он был объявлен пропавшим. Хотя представление о его местонахождении в те дни было поверхностным и привело к обнаружению его тела 8 апреля, полиция могла отследить некоторые из его передвижений за те часы, что прошли после его отъезда из лос-анджелесского реабилитационного центра вечером 1 апреля.

Спустя около часа после того, как Курт перелез через стену внутреннего двора реабилитационного центра «Эксодус», он позвонил в «Дельта Эрлайнс» и заказал билет на рейс 788 в Сиэтл

из Международного Аэропорта Лос-Анджелеса в 22:20. Когда он прибыл в аэропорт около 21:30, его узнали многие фэны при регистрации на билетном контроле Дельты. Он любезно болтал и раздавал автографы в течение почти пятнадцати минут. Перед посадкой в самолёт он заранее позвонил в свой автосервис «Сиэтлские Лимузины», чтобы сообщать им, что он приедет в Международный Аэропорт Сиэтла/Такомы в 12:47 утра.

Во время двухчасового полёта Курт сидел рядом с Даффом МакКаганом, басистом «Guns n`Roses» (группы, которую, кстати, Кобэйн презирал). Курт сказал МакКагану, также лечившегося от героиновой зависимости, что он уехал из реабилитационного центра и «едет домой».

Когда самолет приземлился в Сиэтле, водитель Курта, Линда Уокер, ждала в аэропорту. Она привела его прямо к особняку на Лэйк Вашингтон и высадила его на дороге, ведущей к дому, около 1:30 утра.

Пока Курт и Кортни были в Лос-Анджелесе, единственным обитателем дома, был Майкл «Кэли» Дьюитт, бывший дружок Кортни из Калифорнии, который был нанят в качестве няни для Фрэнсис Бин, несмотря на его давнее пристрастие к кокаину и героину. Кэли, по-видимому, пригласил к себе подругу, Джессику Хоппер, пока она была на весенних каникулах — она обучалась в школе-интернате Миннеаполиса. В итоге Джессика на следующее утро в 6:00 часов уже была там, когда Курт вошёл в комнату Кэли и сел в ногах их кровати. Проснувшись и увидев Курта, они тотчас же стали убеждать его позвонить Кортни, потому что «она волнуется».

Кэли впоследствии утверждал, что Курт тут же бросился к телефону и стал звонить Кортни в «Пенинсулу», но не мог дозвониться в её номер. Год спустя Кортни рассказала немного другую историю в интервью журналу «Spin», утверждая, что Курт безуспешно пытался дозвониться до неё в 8:54 утра:

> Телефон был заблокирован для всех, кроме него. Я не спала. Я звонила оператору каждые два часа, чтобы убедиться, изменили ли они настройки. Они все знали, что если позвонит мистер Кобэйн, они должны, чёрт возьми, соединить его со мной. В 8:54 утра я не спала. Он звонил, и в течение шести минут он пытался дозвониться до меня и не смог. Для него что-то доказывать в течение шести минут по телефону — это безумие. Я не могу себе представить, что он мог что-то доказывать в течение шести минут. Хотя он так и делал. И что я сказала ему — что я на их стороне, что для него

> у меня заблокирован телефон. А это было не так. Весь план Курта заключался в том, чтобы попытаться опровергнуть доводы всех, но он никогда не мог опровергнуть мои. Хотя я думаю, что именно в тот момент он подумал, что я разочаровалась в нём.

Это — трогательная история. Но когда репортёр из «Spin» и впоследствии мы сами связались с отелем «Пенинсула», администрация отрицала, что этот инцидент когда-либо имел место. Персонал отеля утверждал, что никаких несостоявшихся звонков в номер Кортни тем утром не поступало, и при этом Кортни не оставляла никаких инструкций о том, что если позвонит Курт, её должны соединять с ним. На самом деле в отеле регистрируется каждый входящий звонок, так же, как и каждый звонок, сделанный из номеров. Эти телефонные отчёты дают ясную картину того, что случилось дальше.

Только после 7:00 утра Курт заказал по телефону такси «Грэйтоп», которое заехало за ним пятнадцать минут спустя. Джессика и Кэли утверждают, что больше они никогда его не видели. Позже в тот день, согласно отчётам отеля «Пенинсула», Кортни сделала восемь отдельных междугородных звонков на личный номер Кэли в дом на Лэйк Вашингтон, некоторые из них длились несколько минут. Однако когда на следующий день она наняла Тома Гранта, чтобы разыскать своего пропавшего мужа, она необъяснимым образом была не в состоянии сказать ему, что Курт днём раньше видели дома.

«Всё равно в этом не было смысла, — вспоминает Грант. — Когда она нанимала меня, она сделала так, чтобы казалось, будто она понятия не имеет, куда он ушел: она даже не знала, был ли он в Сиэтле. Когда я узнал, что Кэли на самом деле видел Курта 2 апреля в доме, я стал размышлять, могла ли у неё быть возможная причина для того, чтобы скрывать эту информацию от меня, парня, которого она якобы наняла, чтобы найти его. Это ещё более странно, чем то, что она хотела, чтобы мы установили наблюдение за квартирой Кейтлин, но она никогда не просила нас дежурить в доме на Лэйксайд Вашингтон, даже после того, как она, наконец, рассказала мне несколько дней спустя, что Курт был там. Возможно, впервые я почувствовал, что в этом деле что-то не так».

Понедельник, 4 апреля

Понедельник, 4 апреля, начался с телефонного разговора

Кортни и Гранта о его предварительном гонораре. Она говорит ему, что деньги — это не проблема: «Я имею в виду, деньги — проблема, если мы будем разводиться, и у меня не будет издательского договора, но этого не произойдёт в течение достаточно долгого времени».

Она рассказывает Гранту о своих недавних ссорах с Куртом, после чего он решил отказаться от участия в туре на Лоллапалузу тем летом. Она объясняет, что «Нирване» предложили процент от кассового сбора, который мог бы принести группе около 9 миллионов $. Она яростно жалуется на финансовые последствия его решения, признавшись, что Курт недавно сказал ей, что он даже не хочет быть членом «Нирваны». Поскольку Курт воротит нос от 9.5 миллионов $ Лоллапалузы, сказала она, «то мы [«Hole»] могли бы, блин, сыграть на Лоллапалузе и получить эти деньги; вот то, что меня просто бесит!». Теперь, из-за того, что Курт отказался там участвовать, «Hole» не пригласят играть на Лоллапалузе, даже если они продадут два миллиона альбомов, кипятится она: «Я имею в виду, что он получил бы 9.5 миллионов $, а я — всего где-то 100 000 $, но, по крайней мере, я продала бы несколько альбомов, а теперь он всё испортил».

Закончив критиковать своего мужа, Кортни нацелилась на других членов «Нирваны», которые, по её мнению, получают слишком много денег за своё сотрудничество. Она рассказывает о Дэйве и Кристе как о «полных лузерах», которые заработали более 3 миллионов $ на песнях, в которых не написали ни единой ноты. «Даже его группа восстала против него», — говорит она, признавшись, что ни один из его товарищей по группе не был на недавней наркотической «интервенции». Особенно грубо она отзывается о Кристе, которого она называет «тупицей», сообщив Гранту, что после «интервенции» она попросила Криста присматривать за Куртом. Вместо этого, утверждает она, он завёл машину Курта без ключа зажигания и попытался доставить его в реабилитационный центр против его воли. «Так делать просто нельзя», — говорит она.

Кортни по-прежнему одержима мыслью о том, что Курт сейчас с Кейтлин Мур. Грант отказался выполнить её просьбу поставить жучок в квартире торговки наркотиками, поэтому она просит сделать это своего друга, давнего клиента Кейтлин. Кортни звонит своему другу и позволяет Гранту послушать их разговор. Друг говорит ей, что он уже был у Кейтлин, и никаких следов Курта там нет, но Кейтлин часто уходила на несколько часов подряд. Он сообщает, что Кейтлин утверждала, что в последнее время Курта поблизости не было.

Кортни спрашивает, знает ли Кейтлин, что Курт уехал из

реабилитационного центра. Её друг говорит, что она знает, оставляя Кортни теряться в догадках, откуда она узнала об этом. «Кейтлин ненавидит Дилана, поэтому интересно, как же она узнала об этом. В новостях об этом не сообщалось». Кортни предлагает своему другу 500 $, чтобы тот поставил жучок в квартире Кейтлин, объяснив, что «Фрэнсис нужен её папа». Она говорит ему, что она просто хочет знать это наверняка, настаивая, что у неё нет никаких намерений придать огласке наркотическую деятельность Кейтлин.

Кортни подозревает, что Кейтлин даёт Курту деньги, чтобы он оставался в мотеле, потому что она не думает, что кто-то из остальных друзей Курта будет его поддерживать. «Знаешь, каким Курт может быть тупым, — говорит она. — Я имею в виду, он замечательный, но он не может даже поймать себе такси».

Она говорит своему другу, что не хочет подставлять ни Курта, ни Кейтлин. «Если он хочет быть один, и он бросил меня, я не буду ему надоедать», — говорит она. Она просто хочет «узнать, где же он, чёрт возьми». Если он хочет развестись, продолжает Кортни, она признаётся, что «я просто хочу сделать его счастливым, а наркотики его счастливым не сделают».

Кортни настаивает на том, что Курт никогда ей не изменял, но она явно решает, что у Курта связь с Кейтлин. «Если он трахает её, то ему несдобровать, — говорит она своему другу, — но ты знаешь, что он может быть таким удолбанным, это возможно, правда?». Она признаётся, что Курт изменял двум из своих бывших подружек, и что он спал с другой женщиной, которая обычно доставала для него наркотики, хотя он клялся, что никогда не будет этого делать. Курт был «довольно асексуальным», говорит она, и он по-прежнему носит своё обручальное кольцо, поэтому «я не очень волнуюсь, но…»

По поводу того момента, записанного на плёнках, когда она беспрестанно кричит о торговке наркотиками, нам показалось, что навязчивая идея Кортни по поводу Кейтлин Мур основывалась на чём-то большем, чем паранойя. Ни один из друзей Курта или Кортни, с которыми мы говорили, не думал, что у Курта была интрижка с Кейтлин. Тем не менее, с каждым разговором, который мы слышали, становилось всё яснее и яснее, что ревность Кортни, обоснованная или нет, сыграла значительную роль в её действиях в течение той недели, когда пропал Курт. Однако, возможно, она была твёрдо убеждена в своём подозрении, что Кейтлин помогала Курту скрываться на протяжении нескольких дней в этот период.

Из всех торговцев наркотиками, которые когда-либо были в Сиэтле, как говорит Кортни своему другу, Кейтлин Мур «самая

жестокая, потому что, знаешь, она предпочитает рок-клиентуру». Она считает, что после того, как он покинул реабилитационный центр, логичнее всего предположить, что он обратился к Кейтлин, потому что он знал, что она никогда бы «не отправила его за наркотиками к кому-то другому».

Она спрашивает своего друга, знает ли он, где в квартире Кейтлин телефон, сказав, что у него есть два варианта. Он может поставить жучок прямо на телефон или где-нибудь в доме.

Так или иначе, тем вечером Кортни клянётся, что к полуночи узнает, в городе ли Курт. «Если его здесь нет, ну, и ладно, — говорит она. — Мы ещё получим четверть миллиона долларов за наш релиз. Всё так, как я задумала. Я не позволю Курту остановить меня». Она говорит своему другу, что журнал «Rolling Stone» только что согласился поместить «Hole" на обложку, поэтому «я не могу позволить Курту опустить меня». Она клянётся своему другу сохранить это в тайне, говоря, что она знает, что установка жучка — это плохо, но спрашивает его, предпочёл ли он увидеть Курта Кобэйна мёртвым. Кейтлин было бы всё равно, говорит Кортни, «до тех пор, пока у неё во рту его сперма».

Когда Грант в тот же день приезжает в «Пенинсулу» на встречу с Кортни, она говорит ему, что ранее в тот же день она звонила в полицейское управление Сиэтла, притворившись матерью Курта, и сообщила о пропаже человека. «Меня не восприняли бы всерьёз, если бы я сделала заявление от своего имени», — говорит она.

Данное сообщение в полицию, предположительно сделанное 4 апреля Венди О`Коннор, гласит:

> М-р Кобэйн сбежал из калифорнийской клиники и самолётом вернулся в Сиэтл. Он также купил винтовку и, возможно, хочет покончить с собой. М-р Кобэйн может быть там, где можно достать наркотики. Дополнительная информация у Детектива Терри Полицейского Управления Сиэтла/Отдела по борьбе с наркотиками.

Из-за необъяснимого — и противозаконного — поступка Кортни, сфабриковавшей это сообщение, Грант качает головой: «Заметьте, как она заблаговременно вбила в головы полицейских мысль о том, что он мог покончить с собой», — сказал он нам впоследствии.

Вторник, 5 апреля

Грант проводит оставшуюся часть понедельника и большую часть вторника, обзванивая мотели Сиэтла, чтобы установить, останавливался ли там кто-нибудь под одним из псевдонимов Курта, включая «Саймон Ричи» (настоящее имя Сида Вишеса). Во вторник, в 14:50, Грант решает, что нашёл его. В «Western Evergreen» некто зарегистрировался под именем Билл Бейли, любимым псевдонимом Курта. Он предлагает проверить это, но Кортни говорит, чтобы он не беспокоился. Она сама позаботится об этом.

«Немного позже она сказала мне, что звонила в тот номер, и оказалось, что тот, кто так остановился, был не Курт, — вспоминает Грант. — Тогда у меня не было никаких причин сомневаться в её словах».

К этому времени он заключил договор субподряда с сиэтлским частным детективом по имени Эрни Барт, чтобы установить наблюдение за квартирой Кейтлин Мур. Грант ещё не знает, что в субботу утром его видел Кэли в доме на Лэйк Вашингтон. Но когда он спрашивает Кортни, почему она не потребовала наблюдать за домом, она отвечает: «Там Кэли. Он сообщит мне, если Курт объявится».

И все же Кэли там не было. «Впоследствии мы узнали, что после понедельника Кэли оставил дом, — вспоминает Грант. — После этого он остался у ещё одной своей подруги по имени Дженнифер Адамсон. И Кортни хорошо об этом знала, потому что, когда мы получили отчёты о её телефонных переговорах из «Пенинсулы», они показали, что в течение недели она заказывала несколько телефонных разговоров с Кэли в квартиру Дженнифер. Поэтому она знала, что Курт был в доме, знала, что Кэли там больше не живёт, и, тем не менее, она не позволила нам установить там наблюдение. В этом не было никакого смысла».

Среда, 6 апреля

Спустя три дня после того, как Кортни наняла его, чтобы найти своего мужа, Грант всё ещё не добился никаких результатов, как и сиэтлский частный детектив, с которым он заключил договор субподряда, чтобы найти Курта. Теперь, вернувшись в «Пенинсулу», он предлагает лететь в Сиэтл, чтобы вести поиск самостоятельно. Кортни даёт ему добро. В это время в номере находятся трое её друзей, один из них — торговец героином. Другая подруга, Дженнифер Шэнк, спрашивает, почему Кортни не едет сама. Кортни отвечает: «Я не могу. Здесь у меня есть одно дело».

Час спустя, заказав билеты на рейс в Сиэтл, Грант желает им всего хорошего. Когда он скрывается за дверью, Кортни кричит: «Спасай американского идола, Том!»

Грант прибывает в Сиэтл, берёт напрокат машину и останавливается в гостинице перед тем, как направиться в квартиру друга Курта Дилана Карлсона приблизительно в 23:30. Кортни уже попросила Карлсона помочь Гранту в поисках. Оба планируют поехать в особняк на Лэйк Вашингтон, но сперва они делают остановку в кафе. Там Дилан говорит Гранту, что они с Куртом купили винтовку 30 марта, в день, когда его друг покинул реабилитационный центр. Курт хотел, чтобы оружие было зарегистрировано на имя Дилана, объясняет он, потому что полиция конфисковала всё его оружие несколькими неделями ранее после семейной ссоры супругов: «Он боялся незваных гостей, и он хотел, чтобы у него было оружие для защиты, когда он вернулся из реабилитационного центра. Я думаю, что недавно в доме была совершена кража со взломом или что-то вроде этого».

Вспомнив предупреждение Кортни, Грант спрашивает Дилана, думает ли он, что Курт может покончить с собой.

«Нет. Ничего подобного, — отвечает Дилан. — Он находится под большим давлением, но он справляется довольно неплохо». Он признаёт, что у Курта и Кортни в последнее время были «неприятности», а потом говорит: «Не знаю, почему Курт на ней женился».

Они отправляются в сиэтлскую квартиру Кейтлин Мур в районе Капитолийского холма, где на противоположной стороне улицы частный детектив Эрни Барт дежурит в своей машине. Грант представляется и спрашивает, есть ли у Барта какие-нибудь зацепки, но за последние сорок восемь часов не было никаких следов Курта. Грант спрашивает Дилана, стоит ли связываться с матерью Курта в Абердине, но Дилан отклоняет эту идею: «Нет, Курт не поедет туда. Он не ладит со своей матерью».

Идёт сильный дождь, когда оба останавливаются у дома на Лэйксайд Вашингтон вскоре после 2:00 утра. Планировалось, что Дилан подойдёт к двери один, чтобы не встревожить Курта присутствием Гранта. Пять минут спустя он возвращается к машине. Никто не ответил, но сработала сигнализация. Ни один из них не знает кода, поэтому Грант просит Дилана позвонить Кортни и спросить её, как войти. Проведя несколько минут в ближайшем телефоне-автомате, Дилан возвращается к машине и сообщает: «Кортни звонит в компанию, установившую сигнализацию, чтобы они отключили систему. С этим не будет проблем». Несколько минут спустя они возвращаются к дому и

залезают внутрь через открытое окно кухни. Магнитофон Гранта по-прежнему включён.

На плёнке слышится звук шагов — эти двое громко топают по дому. Грант говорит: «Я пойду за тобой, потому что ты здесь всё знаешь». Потом слышно, как Дилан зовёт: «Эй, Курт? Курт, ты здесь?» Они обыскивают весь дом, но не находят никаких следов Курта или кого-нибудь другого. Дилан говорит: «Я раньше никогда не видел этот дом таким чистым». Наверху в спальне работает телевизор; Дилан говорит, что это — комната няни. Кортни проинструктировала Гранта искать любые доказательства того, что Курт был здесь, включая наркотические принадлежности, поэтому они с Диланом продолжили искать под матрацем. Они кое-что нашли, упаковку таблеток с маленькими отдельными блистерными упаковками.

ДИЛАН: Вот тут что-то.

ГРАНТ: Что это?

ДИЛАН: Это роипнол.

ГРАНТ: Это не значит, что он был здесь, а?

ДИЛАН: Нет, это то, от чего у него была передозировка в Риме.

ГРАНТ: [Кортни] хотела бы, чтобы мы это взяли?

ДИЛАН: Да.

ГРАНТ: Это лекарство запрещено? А если нас задержат?

ДИЛАН: Нет, нет, их прописали в Англии. Они отпускаются без рецепта. Они продаются там как успокоительные средства при нарушении сна.

Когда тело Курта, в конце концов, было найдено в оранжерее полтора дня спустя, судебно-медицинский эксперт заключил, что он был мёртв по крайней мере два дня, определив вероятное время смерти как ночь 5 апреля или утро 6 апреля. Поэтому когда Грант и Дилан занимались поисками, Курт лежал мертвый на расстоянии менее двадцати пяти ярдов.

Впоследствии СМИ насмехались над детективными навыками Гранта, после того, как он не смог найти тело Курта. Почему опытный сыщик не проверил оранжерею?

«Дело в том, — говорит он, — что я не знал, что он был там. Той ночью шёл очень сильный дождь, и гараж был освещён прожектором, и в таких условиях было невозможно увидеть, что там наверху была комната».

Мы слегка скептически отнеслись к объяснению Гранта в первый раз, когда мы его услышали, будучи уверенными в том, что это оправдание, чтобы дать рационалистическое объяснение

своему небрежному расследованию. Но в декабре 1995 года мы осмотрели дом ночью при схожих погодных условиях и убедились, что тёмной дождливой ночью, комната-оранжерея была действительно невидима.

Четверг, 7 апреля

Эти двое решили продолжить свои поиски. Вскоре после полудня Грант останавливается, чтобы подбросить Дилана до его квартиры. Ещё один друг Курта, Марк Лэйнган, ведущий вокалист сиэтлской грандж-группы «Screaming Trees», соглашается помочь им в поисках. Грант желает установить контакт с торговкой наркотиками Кейтлин Мур, чтобы определить, видела ли она Курта с 1 апреля. Грант предлагает Дилану и Марку — оба являлись постоянными клиентами самого известного дилера Сиэтла — нанести визит к Кейтлин под предлогом того, чтобы раздобыть немного героина.

Когда они добираются до многоквартирного дома на Капитолийском холме, Грант вручает Дилану микрокассетный плейер, чтобы тайно сделать запись визита. Спустя примерно сорок пять минут эти двое появляются, как рассказывает Грант, в «героиновом тумане». На плёнке записано, что после получения дозы для себя и своего друга Дилан спрашивает Кейтлин, не видела ли она в последнее время Курта, на что дилер ответила, что не видела его целую неделю.

Тем временем Эрни Барт, сиэтлский частный детектив, с которым Грант заключил контракт, чтобы вести наблюдение за квартирой Кейтлин, берёт на себя ответственность поехать к дому на Лэйк Вашингтон, чтобы установить там наблюдение. Когда Кортни узнаёт об этом от Гранта, она приходит в ярость и немедленно приказывает ему отозвать Барта от дома.

«Барт — бывший сиэтлский коп, и он знал, что есть больше смысла в том, чтобы искать Курта в его собственном доме, а не у торговки наркотиками, — объясняет Грант, — но Кортни снова по каким-то причинам не захотела, чтобы он там находился».

После того, как они отвозят Лэйнгана домой, Грант и Дилан проводят большую часть четверга, проверяя места, где обычно появлялся Курт, и расспрашивая тут и там, чтобы выяснить, видел ли его кто-нибудь. Их усилия напрасны. Около 19:00 они едут в Карнэйшн, маленький город примерно в тридцати милях к востоку от Сиэтла, где у Курта и Кортни были две маленьких лачуги и несколько акров в собственности. Но идёт проливной дождь, начинает смеркаться, и Дилан считает, что не сможет в

таких условиях определить местонахождение владений. Они возвращаются, намереваясь на следующий день попытаться снова.

Грант высаживает Дилана и возвращается в свою гостиницу, чтобы поспать несколько часов перед тем, как возобновить их поиски позднее тем же вечером. Около 20:00 эти двое отправляются на Аврора-авеню с целью посетить некоторые из захудалых гостиниц, в которых Курт любил часто бывать. Они останавливаются у телефона-автомата, чтобы Дилан мог позвонить. Вернувшись в машину, он говорит Гранту: «У Кортни какие-то неприятности. Её арестовали, и она была в больнице. Что-то по поводу наркотиков. Мне надо сделать ещё несколько звонков».

Спустя полтора часа Дилану удаётся связаться с Кортни по телефону. Он говорит, что она сообщила ему, что весь этот арест — большая ошибка, и что она прекрасно себя чувствует. У неё есть одна просьба: она хочет, чтобы они вернулись к дому на Лэйк Вашингтон, чтобы поискать в тайном отсеке кладовой винтовку, которую Дилан и Курт купили неделей ранее.

«Это было действительно странно, — вспоминает Грант. — Кэли ранее на той неделе был в доме. Я удивился, почему она тогда не попросила его поискать оружие, или почему она не сказала нам об этом, когда мы приходили в дом прошлым вечером. И вдруг она приказала нам немедленно возвращаться без достаточно серьезного основания».

Только после 21:45 эти двое возвращаются к дому на Лэйк Вашингтон, чтобы выполнить указания Кортни. Войдя, они сразу же видят записку на видном месте на парадной лестнице. Прошлым вечером её там не было. По-видимому, написанная Кэли, она гласила:

> Курт —
>
> Я не могу поверить, что тебе удалось находиться в этом доме так, чтобы я не заметил. Ты — чёртов придурок, потому что не позвонил Кортни и хотя бы дал ей знать, что с тобой всё в порядке. Ей очень больно, Курт, и этим утром у неё был очередной «несчастный случай», и теперь она опять в больнице. Она — твоя жена, она любит тебя, и у вас есть ребёнок. Возьми себя в руки, чтобы хотя бы сказать ей, что с тобой всё в порядке, или она Умрёт. Это нечестно, чувак. СДЕЛАЙ что-нибудь сейчас.

Для Гранта эта записка вообще ничего не значила. Если Кэли видел доказательства того, что Курт вернулся в дом, он обязательно сообщил об этом Кортни. Однако Кортни об этом ни

словом не обмолвилась Дилану всего несколькими минутами раньше по телефону и никогда не просила наблюдать за домом на Лэйк Вашингтон, чтобы проследить за передвижениями Курта. «Я убедился, что записка была помещена там для меня, чтобы я её нашёл в тот вечер, — вспоминает Грант. — Вот почему Кортни так сильно хотела, чтобы мы вернулись в дом, чтобы мы нашли эту записку».

Они вновь обыскивают дом, включая тайный отсек кладовой в спальне, как и просила Кортни. Там не было ни оружия, ни каких-то других зацепок, которые могли бы указать на местонахождение Курта. И снова они не добираются до оранжереи из-за сильного дождя.

Тем временем в маленькой заметке в «Los Angeles Times» тем утром сообщалось, что «Нирвана» отказалась от своего участия в качестве главного действующего лица в предстоящем туре в Лоллапалузе, и что группа, по слухам, распадается.

Пятница, 8 апреля

На следующее утро на бензоколонке по пути во владения в Карнэйшне Дилан звонит из телефона-автомата. Он возвращается к машине несколько минут спустя. Он только что узнал, что в доме на Лэйк Вашингтон было найдено тело. Грант включает радио, которое передавало специальный выпуск новостей о смерти американского идола.

Путешествие Курта Кобэйна завершилось. Путешествие Тома Гранта — только началось.

6

«Подожди-ка, — говорит Грант после того, как по радио сообщили, что Курт Кобэйн был только что найден мёртвым в оранжерее. — Мы же там были. Что это за оранжерея?».

«Это просто грязная маленькая комната над гаражом, — отвечает Дилан. — Я думаю, там хранили всякий хлам или что-то вроде того».

Они разворачивают машину, чтобы ехать назад к дому на Лэйк Вашингтон, чтобы узнать об этом побольше. Грант вспоминает, что был озадачен поведением Дилана.

«Он только узнал, что умер его лучший друг, однако он почти никак на это не отреагировал. Моё внутреннее чутьё подсказывало мне, что Дилан вёл себя так, будто он уже знал, что Курт был мёртв, хотя я не был уверен, что он имел к этому отношение».

Когда к полудню они добираются до дома, там уже толпятся представители СМИ. В небольшом парке рядом с домом устанавливают свои камеры бригады из «Entertainment Tonight», «Hard Copy», «A Current Affair», Эн-Би-Си и «MTV», а потом приезжают и репортёры из «Rolling Stone», «Spin», «People» и «Village Voice». Табита Сорен с «MTV» по чистой случайности находится в городе и берёт на себя полномочия в течение двух дней транслировать живые эфиры в режиме нон-стоп, дополняя их несколькими часами репортажей Си-Эн-Эн, «Fox News» и большинства телестанций Сиэтла. Они наполнены общим горем молодой Америки; Кобэйн стал Кеннеди нового поколения.

Пока они паркуются на противоположной стороне улицы, Дилан указывает на местных представителей СМИ, которых он знает, и советует Гранту, кого избегать, а кому доверять. Он отказывается выходить из машины, зная, что в тот момент, когда он появится, репортёры столпятся вокруг него, чтобы получить от него комментарий по поводу смерти своего друга. «Я не пойду в этот зоопарк», заявляет он. К тому времени на место происшествия прибывает группа детективов Полицейского Управления Сиэтла и бригада из управления судебно-медицинской экспертизы.

Гранту удаётся пробиться через кордон СМИ к маленькому зданию с оранжереей, до которой можно было добраться только по лестнице снаружи гаража. То, что выясняется вспоследствии, включая все разговоры, которые у него могли быть с полицейскими и судебно-медицинскими экспертами, которые прибыли на место происшествия, по-прежнему является тайной,

потому что он отказывается дать нам послушать эту плёнку. «Я не могу вдаваться в слишком подробные детали того, что я узнал, когда приехал тем утром, — объясняет он. — Некоторые из этих деталей будут очень важны для обвинителя, который в итоге возьмётся за это дело, и я не хочу слишком рано раскрывать свои карты».

После полудня Грант звонит в свой офис и говорит с Беном Клагманом, который рассказывает ему, что по сообщению компании, использующей кредитные карточки, кто-то продолжал попытки воспользоваться аннулированной кредитной карточкой Курта до раннего утра 8 апреля, незадолго до того, как было обнаружено его тело.

Но когда Грант звонит детективу Кэмерону из Сиэтлского Полицейского Отдела по Убийствам, чтобы рассказать об этом сообщении, он обнаруживает, что Кэмерон до странности равнодушен. Кэмерон рассказывает Гранту, что Курт сам заперся в комнате. Пожарники должны были разбить стекло в двери, чтобы войти. Вывод Кэмерона ясен. Запершись таким образом, Курт должен был быть совершенно один, когда он умер.

Грант остаётся в Сиэтле ещё на день, чтобы побеседовать с несколькими друзьями Курта до того, как вылететь в Лос-Анджелес в субботу, 9 апреля. «Меня поразило то, что все, с кем я говорил, те люди, которые очень хорошо знали Курта, казались удивлёнными, — вспоминает Грант. — Они все говорили одно и то же — что он не хотел покончить с собой. Все от Марка Лэйнгана до Дилана Карлсона и многих сиэтлских друзей и партнеров. Было не похоже, что они просто не хотели признавать очевидного или что-то в этом роде; они все были категоричны. Но я не уверен, что тогда полагал, что это всё-таки было убийство. Было много странностей, и я начал сомневаться, но я думал, что дам большинству из них рациональное объяснение, говоря: «Ну, такова судьба Кортни. Всё время случаются странности». Её окружают странности, так что я, возможно, сперва дал рациональное объяснение всем несоответствиям».

* * *

К тому времени, как Кортни узнала об этой смерти в пятницу вечером от своего адвоката, СМИ по-прежнему не знали, что днём раньше она была арестована в своём номере в «Пенинсуле» после того, как неизвестный позвонил из отеля по номеру 911 о возможной наркотической передозировке.

После того, как врачи транспортировали её в лос-

анджелесскую городскую больницу «Century» для неотложной терапии, полиция обвинила её во владении контролируемым веществом (они полагали, что маленький мешочек с белым порошком являлся героином), наркотическими принадлежностями, включая шприц для подкожных впрыскиваний, и похищенной собственностью (пачку врачебных рецептурных бланков). Она была доставлена в тюрьму Беверли Хиллс, оставив своего ребёнка в отеле с одной из нянь, Джекки Фэрри. Несколько часов спустя Кортни была освобождена под залог в размере 10 000 $ после обещания явиться в суд Беверли Хиллс 5 мая для предъявления обвинения. Вечером того же дня она зарегистрировалась в реабилитационном центре «Эксодус», том самом, откуда Курт сбежал неделей ранее.

Именно там на следующее утро её адвокат Розмэри Кэрролл сообщила ей новость о смерти Курта. Час спустя Кортни на частном самолёте «Лирджет» направлялась назад в Сиэтл с Фрэнсис Бин, Розмэри Кэрролл, Джекки Фэрри и гитаристом «Hole» Эриком Эрландсоном.

Приземлившись, Кортни немедленно взялась за дело. Были наняты охранники, чтобы защищаться от СМИ, и, чтобы помешать фотографам, поверх оранжереи, где всё ещё лежало тело Курта в ожидании, когда судебно-медицинский эксперт заберёт его на вскрытие, был помещён брезент. Как раз перед тем, как был натянут брезент, фотограф «Seattle Times» Том Риз сумел сделать несколько фотографий оранжереи с применением увеличительного объектива. Один запоминающийся снимок, обошедший весь мир, запечатлел распростёртую ногу, одетую в джинсы, кеды и открытую коробку из-под сигар на полу.

Тем временем на место происшествия приехала мать Курта, Венди О`Коннор, где она сказала репортёру из «Associated Press»: «Теперь он ушёл и вступил в этот дурацкий клуб. Я просила его не вступать в этот дурацкий клуб», имея в виду список безвременно умерших легендарных рок-звёзд, включая Джими Хендрикса, Дженис Джоплин и Джима Моррисона.

За домом репортёры наткнулись на шестнадцатилетнюю Кимберли Вагнер, которая сидела, плача, на стене сада. Никто из должностных лиц не отвечал на вопросы, поэтому СМИ обращались за интервью о том, что повлияло на смерть Курта, друг к другу, а также к любым фэнам, случайно им попадавшимся. «Я пришла сюда как раз для того, чтобы найти ответ, — сказала им Вагнер. — Но я не думаю, что его найду».

Тело Курта забрали на вскрытие вскоре после полудня. Хотя полиция уже осторожно сообщила множеству репортёров, что он покончил с собой, Управление Судебно-Медицинской Экспертизы

Округа Кинг в тот же день сделало заявление, подтверждающее это сообщение.

Тем же утром Кортни объявила множеству людей, включая руководителей «Geffen Records» и «Gold Mountain», что передозировка Курта в Риме месяцем ранее на самом деле была попыткой самоубийства, а не несчастным случаем. Эту версию они услышали впервые. Это известие вскоре стало известно множеству представителей СМИ, которые ждали снаружи дома, отчаянно нуждаясь в любой информации. Вскоре СМИ пришли к единодушному мнению, что самоубийство Курта было трагическим, но неизбежным. Группа обезумевших подростков у дома пыталась примириться с этой мыслью. Пятнадцатилетний Стив Адамс сказал репортёрам: «Иногда я бываю подавлен и сержусь на свою маму или своих друзей, и я иду и слушаю Курта. И моё настроение улучшается…. Я тоже недавно думал о самоубийстве, но потом я подумал обо всех людях, которые будут подавлены этим». На сиэтлской рок-радиостанции «KIRO-FM» один из ди-джеев проворчал: «Он умер трусом и оставил маленькую девочку без отца».

Той ночью Кортни разделила постель с Венди и, как сообщают, надела вельветовое пальто, которое было на Курте, когда он был найден. На следующее утро, когда она впервые согласилась поговорить с репортёрами, она начала интервью с Табитой Сорен с «MTV», заявив: «Все, кто чувствует себя виноватым, поднимите руки». Она сказала Сорен: «Из смерти Курта может получиться что-то хорошее. Я пока что не знаю, что, что-то хорошее может быть». Тут Кортни воспользовалась случаем, чтобы разрекламировать свой альбом «Live Through This», который теперь планировали выпустить в следующий вторник. Словно внезапно поняв, как непристойно это может показаться зрителям, она самоуничижительно спросила Сорен: «Ну, что, разве не больная?».

Несколько минут спустя она дала согласие на ещё одно интервью «MTV», говоря с Куртом Лодером по телефону. В ходе этого разговора она сказала Лодеру, что в своей предсмертной записке её муж написал: «Для меня это больше не забавно, я не могу жить этой жизнью». Но когда записка несколько месяцев спустя была обнародована, оказалось, что Курт не указал в ней ни этой, ни какой-то другой прямой ссылки на самоубийство. Кортни также сказала Лодеру, что повреждения на теле Курта были настолько серьёзными, что его смогли опознать только по отпечаткам пальцев. Это также, как впоследствии выяснилось, было фальсификацией.

Позднее в тот же день она посетила помещение для

гражданской панихиды, где тело Курта ожидало кремации. Кортни отдала такое распоряжение вскоре после того, как тело было найдено, несмотря на то, что Курт, по-видимому, никогда не просил его кремировать. Когда её провели в зал для прощания, Крист Новоселич тут же ушёл, рыдая, после того, как он в последний раз провёл несколько минут со своим старым другом. Курт лежал в костюме, с зашитыми закрытыми глазами. Несмотря на то, что впоследствии в сообщениях СМИ утверждалось, что его лицо было разнесено в результате выстрела из винтовки, на самом деле пуля причинила удивительно небольшое повреждение. По наблюдению выпускающего менеджера «Нирваны» Джеффа Мэйсона, Кортни, как сообщают, погладила Курта по лицу, методично отрезала локон его волос, затем расстегнула молнию на его брюках и отстригла волосы с его лобка. Потом она вскарабкалась на его тело и несколько раз выкрикнула: «Почему?».

Впоследствии Кортни говорила с рок-критиком сиэтлского «Post-Intelligencer» Джин Стаут, и у неё на уме, очевидно, была по-прежнему Кейтлин Мур. Не называя имени Кейтлин, Кортни сказала Стаут, что она неоднократно звонила в Полицейское Управление Сиэтла, чтобы заставить их арестовать дилершу Курта, жалуясь, что она не могла прикрыть источник снабжения наркотиками своего мужа. «Это как яблоки в саду, — сказала она о героине. — Они падают с деревьев. Полиция Сиэтла ничего с этим не сделает. Я спросила их: «Разве вас не смущает, когда вы слышите, что Сиэтл славится гранджем, каппучино и героином?» Более года спустя Дилан Карлсон познакомил нас с торговцем наркотиками по имени Уолтер, который сказал, что считает эту обстоятельную цитату иронической. «В то время, когда она говорила это, она кололась героином за несколько сотен долларов в день, — сказал нам он. — Я знаю, потому что я ей его продавал».

Днём 10 апреля около семидесяти гостей, включая дюжину членов семьи Курта, присутствовали на закрытой поминальной службе в сиэтлской Церкви Единства Правды. На каждой скамье гости обнаружили фотографию улыбающегося им шестилетнего Курта. Преподобный Стивен Таулз сказал присутствующим: «Самоубийство ничем не отличается от засовывания пальца в тиски. Боль становится такой огромной, что её нельзя больше выдерживать».

Крист Новоселич произнёс панегирик, в котором он говорил о панк-рок-этике Курта, которая предписывала: «Ни одна группа не является уникальной, и ни один музыкант не является великим…. Если у тебя есть гитара и большое сердце, просто

играй на чём-нибудь что есть мочи и имей в виду: ты — суперзвезда». Он убеждал собравшихся «помнить Курта за то, что он был — заботливый, щедрый и милый…. Его сердце было его приёмником … и его передатчиком…. Давайте хранить его музыку, и да пребудет она с нами навеки».

Потом Кортни, одетая в чёрное, зачитала строфы из Библии и отрывки из любимой книги стихов Курта, «Озарение» Артюра Рембо. Она рассказала, что однажды за кулисами Курт признался ей, что на самом деле ему никогда не нравился рёв толпы, как и вокалисту «Queen» Фредди Меркюри.

«Так зачем же ты стал рок-звездвой, придурок?» — спросила она своего мёртвого мужа, а затем продолжила читать отрывки из предсмертной записки Курта, которая ещё не была обнародована.

Она рассказала гостям, что он написал: «У меня есть дочь, которая слишком во многом похожа на меня», и «Лучше сгореть, чем угасать». Она сказала, что записка заканчивается словами: «Я люблю вас, я люблю вас».

После службы Кортни пригласила гостей на поминки обратно в дом на Лэйксайд Вашингтон, но многие вместо этого предпочли посетить альтернативные поминки в доме Криста и его жены Шелли. Безусловно, со смертью Курта раздражение между Кортни и [его] группой не уменьшилась. Элис Уилер присутствовала на тех и других поминках: «Я думаю, многие считали Кортни в известной степени виновной в смерти Курта. Многие из его друзей хотели знать, почему она никому не сказала, что происшедшее в Риме было попыткой самоубийства. Если бы люди знали, они, возможно, сделали бы всё возможное, чтобы спасти его». Друг Курта, гитарист Ли Рэналдо, повторил слова Уиллер в интервью «Rolling Stone»: «Я чувствую, что мы с Куртом были достаточно хорошими друзьями, чтобы я мог позвонить ему и сказать: «Эй, как дела? Ты хочешь поговорить?»

Кит Ричардс высказал свои соображения одному из репортёров: «После того, как парень попытался порешить себя в Риме, я был удивлен, что люди, которые, как предполагалось, проявляли заботу, позволив ему купить винтовку и несколько дней хандрить. Едва он сбежал, они уже знали, что он отправился на тот свет».

Тем временем по всему городу тремя местными радиостанциями было организовано ночное бдение со свечами в парке рядом с башней Спейс-нидл в Сиэтле. Тысячи людей собрались для того, чтобы отдать последний долг покойному, пока из репродукторов гремели песни «Нирваны». Пока фэны сжигали свои фланелевые рубашки и бросались в фонтан, из громкоговорителя слышался отчётливый голос Кортни Лав — не

вживую, а с магнитофонной ленты, которую она записала заранее в этот же день:

> Я не знаю, что сказать. Я не знаю, что сказать. Я чувствую то же, что и все вы. Если вы все думаете, что … сидеть в этой комнате, где он играл на гитаре и пел, и не чувствовать, что это такая честь — быть рядом с ним, вы сумасшедшие. Тем не менее, он оставил записку, она больше похожа на письмо грёбаному редактору. Я не знаю, что случилось. Я имею в виду, что это случилось бы, но, могло случиться, когда бы ему было сорок. Он всегда говорил, что переживёт всех, и ему будет сто двадцать. Я не буду читать вам всю записку, потому что всё остальное — это не ваше собачье дело. Но кое-что в ней — для вас. Я на самом деле не думаю, что прочесть это — значит, унизить его достоинство, считая, что это адресовано большинству из вас. Он — такой придурок. Я хочу, чтобы вы все громко сказали «придурок».

Толпа прокричала: «Придурок!». Затем она начала зачитывать записку:

> Понять эту записку будет довольно легко. Все предупреждения из 101 урока панк-рока за эти годы, начиная с моего первого знакомства с [ним], скажем так, этика, связанная с независимостью и вовлечением всего вашего сообщества, оказалась стабильной. Я не испытывал волнения как от прослушивания, так и от создания музыки, наряду с тем, что я всё-таки писал уже слишком много лет. Я не могу выразить, насколько я чувствую себя виноватым в этом. Например, когда мы находимся за кулисами, зажигаются огни и начинается безумный гул толпы, не меня это не действует, точно так же, как это было с Фредди Меркьюри, который, казалось, любил, наслаждался любовью и обожанием толпы.

Как и прежде, сравнение с Фредди Меркьюри, кажется, вызывает у Кортни особое раздражение: «Курт, тогда какого чёрта — ну, и не становился бы рок-звездой, придурок». Она продолжает:

> Это то, чем я полностью восхищаюсь и завидую. Дело в том, что я не могу вас обманывать, каждого из вас. Это просто нечестно по отношению к вам или ко мне. Я не представляю худшего преступления, чем

насаживать людей, притворяясь и делая вид, что я оттягиваюсь на все 100 %.

Кортни: «А я, Курт, не представляю худшего преступления для тебя, если бы ты просто продолжал быть рок-звездой, раз ты так чёртовски ненавидел это, просто остановись, чёрт возьми».

Иногда я чувствую себя так, словно я должен запускать таймер перед выходом на сцену. Я пытался делать всё, что в моих силах, чтобы быть благодарным за это (и я благодарен, Боже, поверь мне, я благодарен, но этого недостаточно). Я ценю то, что я и мы затронули и развлекли многих людей. Я, должно быть, один из тех самовлюбленных людей, которые ценят что-то только тогда, когда остаются одни. Я чересчур чувствителен. Мне надо быть слегка безразличным, чтобы снова вернуть энтузиазм, который у меня был когда-то в детстве. В наших последних трёх турах я стал намного больше ценить всех тех людей, которых я знаю лично, как и фэнов нашей музыки, но я по-прежнему не могу справиться с неудовлетворением из-за чувства вины и сопереживания, которые я испытываю по отношению к каждому. Во всех нас есть что-то хорошее, и я думаю, что просто слишком люблю людей.

Кортни: «Так почему же ты просто не остановился, чёрт возьми?»

Настолько, что я ощущаю себя крайне, чертовски ужасно. Несчастный, маленький, чувствительный, неблагодарный, Рыба, Иисус.

Кортни: «Да молчи уж, ублюдок».

Почему бы тебе просто не получать от этого удовольствие? Я не знаю.

Кортни: «Дальше он говорит мне кое-что личное, и это никого из вас не касается; кое-что личное для Фрэнсис, что никого из вас не касается.

… мне повезло, очень повезло, и я благодарен …

Эта строчка означает, что Курт решил больше этим не заниматься. Но когда копия записки была обнародована несколько месяцев спустя, оказалось, что Курт на самом деле

написал «мне везёт». Некоторые задавались вопросом, имеет ли какое-то значение то, что Кортни неправильно прочитала в частности этот отрывок.

> … но когда мне исполнилось семь лет, я стал ненавидеть всех людей вообще. Людям кажется, что жить так легко, потому что у них есть сочувствие.

Кортни: «Сочувствие?».

> Думаю, только потому, что я слишком люблю и слишком жалею людей. Спасибо вам всем с самого дна моего пылающего, вызывающего тошноту желудка за ваши письма и участие в последние годы. Во мне слишком много от эксцентричного, капризного ребенка! Во мне больше нет страсти. Мир любовь, сочувствие,
>
> *Курт Кобэйн.*

Кортни: «Тут ещё немного личного, и это вас никак не касается. И просто помните, что это всё ерунда, и я лежу в нашей постели, и мне очень жаль. И я чувствую то же, что и вы. Мне очень жаль. Я не знаю, что могу сделать. Жаль, что я не здесь. Жаль, что я не слушала других, но это так. Каждую ночь я сплю с его матерью, и я просыпаюсь утром и думаю, что это он, потому что его тело вроде бы здесь. Теперь мне надо идти».

* * *

Час спустя двадцативосьмилетний мужчина из Сиэтла по имени Дэниел Каспар вернулся домой с ночного бдения и покончил с собой выстрелом в голову. Его сосед по комнате, который тоже был там, сказал полиции, что Каспар по настоящему обезумел из-за смерти Курта. С тех пор, как два дня назад было обнаружено тело, горячие телефонные линии экстренной связи по самоубийствам по всей стране были затоплены звонками подавленных подростков. Кризисная Клиника Сиэтла отвечала на триста звонков в день, что на 50 процентов больше, чем обычно. Специалисты-психиатры опасались вспышки самоубийств-подражаний. Сообщения уже со всего мира означали, что смерть Курта стала ударом для всего мира. Сообщалось, что в Австралии застрелился подросток в знак уважения к Курту. На следующий день шестнадцатилетняя турецкая девочка, друзья которой рассказали, что она была очень

подавлена с тех пор, как услышала о смерти Курта, заперлась в своей комнате, включила на полную громкость компакт-диск «Нирваны» и выстрелила себе в голову.

Чем же Курт Кобэйн и его музыка вызвали такую эмоциональную реакцию его фэнов? Местная музыкальная газета Сиэтла «Rocket» сравнила жизнь и смерть Курта с теми двумя другими великими творцами, которые также умерли в самом своём расцвете, с Дженис Джоплин, которая умерла от передозировки в двадцать семь лет — столько же было и Курту — и с Сильвией Плат, которая сунула свою голову в духовку в тридцать лет: «Все трое жили с ошеломляющей, постоянной болью, которая была результатом и обстоятельств их измученных жизней, и даже больше — чувствительности, которая позволяла им в первую очередь создавать свои красивые и ужасные повествования из самых недр преисподней».

Тем не менее, ни их смерть, ни любая из других бесчисленных рок-н-ролльных трагедий за эти годы не вызывали такой волны печали и безысходности, которая теперь, казалось, поглотила молодёжь по всему земному шару.

Потому ли, что за охваченными тревогой текстами Курта скрывалось послание надежды в мире, где доминировали те, кто родился во время демографического взрыва? На самом ли деле Курт был «голосом, разбудившим новое поколение», как его описывала «Los Angeles Times»? Вскоре после его смерти один четырнадцатилетний мальчик разместил в Интернете свои размышления о том, что значил для него Курт: «Он словно был моим гуру. Я чувствовал себя так, словно он вёл меня к чему-то лучшему».

Теперь миллионам его поклонников казалось, будто Курт предал их, говоря им: «Зачем волноваться?» или, что более уместно, «Nevermind» («Фигня»). Энди Руни обобщил это лучше всего в своём еженедельном комментарии в «60 Minutes»: «Когда тот, кто является голосом своего поколения, пускает себе пулю в лоб, что же должно думать это поколение?»

* * *

Том Грант был встревожен, не зная точно, почему. Когда в субботу он вернулся в Лос-Анджелес, он знал, что его задание было официально закончено. Он был нанят Кортни, чтобы найти её мужа, и теперь Курт был найден. Однако он не мог не думать о том, что что-то не так. Во вторник утром он договорился на следующий день встретиться с адвокатом Кортни, Розмэри

Кэрролл, с которой он неоднократно разговаривал неделей раньше. Он думал, что она, возможно, прольёт свет на события вокруг исчезновения Курта.

Среда, 13 апреля

На момент смерти Курта Розмэри Кэрролл была больше чем просто адвокат Кортни Лав. Более двух лет она одновременно работала адвокатом и Курта, и Кортни, а заодно и «Нирваны». Ей также посчастливилось быть замужем за Дэнни Голдбергом, президентом управляющей компании Курта, «Gold Mountain», и человеком, которого часто связывают с «открытием» «Нирваны». Но супруги были для Кэрролл гораздо больше, чем клиентами. Она с мужем стали очень близки и к Курту, и к Кортни, и их даже сделали крёстными Фрэнсис Бин. И Курт, и Кортни говорили, что они доверяют Кэрролл и Голдбергу больше, чем собственным родителям. Курт даже сказал друзьям, что он считает Кэрролл своей суррогатной матерью. Розмэри очень многое знала о беспокойных артистах. Прежде чем встретить Голдберга, она много лет была замужем за Джимом Кэрроллом, печально известным бывшим наркоманом-героинщиком и поэтом, написавшим в 1978 году ставшие культовыми «Баскетбольные Дневники». Теперь она была одним из самых влиятельных в Лос-Анджелесе адвокатов в индустрии развлечений и главой собственной фирмы.

Когда Грант приезжает в среду утром в адвокатскую контору Кэрролл на бульвар Сансет, он сразу же рассказывает ей о том, что его «очень смущает» многое из того, что окружает смерть Курта.

«Сперва я выслушал её. Я должен был узнать, где она находилась, — вспоминает он. — Потом, после того, как мы поговорили несколько минут, она вздохнула, обхватила голову руками и просто всё выложила».

Кэрролл говорит Гранту, что смерть Курта была совершенно нелогичной, настаивая на том, что Курт не хотел покончить с собой. «Я его слишком хорошо знала», — говорит она.

Когда Грант сообщает ей, что газеты пишут о том, что Курт постоянно хотел покончить с собой, она отвечает: «Нет, нет», и продолжает рассказ о том, что ей известно.

Кэрролл признаётся, что и Курт, и Кортни хотели разводиться. Они были «полны ненависти» друг к другу, говорит она. Недавно Кортни позвонила ей и попросила найти для неё «самого блестящего, самого клёвого адвоката по разводам»,

которого она знала. Кортни сказала, что Курт уходит от неё. Она также хотела выяснить, знает ли Кэрролл, как можно аннулировать предсвадебное соглашение супругов 1992 года.

Вскоре после этого, продолжает Кэрролл, ей позвонил Курт и попросил вычеркнуть Кортни из недавно составленного проекта своего завещания, которое на момент его смерти так и осталось недописанным. Находиться в центре разрыва пары было для неё большим эмоциональным истощением, жалуется Кэрролл Гранту. «Я любила их обоих».

Этот разговор делает намного яснее интервью, которое дала кинорежиссёру Би-Би-Си Нику Брумфилду в 1997 году женщина по имени «Дженнифер», которую Курт и Кортни наняли в марте 1994 года в качестве одной из нянь Фрэнсис Бин сразу после того, как они вернулись из Рима после передозировки Курта. Она уволилась в конце марта. В интервью бывшая няня рассказала Брумфилду, что Кортни в этот период была помешана на завещании Курта. До прослушивания нами плёнок это откровение всегда озадачивало, потому что Курт не оставил завещания, когда умер:

> НЯНЯ. Просто было слишком много разговоров о завещании. Довольно много раз. Главным образом, о завещании. Просто говорили о его завещании, и …
>
> БРУМФИЛД. О каких пунктах?
>
> НЯНЯ. Кортни говорила о его завещании — я имею в виду, нашла о чём говорить.
>
> БРУМФИЛД. И это было как раз перед тем, как он …
>
> НЯНЯ. Да, я имею в виду, где-то месяц, пока я там была, уехала домой на недельку, а потом он умер. Где-то через неделю я уволилась.
>
> БРУМФИЛД. Почему вы уволились?
>
> НЯНЯ. Потому что я не могла там оставаться.
>
> БРУМФИЛД. А что вы думали о самом Курте?
>
> НЯНЯ. М-м-м-м …
>
> БРУМФИЛД. Я слышал, что он был очень заботливым отцом.
>
> НЯНЯ [кивая в знак согласия]. Да, более заботливым, чем ему позволяли.
>
> БРУМФИЛД. Что вы имеете в виду?
>
> НЯНЯ. Просто она полностью контролировала его — по возможности, каждую секунду.
>
> БРУМФИЛД. Как вы думаете, чего он хотел?
>
> НЯНЯ. Уйти от Кортни. И я думаю, что у него просто не было выхода, потому что она …

БРУМФИЛД. Если он любил так Фрэнсис, и для него семья имела большое значение, как вы думаете, почему он покончил с собой?

НЯНЯ. Я не уверена, что он покончил с собой.

БРУМФИЛД. Вы думаете, его мог убить кто — то другой?

НЯНЯ. Я не знаю. Я думаю, что если он не был убит, его довели до самоубийства.

* * *

После того, как Кэрролл признаётся Гранту, что Курт и Кортни были на грани резкого развода на момент его смерти, Грант рассказывает ей, что Кортни говорила о разводе в отеле «Пенинсула». Затем он сообщает ей о некоторых подозрительных поступках Кортни, свидетелем которых он был неделей раньше и удивился, почему она никогда не говорила ему, что Кэли говорил с Куртом в доме на Лэйк Вашингтон 2 апреля.

И Грант, и Кэрролл также считают странным, что Кортни тогда не отправилась в Сиэтл на поиски Курта в течение недели, когда он отсутствовал.

Грант рассказывает ей, что Кортни поведала ему, что у неё в Лос-Анджелесе есть дело, и поэтому она не могла уехать.

У неё не было никакого дела в Лос-Анджелесе, отвечает Кэрролл.

Но больше всего Кэрролл беспокоит предсмертная записка. Кортни отказалась дать ей взглянуть на неё, когда они были в Сиэтле вместе. Потом она добавляет к делу ещё один неожиданный поворот: она говорит Гранту, что той ночью, когда позвонил Дилан, чтобы отключить сигнализацию (в среду, 6 апреля), она случайно услышала, что Кортни сказала ему, чтобы он «проверил оранжерею».

«Когда Розмэри рассказала мне об этом, я знал, что это очень подозрительно, — вспоминает Грант. — Курт уже тогда лежал мёртвый в оранжерее. Я задавался вопросом, почему [Кортни] не попросила Кэли до этого проверить оранжерею».

Грант и Кэрролл быстро пришли к выводу, что он должен лететь обратно в Сиэтл, чтобы выяснить, что происходит. Она просит, чтобы он не рассказывал Кортни, о чем они говорили: «Пусть это останется между нами».

Грант возвращается в свой офис и заказывает билеты на вечерний рейс.

Четверг, 14 апреля

Утром 14 апреля Грант приезжает к дому на Лэйк Вашингтон, где Кортни находилась с тех пор, как вернулась в Сиэтл в день, когда было найдено тело Курта. Охранник, дежуривший у двери, провожает его внутрь. Кортни сидит за обеденным столом.

«Думаю, что на этот раз я нашла очень хорошего частного детектива», — по-дружески говорит она ему.

Хотя Грант считает её похвалы озадачивающими с тех пор, как он фактически был не в состоянии найти её мужа, тогда он этого не сказал. Вместо этого он выражает ей соболезнования и спрашивает её, как она держится.

«Не слишком хорошо», — отвечает она.

Когда Кортни встаёт, чтобы взять сигарету, подходит женщина, одетая в чёрную футболку с надписью «Грандж Мёртв».

Женщина спрашивает Гранта, что он думает обо всей этой ситуации.

Он отвечает, что не знает, что и думать. А что думает она? — спрашивает он.

Тут женщина представляется матерью Курта, Венди О`Коннор, и говорит, что ей кажется, что что-то здесь не так. «Почему Дилан не посмотрел в оранжерее?» — спрашивает она.

Грант говорит ей, что он хотел бы знать то же самое. Он спрашивает Венди, могут ли они как-нибудь в ближайшие несколько дней встретиться и поговорить. Она соглашается и говорит, что хотела бы побольше поговорить с ним об этом.

Тут Кортни подходит к матери Курта и что-то шепчет ей на ухо.

«После этого Венди стала избегать меня, — вспоминает он, — и у нас так и не было того разговора, на который она согласилась».

Гранту очень хотелось прочесть предсмертную записку. Зная, что Кортни не позволила взглянуть на неё своей близкой подруге Розмэри Кэрролл, он решил, что должен обмануть её, чтобы она разрешила ему на неё посмотреть.

Кортни проводит его наверх, где они смогли бы поговорить, чтобы их не слышала Венди. Они садятся на кровать, на которой она некогда спала с Куртом. Грант говорит: «Я слышал, что ты на днях читала записку по телевидению [намекая на её записанное на плёнку обращение на ночном бдении в субботу]. Меня кое-что смутило. В записке говорилось: «Я лежу здесь на кровати». Если Курт лежал на кровати, когда писал эту записку, почему постель выглядела такой аккуратной, когда я пришёл сюда следующей ночью? Было непохоже, что на ней кто-то лежал».

«Нет, Том, это я лежала на кровати, — говорит она. — Я лежала на кровати, записывая обращение к фэнам Курта».

«Ты уверена, что это сказала именно ты?» — спрашивает он. — У меня создалось впечатление, что именно Курт сказал, что он лежал на кровати».

«Нет, я сейчас тебе покажу, — говорит она, доставая из-под подушки сложенный листок. — Это просто копия. Оригинал у полиции. Он написал её на подставке для столовых приборов Международного Дома Оладий».

Грант притворяется, что изучает записку, потом говорит: «Я не могу прочесть её без своих очков. Могу я спуститься вниз и сделать копию на твоём факсе? Я посмотрю на неё позже».

С запиской в руке он спускается вниз и делает копию, прикарманив её так, чтобы он мог впоследствии изучить её во всех подробностях.

В тот же день Кортни говорит, что хотела бы посетить загородный дом в Карнэйшне, чтобы посмотреть, был ли там Курт в течение того времени, когда он пропал. Её давняя подруга, Кэт Бьёлланд, лидер «Babes in Toyland», приходит к ней и решает поехать вместе с ней. Кэт резко отзывалась о Кортни в печально известной статье в «Vanity Fair» в 1992 году, сказав Линн Хиршберг: «Кортни бредит. Прошлой ночью мне приснилось, что я убила её. Я была очень счастлива». Но, по-видимому, теперь всё было забыто, пока они в течение часа едут в арендованной Грантом машине.

Кортни раздражена из-за недавней истории в новостях о том, что у неё была передозировка в Лос-Анджелесе 2 апреля, и клянётся, что она узнает, кто, чёрт возьми, распространил эту историю «и подам в суд на этого ублюдка за клевету». Она говорит, что может доказать, что она тогда была в гостинице, потому что люди видели её там. «Это была полная ложь», — говорит она.

До Гранта дошло, что Кортни намекает на историю, которую она рассказала неделей ранее, чтобы якобы привлечь внимание своего пропавшего мужа. Он напоминает ей, что она призналась ему, что на самом деле она подбросила эту историю «Associated Press»».

«Что? О…», — говорит она, прежде чем переключиться на вероятность того, что Курт был в Карнэйшне с того момента, когда он покинул реабилитационный центр, и до момента, когда его тело было найдено. Лучше бы его там не было с какой-нибудь «страхолюдиной», сказала она самой себе.

Из собственности в Карнэйшне были две лачуги, одна видавшая виды изба, заполненная подержанной мебелью, которая

была в доме, и ещё один по-прежнему пустующий недавно построенный особняк.

Трое входят в старую лачугу, и Кэт с Кортни поднимаются наверх, спустившись всего через несколько минут, и у Кортни был тряпочный мешочек. Она открывает мешочек, чтобы показать, что внутри шприц, утверждая, что это доказывает то, что Курт недавно был здесь.

Они направляются к новому дому, где находят спальный мешок, несколько сигаретных окурков и банок с газированной водой, разбросанных по комнате. Кортни собирает предметы, чтобы отложить, объяснив, что она хотела бы снять с них отпечатки пальцев, чтобы определить, был ли там Курт.

На обратном пути в Сиэтл известный в стране по различным передачам радиокомментатор Пол Харви по радио сообщал о слухах насчёт договора о совместном самоубийстве между Куртом и Кортни. Она ничего не говорит.

«Это звучало как одна из типичных историй, подброшенных Кортни, — вспоминает Грант. — Скоро я начал слышать много слухов об этом так называемом договоре о совместном самоубийстве. Впервые я стал размышлять, что, возможно, история, подброшенная Кортни «Associated Press» о своей передозировке 2 апреля, или её мнимой передозировке 7 апреля, за день до того, как было найдено тело Курта, имеет какое-то отношение к Кортни, которая пыталась убедить людей, что это всё было неким романтическим договором о совместном самоубийстве, и что её часть договора просто не удалась».

Пятница, 15 апреля

В 1997 году представитель Полицейского Управления Сиэтла Шон О`Доннелл рассказал в передаче Эн-Би-Си «Неразгаданные Тайны» о расследовании длиной в месяц, которое проводил его отдел в отношении обстоятельств смерти Курта. Его детективы, сказал он, сперва начали расследование с предположения, что Курт был убит, прежде чем официально исключить такую возможность: «Так они проводили это расследование для того, чтобы с самого начала это было очень полное, всестороннее расследование, и всё, с чем столкнулись детективы, указывало им на то, что это было самоубийство. Мы на самом деле не обнаружили ничего, что бы указывало на то, что это было что угодно, только не самоубийство».

Но долговременные свидетельские показания наводят на мысль, что следователи вообще никогда не принимали всерьёз

мысль о том, что Курт был убит. Действительно, источник в Полицейском Управлении Сиэтла, хорошо осведомлённый о расследовании, рассказал нам в 1996 году, что сержант Кэмерон в то время дал понять, что так называемое расследование убийства было только видимостью: «Нам запретили воспринимать это всерьёз». Этот источник, который сказал, что поневоле не верил, что Кобэйн был убит, рассказал о «фальшивом расследовании», в ходе которого Кэмерон даже не потрудился проявить фотографии с места происшествия. Он сказал, что посторонний орган юстиции должен повторно расследовать эти обстоятельства, потому что «Кэмерон никогда не признает, что совершил ошибку. Он очень дорожит своей репутацией».

Полицейские отчёты, которые мы получили согласно законодательству о Свободе Информации штата Вашингтон, как выяснилось, укрепили его обвинение в том, что отдел по убийствам никогда не принимал всерьёз своё расследование. Согласно первоначальному сообщению о происшествии, зарегистрированному детективами по убийствам, они были вызваны к особняку на Лэйк Вашингтон патрульным офицером в 9:50 утра 8 апреля, спустя менее часа после того, как было найдено тело Кобэйна. Диспетчер сообщил детективам, что сотрудники полиции в форме «находятся на месте, где произошло самоубийство. Имеется предсмертная записка, и оружие также на месте». В своём официальном сообщении о происшествии, сделанном позднее в тот же день, детективы по убийствам Полицеского Управления Сиэтла написали «Самоубийство» на бланке в графе «Тип происшествия». Это явно противоречит утверждению представителя Полицейского Управления Сиэтла, что инцидент с самого начала расследовался как убийство. Это доказывает, что с самых ранних часов 8 апреля каждый член Полицейского Управления Сиэтла уже официально отнесли эту смерть к категории самоубийств.

Конечно, собственные попытки Гранта поделиться информацией с Кэмероном не внушали доверия. Грант провёл уже немало времени в оранжерее, фотографируя со всех сторон снаружи и изнутри. На его взгляд, особенно выделялась одна деталь. На дверях был простой замок типа «вставь и поверни». 8 апреля Кэмерон сообщил ему по телефону, что Курт был «заперт в комнате», намекая на то, что никого не могло быть внутри вместе с ним. Это, казалось, наводило на мысль, что единственным возможным сценарием было самоубийство. Теперь, впервые встретившись лицом к лицу с Кэмероном, Грант спрашивает опытного детектива по убийствам, почему он сказал ему, что дверь была заперта изнутри. (С тех пор, как Грант на самом деле

увидел и сфотографировал замок, он понял, что утверждение детектива было несущественным).

«Любой мог открыть эту дверь после того, как она была заперта», — говорит Грант.

У Кэмерона есть готовое объяснение: «Дверь была подпёрта табуретом». Это — деталь, о которой уже сообщали и на «MTV», и на ток-шоу «Geraldo», а также в многочисленных газетных статьях по поводу этого дела. Например, в «Rolling Stone» писали: «Днём 5 апреля Кобэйн забаррикадировался в комнате над своим гаражом, подперев застеклённую створчатую дверь табуретом». Любой, читая это, конечно, предположил бы, что Курт должен был быть с ним в оранжерее, а потом вышел из комнаты с табуретом, подперев ею двери. Следовательно, Курт должен был поставить табурет перед дверью непосредственно перед совершением самоубийства.

Грант спрашивает сержанта Кэмерона, может ли он изучить фотографии, которые полиция сделала на месте происшествия. Детектив отказывается, что лишний раз доказывало, что он никогда не относился к своему расследованию убийства всерьёз. «Мы не проявляли эти фотографии и, возможно, никогда не будем их проявлять. Мы не проявляем фотографии при самоубийствах», — говорит Кэмерон.

Грант делится частью информации, собранную им и Беном Клагманом, включая детали относительно использования кредитной карточки Курта после его смерти.

И снова Кэмерон отмахивается от него: «Ничего из того, что вы сказали, не убеждает меня в том, что это вовсе не самоубийство».

Тогда у Гранта не было никаких причин сомневаться в словах Кэмерона, что табурет подпирал двери. Но когда несколько месяцев спустя он получил сообщение о происшествии, зарегистрированное первыми детективами, которые прибыли на место происшествия, оно наводило на мысль, что Кэмерон или лгал, или очень плохо работал над своим расследованием. Сообщение гласит:

> Кобэйн найден в оранжерее размером 19` x 23` над изолированным сдвоенным гаражом. Лестница в западной части ведёт ко входу с застеклёнными створчатыми дверьми, а другие стеклянные двери в восточной части ведут на балкон. Эти двери незаперты и закрыты, но перед дверью помещается табурет с коробкой садово-огородного инвентаря.

Сообщение ясно демонстрирует, что табурет на самом деле

вообще не подпирал выходную дверь. Скорее всего, он стоял перед стеклянными дверями с другой стороны комнаты — дверями, которые даже не служили выходом. Хотя настоящая выходная дверь была действительно заперта, она могла быть заперта и захлопнута кем угодно, когда тот уходил с места происшествия. Почему Кэмерон повторял явно ложную историю о табурете, подпирающем дверь — вопрос, на который он отказывается отвечать и по сей день.

Вне зависимости от причины, полицейский отчёт, без всякого сомнения, доказывает, что Курт никогда не баррикадировался в комнате, и это ясно демонстрирует, что другой человек мог без труда находиться в оранжерее во время смерти Курта. Таким образом, одна из наиболее убедительных составных частей так называемого доказательства, указывающего на самоубийство — ни что иное, как миф. Это миф, который никогда не развеивал ни один биограф и ни одно СМИ, которые первоначально сообщали о забаррикадированной двери. Это миф, за который многие обезумевшие подростки цеплялись в последующие месяцы и годы.

* * *

После своей встречи с Кэмероном Грант наносит очередной визит в дом на Лэйк Вашингтон. Кортни в столовой обсуждает предстоящий тур «Hole» со своим гитаристом Эриком Эрландсоном. Грант спрашивает её, может ли она организовать его встречу одновременно и с Диланом Карлсоном, и с Майклом «Кэли» Дьюиттом.

«Кэли в реабилитационном центре в Эль-Пасо, или в Джорджии… нет, он в Лос-Анджелесе с друзьями», — отвечает она. Потом она кричит Эрику в другую комнату: «Позвони Кэли и скажи, чтобы он летел сюда ближайшим рейсом».

Примерно час спустя, пока Грант находится на кухне, готовя себе бутерброд, приходит Дилан Карлсон. Они не виделись с 8 апреля, когда они вместе вернулись в дом после того, как услышали, что найдено тело Курта. Гранту не терпится подтвердить утверждение Розмэри Кэрролл, что Кортни сказала Дилану «проверить оранжерею». Когда Грант выходит из кухни, Эрик говорит ему, что Дилан наверху разговаривает с Кортни в её спальне. Они спускаются вниз примерно через двадцать минут. Грант понимает, что Дилан только что укололся. Грант ведёт его на кухню, чтобы их разговор не слышала Кортни.

«Когда мы начали говорить, я сразу же заметил, что его ответы звучали отрепетировано, словно его только что

подготовили к тому, что говорить, — вспоминает Грант. — Он засыпал, я предполагаю, что от героина, и я посчитал, что впустую тратил время, пытаясь с ним говорить».

Когда Грант, наконец, уезжает, чтобы вернуться в свой отель, он просит Эрика позвонить ему, когда приедет Кэли. До вечера не было никаких вестей, поэтому он звонит в дом. Эрик говорит Гранту, что вскоре после того, как он уехал, Кортни заставила его позвонить Кэли и сказать ему, что он не должен возвращаться в Сиэтл несмотря ни на что.

«Я не знаю, что здесь происходит, чувак!» — говорит Эрик.

* * *

Когда Грант прикарманивал копию предполагаемой предсмертной записки Курта, он заметил письмо, которое Кортни только что отправила кому-то факсом, и быстро захватил и его тоже, чтобы позже сравнить почерк. Потом он ушёл, как только смог, горя желанием прочесть записку — таким, что он даже повернул машину к парковке приблизительно в миле от дома и достал эти два письма. В течение следующих двух часов он изучал текст предсмертной записки:

> Для БоддЫ произнесено
>
> Говорю на языке обученного идиота, который очевидно предпочёл бы быть кастрированным, инфантильным нытиком. Понять эту записку будет довольно легко. Все предупреждения из 101 урока панк-рока за эти годы, начиная с моего первого знакомства с [ним], скажем так, этика, связанная с независимостью и вовлечением всего вашего сообщества, оказалась стабильной. Я не испытывал волнения, как от прослушивания, так и от создания музыки, наряду с тем, что я всё-таки писал уже слишком много лет. Я не могу выразить, насколько я чувствую себя виноватым в этом. Например, когда мы находимся за кулисами, зажигаются огни и начинается безумный гул толпы, не меня это не действует, точно так же, как это было с Фредди Меркьюри, который, казалось, любил, наслаждался любовью и обожанием толпы, это то, чем я полностью восхищаюсь и завидую. Дело в том, что я не могу вас обманывать, каждого из вас. Это просто нечестно по отношению к вам или ко мне. Я не представляю худшего преступления, чем насаживать людей, притворяясь и

делая вид, что я оттягиваюсь на все 100 %. Иногда я чувствую себя так, словно я должен запускать таймер перед выходом на сцену. Я пытался делать всё, что в моих силах, чтобы быть благодарным за это (и я благодарен, Боже, поверь мне, я благодарен, но этого недостаточно). Я ценю то, что я и мы затронули и развлекли многих людей. Я, должно быть, один из тех самовлюбленных людей, которые ценят что-то только тогда, когда оно уходит. Я чересчур чувствителен. Мне надо быть слегка безразличным, чтобы снова вернуть энтузиазм, который у меня был когда-то в детстве. В наших последних 3 турах я стал намного больше ценить всех тех людей, которых я знаю лично, как и фэнов нашей музыки, но я по-прежнему не могу справиться с неудовлетворением из-за чувства вины и сопереживания, которые я испытываю по отношению к каждому. Во всех нас есть что-то хорошее, и я думаю, что просто слишком люблю людей, настолько, что я ощущаю себя крайне, чертовски ужасно. Несчастный, маленький, чувствительный, неблагодарный, Рыба, Иисус. Почему бы тебе просто не получать от этого удовольствие? Я не знаю! У меня есть богиня — жена, от которой исходит честолюбие и сочувствие… и дочь, которая слишком во многом похожа на меня, каким я был раньше, переполненная любовью и радостью, целуя каждого человека, которого она встречает, потому что все хорошие и не причинят ей вреда. И это ужасает меня до такой степени, что я едва ли смогу что-то сделать. Для меня невыносима мысль о том, что Фрэнсис станет несчастным, разрушающим самого себя, гибельным рокером, которым стал я.

Мне повезло, очень повезло, и я благодарен, но когда мне исполнилось семь лет, я стал ненавидеть всех людей вообще. Людям кажется, что жить так легко, потому что у них есть сочувствие. Думаю, только потому что я слишком люблю и слишком жалею людей. Спасибо вам всем с самого дна моего пылающего, вызывающего тошноту желудка за ваши письма и участие в последние годы. Во мне слишком много от эксцентричного, капризного ребенка! Во мне больше нет страсти, поэтому помните, что лучше сгореть, чем

угасать. Мир любовь, сочувствие. курт кобэйн

Фрэнсис и Кортни, я буду у вашего алтаря.

Пожалуйста, живи, Кортни,

ради Фрэнсис
ради её жизни, которая будет намного счастливее
без меня. Я ЛЮБЛЮ ВАС, Я ЛЮБЛЮ ВАС!

Когда Грант тщательно изучает текст записки, ему кажется, что что-то не так. Она не похожа ни на одну предсмертную записку из тех, которые он когда-либо читал. Действительно, нигде в записке Курт на самом деле даже не упоминает самоубийство. И единственная часть, которая могла бы быть так истолкована — последние четыре строчки — казалось, написана совершенно другим видом почерка. Грант вынимает другой документ, который он присвоил, письмо, написанное от руки, которое Кортни отправила факсом ранее в тот же день. Что-то в этом почерке кажется необычайно похожим, но Грант — вовсе не почерковед. Он заводит машину и уезжает.

«Я добрался до шоссе и просто продолжал ехать, — вспоминает Грант. — В моей голове возникало так много вопросов после того, как я прочёл эту записку, и я просто должен был их обдумать. Я даже не знал, куда я еду. Следующее из того, что я понял, это то, что я проделал весь путь до Портленда, штат Орегон. Поэтому я просто развернулся направо и вернулся. Всё это время я действительно не знал, как это понять. Я всё ещё понятия не имел, что это всё означает».

К тому времени, как Грант возвращается в Лос-Анджелес, он более чем когда-либо, озадачен. Он едет в офис Розмэри Кэрролл с копией записки. Кэрролл пятнадцать минут внимательно изучает её, а потом говорит, что «очевидно», что Курт этого не писал. Она читает записку «снова и снова», но в ней не упоминается самоубийство.

Только в конце, замечает Грант.

Однако Кэрролл говорит, что строчки внизу явно написаны «другим почерком». Она сообщает Гранту, что на её взгляд записка не похожа на то, что мог бы написать Курт. На самом деле это больше похоже на Кортни, чем на Курта, говорит она, объяснив, что в записке есть множество фраз, которые раньше она слышала от Кортни. Тут что-то не так, говорит Кэрролл, явно встревожившись. Она делает паузу, потом присоединяется к выводу Гранта: Она не думает, что Курт покончил с собой.

Грант не знает, что и думать. Как бывший полицейский детектив, он был обучен не делать каких-то поспешных выводов, а придерживаться доказательств. Это доказательство появилось на следующий день, когда ему звонит Кэрролл, которая кажется слегка взволнованной. Она говорит, что хочет ему кое-что показать — какие-то «письма», которые Кортни оставила у неё

дома. Она никогда не думала о том, чтобы просмотреть их, до вчерашнего вечера. Грант спрашивает: это письма Курта? «Нет, это её письма», — отвечает Кэрролл.

Когда Грант приезжает к ней домой час спустя, Кэрролл пребывает в состоянии шока. Она показывает ему рюкзак, который оставила Кортни после своего посещения дома Кэрролл вечером 6 апреля. Терзаемая сомнениями после прочтения предсмертной записки Курта, Кэрролл заглянула в рюкзак. То, что она там обнаружила, напугало её. Она достаёт лист бумаги. Почерком Кортни были написаны слова: «Попасть Под Арест». Это — одна из типичных записок Кортни самой себе о том, что нужно сделать.

«Она это всё спланировала», — говорит Кэрролл, намекая на арест Кортни 7 апреля.

Досконально оба ещё раз рассматривают то, что произошло после визита Кортни в дом Кэрролл двумя неделями ранее, вечером 6 апреля. Спустя несколько часов после того, как Кортни покинула дом Кэрролл, чтобы вернуться в свой отель, она была на самом деле арестована. Отвечая на звонок по «911», сообщающий о «вероятной жертве передозировки», полиция Беверли Хиллс, должностные лица отдела пожарной охраны и спасатели приехали в номер Кортни в отель «Пенинсула» утром 7 апреля, обнаружив Кортни в состоянии физического недомогания. Её отвезли на «скорой» в «Century City Hospital», где она рассказала докторам, что просто перенесла аллергическую реакцию на свой препарат ксанакс. После выписки она была немедленно арестована, помещена в тюрьму Беверли Хиллс и обвинена во владении контролируемым веществом, наркотическими принадлежностями и владением/приобретением краденого имущества.

«Когда она в итоге предстала перед судом, — говорит Грант, — у неё было логическое объяснение всего того, что полиция нашла в её комнате. Оказалось, что белое порошкообразное вещество, которое, как думали, являлось героином, на самом деле было индуистским пеплом удачи; пачка рецептурных бланков, которая, как полагали, была украдена, на самом деле, по её словам, была по ошибке забыта её врачом. Но тогда это обеспечило ей идеальный повод для ареста безо всяких реальных неприятностей. В объяснении Розмэри, что она «всё спланировала», есть много смысла. Она нуждалась в алиби». Теперь Грант полагает, что Кортни спланировала собственный арест 7 апреля так, чтобы документально подтверждалось, что она была в тюрьме в Лос-Анджелесе в тот день, в день когда, по её предположениям, будет найдено тело Курта.

«Это был тот самый день, когда она внезапно захотела, чтобы я и Дилан вернулись в дом, чтобы поискать в кладовке винтовку, хотя она могла бы попросить Кэли поискать её в любое время на той неделе, — объясняет он. — Теперь я убеждён, что она хотела, чтобы мы нашли тело в тот день». Гитарист «Hole» Эрик Эрландсон впоследствии признался биографу Курта Чарлзу Кроссу, что Кортни уже просила его поискать в кладовке винтовку днём во вторник, 5 апреля. Так почему же она попросила Дилана и Гранта сделать то же самое два дня спустя?

Тогда Кэрролл рассказывает Гранту, что она нашла ещё один листок бумаги в рюкзаке Кортни, который встревожил её даже больше, чем записка «Попасть Под Арест». Она отдаёт листок Гранту. На нём кто-то тренировался писать разными видами почерка. На каждой строчке он экспериментировал с различными формами всех букв алфавита, словно в школьных прописях. Но этот почерк был явно в стиле взрослого, а не ребёнка. Справа вверху страницы, в колонке, обозначенной как «комбинации», этот человек тренировался писать комбинации из двух и трёх букв:

ta re fe ur you te

Когда Грант стал изучать листок, он похолодел. «Я понятия не имел, что это означает или кто это писал, — вспоминает он, — но Розмэри нашла это в вещах Кортни. Для нас было очевидно, что она тренировалась, как подделать письмо».

7

К тому времени, когда Розмэри Кэрролл поняла значение двух записок, которые она обнаружила в рюкзаке Кортни, она уже не раз заявляла, что не верит, что Курт совершил самоубийство. Тем не менее, на плёнках Гранта ни разу до или после этого разговора Кэрролл прямо не говорит, что считает, что Кортни убила его. Однако это ей показалось настолько подозрительным, что она изъяла из её документов папку и незаметно передала Гранту. Внутри было больше документов, чем в рюкзаке: счета Кортни из отеля «Пенинсула», а также постатейный список её телефонных звонков и сообщений оттуда.

Именно второе сообщение в списке приводит Гранта в замешательство. В пятницу, 1 апреля, ровно в 20:47, на коммутатор отеля «Пенинсула» поступило сообщение для Кортни: «Звонил муж. Номер Элизабет — (213) 850-***». Кортни всегда утверждала, что Курт так и не дал ей о себе знать после того, как сбежал из реабилитационного центра, тем не менее, вот конкретное доказательство, что он связался со своей женой спустя менее часа после того, как он покинул «Эксодус» и сказал ей, где его можно будет застать. На копии листа сообщения, которую Грант показывает нам, он замазал последнюю часть номера телефона Элизабет, который находился в пределах Лос-Анджелесского междугородного трёхзначного кода. Он говорит, что знает, кто такая «Элизабет», так же, как и значение её участия, но не может раскрыть эти детали до тех пор, пока дело не будет возобновлено.

Однако мы самостоятельно выяснили, что Элизабет из сообщения — это почти наверняка американская художница Элизабет Пейтон, специализирующаяся на портретах идолов поп-культуры. Пейтон, которая, вероятно, оставалась в Лос-Анджелесе во время исчезновения Курта, стала близкой подругой и Курта, и Кортни, и впоследствии после смерти Курта она написала несколько его замечательных портретов. В последующие годы казалось, что Пейтон ухитрялась заводить разговор о Курте практически в каждом своём интервью, будто её старый друг стал её затяжной навязчивой идеей. Из интервью с Пейтон в 2000 году журналу «Index»:

… как Джон Леннон, ты слышишь его дыхание. И ты можешь догадаться. И если ты действительно любишь этого человека, то берёшь их в свою жизнь, и с ними она становится лучше. Другими словами, хороший пример — это Курт Кобэйн. Это была только его собственная испорченная жизнь, но скольких миллионов

людей это касалось? Это великолепно, когда происходит коллапс между нашими собственными личными потребностями и тем, что витает в воздухе.

Ещё в одном интервью журналу «Metro» она рассказала, что пишет портреты «людей, которых я люблю», включая Курта Кобэйна. И хотя она, возможно, единственная, кто может раскрыть тайну исчезновения Курта, Пейтон никогда не говорила ни о событиях того вечера, ни подтверждала, что она — Элизабет, упомянутая в телефонном сообщении.

Отчёты о телефонных переговорах показывают ещё один интересный факт. 1 апреля, в день, когда Курт покинул «Эксодус», Кортни шесть раз звонила на телефон-автомат для пациентов реабилитационного центра, по-видимому, каждый раз разговаривая с Куртом.

«Это — одна из тех вещей, которые больше всего беспокоили Розмэри, когда она отдала мне эти отчёты, — вспоминает Грант. — Она сказала, что Кортни сказала ей, что в тот день она говорила с Куртом только однажды. Она задавалась вопросом, почему Кортни солгала ей. Моя собственная реакция состояла в том, чтобы задаться вопросом, почему Кортни никогда не говорила мне, что Курт оставил ей сообщение с номером телефона, где его можно было застать, в тот вечер, когда он покинул «Эксодус». Вы думаете, что об этом она могла бы, как ожидалось, рассказать парню, которого она только что наняла, чтобы найти её пропавшего мужа. Но она так и не сказала мне об этом ни слова».

Как пишет Чарлз Кросс в биографии Кобэйна «Heavier Than Heaven»(«Тяжелее Небес») — санкционированной Кортни — она «без конца звонила по телефону, пытаясь найти кого-нибудь из тех, кто видел Курта после субботы». Однако отчёты о её телефонных переговорах свидетельствуют о более корыстном ряде звонков: повторные анонимные звонки на линию запросов лос-анджелесской радиостанции «KROQ», чтобы прокрутить сингл с её будущего альбома, «Live Through This».

Грант и его помощник, Бен Клагман, проводят следующие несколько дней в поисках разнообразных телефонных звонков, которые сделала Кортни, и пытаясь вычислить имена по номерам. Они обнаруживают, что она дважды звонила торговке наркотиками Кэйтлин Мур в понедельник, 4 апреля, и на протяжении недели была почти в непрерывном контакте с Кэли, нянем, хотя ребёнок был с ней в Лос-Анджелесе.

Когда Грант связывается с Кэрролл два дня спустя, чтобы сообщить о своих выводах, она по-прежнему сосредоточена на предсмертной записке Курта, признаваясь, что у неё есть много

«вопросов, оставшихся без ответа», что она понятия не имеет, как на них отвечать.

Грант спрашивает её, что она думает о предсмертной записке. Кэрролл говорит ему, что она думает «примерно то же самое», что она ощущала, когда впервые увидела записку: «Он этого не писал».

Грант говорит ей, что, по его мнению, он бы не удивился, узнав, что её на самом деле написал именно Курт. Но он отмечает, что по-прежнему это не обязательно означает, что это предсмертная записка.

Он спрашивает Кэрролл, читала ли она статью о смерти Курта в журнале «Us» на той неделе. Она говорит, что не видела её. Грант сообщает ей, что в этой статье приводится цитата, предположительно взятая из предсмертной записки, в которой Курт, как сообщают, написал: «Я больше не могу жить такой жизнью». Такой строчки нет в предсмертной записке, говорит он Кэрролл, которая отвечает, что «конечно» нет.

Грант говорит, что единственные люди, которые знают, что в предсмертной записке — это сама Кортни и полиция, поэтому он предполагает, что ложную цитату, должно быть, сообщила журналу сама Кортни. Грант говорит, что Кортни хочет, чтобы люди ошибочно думали, что Курт в своей записке говорил о самоубийстве. Кэрролл соглашается.

Потом Грант рассказывает ей, что он находится «на том же месте». Он по-прежнему чувствует, что есть вероятность того, что Курт совершил самоубийство.

В течение почти десятилетия Гранта смешивали с грязью за его роль в расследовании смерти Кобэйна. Как его только не называли — от «помешанного теоретика заговора» до «охотника за славой» и «оппортуниста», который придумал теорию убийства, чтобы «нагреть на этом руки». Однако спустя десятилетие со смерти Курта он отказался от бесчисленных финансовых предложений от бульварных телешоу, включая существенное предложение от «Inside Edition», и никогда не пытался написать книгу. «Если я буду брать деньги или попытаюсь написать книгу о расследовании, доверие ко мне будет подорвано, — сказал он нам. — Выступит Кортни и скажет: «Видите, он просто хочет подзаработать». Я не собираюсь оказываться в таком положении, когда она сможет это сказать». В конце 1994 года, с головой уйдя в расследование дела Кобэйна, он отказался от дела о серьёзном правонарушении на Гавайях, которое могло принести ему от 25 000 $ до 100 000 $. После того, как он почти разорился в середине девяностых, потому что забросил рассмотрение всех остальных своих дел, он начал

продавать «Справочник По Делу Кобэйна» — фотокопии сводки событий — за 18 $ по Интернету, чтобы возместить свои издержки, но эти продажи не приносят никакого существенного дохода, тем более, что он позволил множеству вебсайтов бесплатно рассылать справочник по электронной почте. «Для меня лучше знать, что информация публикуется там», — объясняет он. Очевидно, что он занимается этим не из-за денег. «Я заработал бы намного больше, работая в «Макдоналдсе» за минимальную заработную плату, чем заработал на этом деле», — говорит Грант. Однако скептики настойчиво продолжают свои атаки. Если он делает это не из-за денег, он, должно быть, просто псих. В конце концов, все знают, что Кобэйн покончил с собой.

Теперь, когда мы слушаем этот странный записанный на пленку обмен между Грантом и Кэрролл с апреля 1994 года, многое становится ясно. Плёнка доказывает, что вовсе не Грант первым поставил под сомнение заключение о самоубийстве, но близкая подруга и адвокат самой Кортни, женщина, настолько близко знавшая Курта и Кортни, что супруги назначили её опекуном по завещанию для своей дочери в том случае, если с ними что-то случится. Кроме того, даже после того, как Кэрролл неоднократно ставила вопрос о вероятности того, что Курт, возможно, был убит, Грант по-прежнему оставался при своём мнении, утверждая: «Я по-прежнему думаю, что есть вероятность того, что это самоубийство».

Грант вспоминает свои ощущения: «На самом деле я никогда не был специалистом по теориям заговора…. Когда я слышу, что кто-то ещё говорит о заговоре, я обычно смеюсь…. Но к тому моменту я, конечно, начал думать, что была очень реальная вероятность того, что Курт был убит. Если так думает близкая подруга и адвокат самого Курта, я думал, что в этом должно что-то быть».

* * *

20 апреля Грант звонит детективу по убийствам Полицейского Управления Сиэтла Стива Кёркланду, чтобы наряду с прочими факторами выяснить, достигла ли полиция какого-нибудь прогресса, определив, кто пользовался аннулированной «Seafirst MasterCard» Курта в течение того периода, когда он пропал. Отчеты по кредитной карточке показали, что в воскресенье, 3 апреля, где-то около полудня был отклонён расходный платёж в 1 100 $: за этим последовал ряд отказов в кредите наличными в пределах от 2 500 $ до 5 000 $. Утром в

понедельник 4 апреля имели место две неудачных попытки купить товары на сумму 86.60 $, и на следующий день в 19:07 — попытка купить неназванные товары на сумму 1 517.56 $. Ещё более загадочна попытка снять 43.29 $ в пятницу, 8 апреля, в 8:37 утра, в то время, когда Курт без сомнения был мёртв — и всего за несколько минут до того, как тело было обнаружено. Кто пытался воспользоваться картой, которая исчезла из бумажника Курта, когда тот был найден?

Когда Грант говорит с Кёркландом, спрашивая, есть ли у полиции какие-то зацепки, детектив не хочет это обсуждать, ещё раз признавшись, что Полицейское Управление Сиэтла никогда не относилось всерьёз к своему расследованию убийства. «Твоё расследование касается таких моментов, к которым наше расследование даже не обращалось, — сказал Кёркланд Гранту. — Ты, возможно, интересуешься тем, что он делал, где он был, и всё такое. Скажу тебе честно, Том, что наш отдел по убийствам не реагирует даже на самоубийства…. Нас привлекли к этому, потому что это — Курт Кобэйн».

До сих пор полиция Сиэтла так и не определила, кто пользовался картой Курта. Поскольку Кортни аннулировала её, банк не мог установить точное местоположение сделок, только дату и время, когда они были отклонены. Когда Бен Клагман позвонил в «Seafirst Bank», чтобы проследить операции Курта по кредитной карте, ему сказали, что отчёты по сделкам не отражают времени предпринятых сделок, только время, когда они были зарегистрированы в компьютере. Полицейское Управление Сиэтла впоследствии сослалось на это, чтобы объяснить, что картой явно пользовались после того, как Курт был уже мёртв. Однако банковский служащий, Стив Спаркс, также сказал Клагману, что разница при регистрации времени сделки — «не больше, чем приблизительно пятнадцать минут». Следовательно, это по-прежнему не объясняет посмертное использование кредитной карточки.

Кроме того, банковский служащий обнаружил ещё одну загадку, вытекающую из записей в отчетах по кредитной карте. После каждой отклонённой сделки в отчётах записано, что «карта не обнаружена», что во многом приводит к предположению, что, возможно, ещё у кого-то из окружения Курта был номер карты, и он пытался совершить сделку по телефону. Но служащий «Seafirst» объяснил Клагману, что, когда продавец проводит карту через считывающее устройство, и в сделке отказывают, тогда номер карты вводится вручную, чтобы перепроверить, что машина считала правильный номер. После этого сделка автоматически регистрируется как «карта не обнаружена».

Для каждой из этих сделок может существовать логическое объяснение, но в полицейских отчётах указано, что Полицейкое Управление Сиэтла даже не пыталось выяснить, кто пользовался картой. Больше беспокойства вызывает то, что они никогда не объясняли, что случилось с кредитной карточкой Курта, которую так и не нашли. В 1995 году, после того, как Грант публично продемонстрировал противоречия по поводу кредитной карточки, корреспондент из «The Orange County Register» позвонил сержанту Кэмерону, чтобы спросить у него, получал ли он сведения о пропавшей карточке. Ответ Кэмерона был таким: «Мы не собираемся давать комментарий, пока не выясним, что скажет Грант».

Возвращаясь к 20 апреля, Грант продолжает рассказывать детективу Кёркланду примеры озадачивающего поведения Кортни в течение того времени, когда пропал Курт, а заодно и о некоторых противоречиях в её рассказе. На той же неделе Грант встретился с контролёром компании, устанавливающей сигнализацию, Чарлзом Пелли, который приехал в особняк на Лэйк Вашингтон вскоре после того, как позвонил его служащий, чтобы сообщить о том, что обнаружено тело Курта. Пелли сказал Гранту, что, когда он увидел тело мёртвого Курта в оранжерее, казалось, что его волосы «расчёсаны». И теперь Грант спрашивает Кёркланда, может ли он увидеть фотографии, сделанные полицией, чтобы понять, что имел в виду Пелли. Детектив отклоняет его просьбу. Пелли также сказал Гранту, что Кортни внезапно 7 апреля дала инструкции электрикам, чтобы начать подключать оранжерею к датчику движения в пятницу, в тот день, когда было найдено тело Курта.

«Тогда начинаешь задумываться о том, почему она внезапно так стремилась в тот день поставить датчик движения в эту крошечную комнату наверху, которой никто даже не пользуется? Теперь я понимаю, что когда мы с Диланом не нашли тело Курта в четверг, как она планировала, Кортни убедилась, что у электрика был предлог, чтобы подняться туда и найти тело», — вспоминает Грант.

Он ещё не совершил этот «скачок логики» во время своего разговора с Кёркландом, но поскольку он разделяет часть подозрительной информации, которую он собрал до настоящего времени, детектив явно незаинтересован. «Рок-звёзды останутся рок-звёздами», такая скука слышится в его тоне: «Я восемь лет занимаюсь убийствами, мои родители занимались убийствами тринадцать лет, а Кэмерон занимается убийствами в течение двадцати пяти лет, и я твёрдо убеждён, что Курт Кобэйн покончил с собой. Там нет ничего, что бы указывало на то, что это не так».

ГРАНТ. И ты думаешь, что никто из остальных не имеет к этому вообще никакого отношения?

КЁРКЛАНД. Я не знаю, сколько раз ты имел дело с Кортни.

ГРАНТ. За последние несколько недель я провёл с Кортни много времени.

КЁРКЛАНД. Я не думаю, что Кортни понимает, чем она занимается с утра и до вечера, и только потому, что Кортни говорит, что она что-то сделала вчера, я не всегда в это поверю.

* * *

Когда Грант в очередной раз разговаривает с Розмэри Кэрролл, у неё есть кое-какие новости: Она рассказывает ему, что корреспондент «Seattle Times» исследует вероятность того, что смерть Курта, возможно, не была самоубийством, а что Дилан Карлсон и Кортни сговорились его убить. Грант спрашивает её, знает ли она имя репортёра. Она говорит ему, что начальник полиции Сиэтла сообщил об этом сиэтльскому адвокату Кортни, Аллену Драэру. Она говорит, что полиция Сиэтла, по-видимому, не придала значения вероятности этого. Потом Кэрролл убеждает Гранта связаться с её мужем, Дэнни Голдбергом, из-за их обоюдных опасений по поводу заключения о самоубийстве. Она говорит, что хочет, чтобы её муж понял, что она не «совсем с ума сошла» из-за того, что подвергает сомнениям самоубийство Курта.

Грант сомневается, говоря, что Голдберг, как известно, очень благоволит к Кортни и восхваляет её в СМИ, но Кэрролл настаивает, убеждая Гранта, что Голдберг просто так «говорит публично». Несколько дней спустя Кэрролл звонит Гранту, чтобы узнать, как прошла его встреча с Голдбергом.

Грант говорит ей, что их мимолётная встреча была непродуктивной, объясняя, что он на самом деле не мог показать Голдбергу многие из его самых веских доказательств из страха инкриминировать Кэрролл. Грант говорит, что, к примеру, он не мог поведать Голдбергу, что Кэрролл дала ему отчёты о телефонных переговорах Кортни в отеле «Пенинсула», так же как и записку «Попасть Под Арест». Грант говорит, что может понять скептицизм Голдберга, и признаётся, что и он сам также несколько скептически смотрит на всё это. Он говорит Кэролл, что не хватало ему только того, чтобы создать какую-нибудь «теорию заговора вроде той, что создана по поводу Кеннеди, как

и те, кто пытается создать её по поводу каждого, если её там нет».

Кэрролл спрашивает, сказал ли Грант её мужу о некоторых несоответствиях, которые она заметила по поводу этого дела. Она особенно сомневается в утверждении, что Курт был с Диланом, когда тот покупал винтовку. Кэрролл считает, что Дилан выдумал эту историю.

Но Грант говорит ей, что думает, что говорить с Голдбергом — это пустая трата времени, потому что было очевидно, что Голдберг и слышать не хочет обо всём, что Грант должен был сказать.

С тех пор, как он в последний раз говорил с Кэрролл, Грант нанял двух экспертов по документам для исследования записки без подписи, которую они с Диланом нашли на лестнице дома на Лэйк Вашингтон. Они сделали вывод, что её написал Кэли. Грант делится своими впечатлениями с Кэрролл, объяснив, что, когда он подобрал записку на лестнице дома на Лэйк Вашингтон, он подумал, что она выглядит «фальшиво». Кэрролл соглашается, сказав ему, что она тоже думает, что текст записки звучит «ужасно фальшиво».

Грант говорит ей, что она выглядела как «подложное письмо», объяснив, что когда он нашёл записку, он не сомневался, что её написал Кэли, но она по-прежнему казалась ему странной. Записка была просто бессмысленной.

Кэрролл соглашается. Она считает, что письмо не было искренним, и говорит, что она думает, что Кэли написал его, потому что он «знал, что Курт мёртв».

Они продолжают говорить о вероятной роли Кэли.

Грант считает, что Кэли, возможно, нашёл тело мёртвого Курта в оранжерее и взял кредитную карточку из его бумажника, не сообщив о том, что нашёл.

Кэрролл говорит, что думает в точности так же.

К тому времени, когда состоялся их очередной разговор, «Seattle Times» опубликовала первую появившуюся в СМИ статью, подробно описывающую оставшиеся без ответа вопросы по поводу смерти Кобэйна. «Смерть Курта Кобэйна месяц назад не была элементарным случаем самоубийства, как первоначально указала полиция Сиэтла», — так начиналась статья, после чего подробно описывались некоторые из несоответствий. В этой статье Дилан Карлсон, которого спросили, почему он не искал Курта в оранжерее, когда они с Грантом 7 апреля отправились на поиски, сказал репортёру «Times», что он не знал, что над гаражом была оранжерея.

«За всё время, когда я там бывал, я даже не представлял себе, что наверху есть комната, сообщающаяся с домом», — приводятся

слова Дилана.

Когда Грант звонит Кэрролл после выхода этой статьи, он говорит ей, что Дилан даже отрицал, что знал, что там была оранжерея.

«Это ложь», — отвечает Кэрролл.

В тот же день Грант звонит репортёру «Times» Даффу Уилсону, чтобы сообщить ему, что Дилан сказал ему об оранжерее 8 апреля после того, как они услышали, что было найдено тело Курта — что это была просто «грязная маленькая комнатка над гаражом», где Курт и Кортни хранили всякий хлам. Впоследствии Уилсон позвонил Дилану, чтобы расспросить его об очевидном противоречии, что побудило Дилана позвонить Гранту. Он явно расстроен. Он говорит, что в статье намекается на то, что Дилан что-то скрывает, потому что Грант сказал, что он знал о комнате над гаражом.

Грант напомнил ему об их разговоре сразу же после того, как по радио сообщили, что тело Курта было найдено в оранжерее. Когда Грант спросил: «Что это за оранжерея?», Дилан ответил: «Это — комната над гаражом». К тому же, Грант спросил Дилана, почему они так там и не посмотрели.

Дилан вспоминает о том разговоре и говорит, что это из-за того, что он «никогда об этом не думал», и он действительно никогда не был в оранжерее.

Грант отмечает, что Дилан на самом деле сказал ему, что он там был, но сказал, что там был «просто хранился какой-то хлам, и что это была просто маленькая комнатка, или что-то в этом роде».

Память Дилана освежилась, он говорит: «Ну, да. Я сказал, что она не была частью дома».

На самом деле, вспоминает Грант, Дилан сказал ему, что он однажды «проходил мимо оранжереи».

«Да», — соглашается Дилан.

Когда Дилан обвиняет Гранта в том, что в разговоре с репортёром «Times» тот намекнул, что он знал о том, что Курт лежал мёртвым в оранжерее и никому не сказал, Грант объясняет, что он просто рассказывал о том, что произошло после того, как Кортни попросила его «проверить оранжерею …».

Дилан это отрицает. Кортни ничего ему не говорила о «том месте».

Грант говорит ему, что он разговаривал с «другими людьми», которые сказали, что они были с Кортни, когда она попросила Дилана проверить оранжерею.

Снова Дилан это отрицает, но Кэрролл придерживается своей версии.

«Ничего себе! Очевидно, что они лгут», — позднее говорит она Гранту, когда он сообщает об этом разговоре.

Тем временем в СМИ появилось множество явно ложных сообщений о событиях вокруг смерти Курта, полагаясь на анонимные источники, каждое из которых демонстрировало новые факты, поддерживающие мнение о том, что Курт совершил самоубийство. Например, 12 апреля в «Los Angeles Times» сообщалось, что после того, как Курт покинул реабилитационный центр, «поступило сообщение, что он покупал винтовку и звонил другу, чтобы спросить, как лучше прострелить себе голову». «Esquire» сообщал, что до того, как покинуть реабилитационный центр, он позвонил Кортни в «Пенинсулу» 1 апреля и сказал ей: «Что бы ни случилось, я хочу, чтобы ты знала, что ты сделала очень хороший альбом». Кроме того, уже в целом ряде сообщений утверждалось, что смерть Курта был результатом договора о совместном самоубийстве между ним и Кортни. 26 апреля «Globe» написал: «Невероятно, именно в тот момент, когда Курт прострелил себе голову, полиция сообщила, что его жена, Кортни Лав, ввела себе ядовитый коктейль из героина и ксанакса».

Обсуждая эту массу ложных сообщений, Грант и Кэрролл сходятся во взглядах, что Кортни, должно быть, подпустила в СМИ ложную информацию.

Кэрролл говорит, что «поразительно», что она могла это сделать.

* * *

Убедило ли это Гранта? «Трудно сказать наверняка, когда я, в конце концов, пришёл к выводу, что это было убийство, и что Кортни имела к этому отношение, — вспоминает он. — Через некоторое время я обнаружил достаточно информации, чтобы устранить последние сомнения. Некоторые из них станут известны только в суде».

К 8 мая Грант, наконец, был готов поставить Кортни в известность о своём подозрении. Впервые терзаемый сомнениями, он послал ей письмо:

> Дорогая Кортни,
>
> Я уверен, что теперь ты знаешь, что моё расследование было несколько более деятельным, чем ты могла бы подумать. Цель этого письма состоит в том, чтобы прояснить мою позицию относительно наших рабочих отношений.

Возможно, ты помнишь нашу поездку в Карнэйшн в четверг, 14-ого апреля. Я имею в виду, что во время поездки я начинал ворошить кое-какие «камни», и я не был уверен, что ты хочешь, чтобы я их ворошил. Я спросил тебя, хочешь ли ты, чтобы я продолжал копать. Кэт, которая сидела сзади, сказала: «О, да, она хочет знать всё». Ты ответила: «Да, Том, сделай то, что нужно. Я хочу знать всё, что произошло». Твои инструкции были ясны, поэтому в последующие дни и недели я продолжил «делать то, что нужно».

По мере того, как расследование продолжалось, часто казалось, что моим попыткам выяснить то, что было на самом деле, преднамеренно препятствовали. Прочитав несколько газетных и журнальных статей, я обнаружил, что информация в прессе неточна и часто умело вводит в заблуждение.

Я считаю обстоятельства, окружающие смерть твоего мужа, крайне подозрительными. Моё расследование выявило множество противоречий в фактических обстоятельствах этого дела наряду со многими несоответствиями нормальной логике и здравому смыслу. Я обязан сообщать о таких результатах в полицию, поэтому в пятницу, 15-го апреля, я говорил с сержантом Кэмероном о некоторых фактах из тех, что мне известны на данный момент.

Как я знаю по опыту прошлых дел, полицейские детективы часто не жалуют работу посторонних сыщиков. Я усвоил, что несколько идеалистически и наивно полагать, что правда, возможно, важнее, чем профессиональная гордость.

Я решил продолжить работу над этим делом без дополнительной оплаты до тех пор, пока не доберусь до самого конца. К письму я прилагаю счёт, который отражает затраты на наши услуги, включая время и расходы. Как видишь, до моего возвращения в Сиэтл 13-ого апреля эти расходы превысили сумму предварительного гонорара. Тем не менее, считай, пожалуйста, что твой счёт полностью оплачен. Никаких дополнительных расходов не будет.

Поскольку я выясняю правду относительно событий, окружающих смерть твоего мужа, я буду благодарен тебе за твоё сотрудничество и помощь, но этого не требуется.

С уважением,

«Я просто думал, что Кортни придёт в ярость после того, как получит это письмо», — вспоминает Грант.

Вместо этого спустя несколько дней он получает несколько странный звонок от Кортни, находившейся в это время в буддийском монастыре в Итаке, в Нью-Йорке. В последний раз она давала о себе знать 25 апреля, когда звонила Гранту из Аризонского «благополучного и поправляющего здоровье» детоксикационного курорта под названием «Каньон Рэнч», где, как она рассказала ему, она спала со своим старым другом Билли Корганом, вокалистом «Smashing Pumpkins». «Билли такой милый, — сказала она. — Что я должна была делать? Это казалось правильным». Этот звонок имел место спустя где-то около двух с половиной недель после того, как умер Курт, в то время, когда Кортни изображалась в СМИ как глубоко опечаленная вдова, пребывающая в депрессии из-за смерти Курта. На той же неделе, когда она была с Корганом в «Каньон Рэнч», в журнале «People» сообщалось: «А пока Лав — с Фрэнсис Бин в Сиэтле в тихом доме на берегу озера, где Кобэйн умер три недели назад. «Она опечалена и пытается осознать всё то, что с ней произошло, — говорит один из друзей. — В общем, она живёт очень хорошо». Спустя несколько лет после того, как разоблачение Гранта было уже широко распространено, Кортни придумала слегка видоизменённую версию о посещении Коргана, сказав корреспонденту «Chicago Tribune»: «После того, как Курт умер, в «Каньон Рэнч» приехал Билли, и он был рад заботиться обо мне в течение нескольких дней, но это не было похоже на секс. Я пыталась заставить его трахнуть меня, но он меня не трахнул. Все думают, что у нас что-то было, но я была под таким чертовским кайфом, что я бы заставляла и девицу трахнуть меня». Однако спустя три месяца после её пребывания в «Каньон Рэнч», «Entertainment Weekly» сообщила: «Её друг утверждает, что она не принимала наркотики с тех пор, как прибыла в детоксикационный центр прямо перед самоубийством Кобэйна, и она побуждала избавиться от зависимости других людей из своего окружения, даже помогая некоторым, включая одну из бывших нянь Фрэнсис Бин, устроиться в реабилитационный центр».

Теперь, после того, как Кортни получила письмо Гранта от 8 мая, она снова звонит ему:

> КОРТНИ. Том, это твоё самое абсурдное дело за долгое время?

ГРАНТ. Оно довольно странное. Возможно, даже более странное, чем ты можешь себе представить.

КОРТНИ. Что ты имеешь в виду?

ГРАНТ. Здесь столько безумных поворотов и так много всякой всячины.

КОРТНИ. Я имею в виду, что просто так жутко, что я тебе позвонила и подумала, что он может покончить с собой, а теперь он мёртв.

Вместо того, чтобы официально прекратить общение после получения его письма, как ожидал Грант, она спрашивает, не может ли он провести для неё кое-какую работу детектива по проблемам, совершенно не имеющим отношения к смерти Курта.

«Я понял, что она пыталась купить моё молчание, — вспоминает он. — Она была довольно откровенна на этот счёт. Сначала я подумал, что откажусь от работы, но тогда я полагал, что пока я работаю на неё, у меня будет конфиденциальный доступ к её миру, я смогу продолжать говорить с Розмэри и следить за Кортни».

В числе заданий, которые Кортни дала Гранту за этот период, было и такое, что он должен был вести наблюдение за одним известным рок-музыкантом, с которым она в то время встречалась; она хотела знать, изменяет ли он ей. (Грант попросил нас не называть имени музыканта из уважения к частной жизни этого человека). Однажды Кортни рассказала Гранту, что в комнату этого музыканта ворвался сумасшедший фэн и обрызгал стены окровавленными тампонами. Этот же фэн также оставил музыканту угрожающую записку, ссылаясь на ближайшую психиатрическую больницу — что наводило на мысль, что это сделала сумасшедшая женщина. Кортни просит Гранта разыскать преступницу, объяснив, что её друг подозревал саму Кортни в том, что она написала записку и бесчинствовала в комнате.

«Несколько недель спустя Кортни, в конце концов, призналась мне, что на самом деле именно она разбросала по комнате тампоны и написала записку, — вспоминает Грант. — Я бы даже и не вспомнил об этом, потому что это не имеет никакого отношения к делу Кобэйна, но я понял, что фальшивая записка могла представлять собой модель поведения, которая может быть существенной».

* * *

Одна из существующих на протяжении долгого времени тайн этого дела касается местонахождения Курта за период времени, начиная с момента, когда Кэли видел его в доме Кали 2 апреля, и до его смерти, который, согласно отчёту коронера, составлял чуть больше двух-трёх дней. Известно, что Курта опознали всего три раза после того, как он 2 апреля ушёл из дома на Лэйк Вашингтон. Вечером в воскресенье 3 апреля его видели за обедом с «худощавой женщиной» в сиэтлском ресторане «Кактус». Ранее в тот же день он столкнулся с менеджером «Нирваны», Джоном Силвой; вскоре после этого Курт встретил на улице женщину по имени Сара Хоен, которая сказала, что он был в плохом настроении из-за сообщения, что тем утром в Лос-Анджелесе сорок тысяч фэнов стояли в очереди за билетами на концерт «Eagles». В разных биографиях Кобэйна ссылаются на неназванные источники, которые утверждают, что видели или говорили с Куртом позднее на той неделе, но нет ни одного подтверждения того, что его видели после 3 апреля. Один мичиганец по имени Брэд Барнетт рассказал нам, что встретил Курта в парке возле его дома в понедельник, 4 апреля, и что Курт привёл его в оранжерею, где у них завязался разговор о литературе. (Потом мы видели доказательство, свидетельствующее о том, что сообщение Барнетта ложно, включая крайне противоречивые рассказы о том, что, как он утверждает, произошло).

Полиция Сиэтла впоследствии утверждала, что Курт провёл ту неделю в своём доме в Карнэйшне, потому что один из соседей заметил свежие следы шин. Биограф Кобэйна Кристофер Сэнфорд сообщает, что в доме в Карнэйшне были обнаружены спальные мешки, а также пепельница, наполненная сигаретами, которые недавно курили, одни — предпочитаемой Куртом марки — «Уинстон Лайтс» — и другие — «Мальборо Лайтс» (не той марки, которую предпочитает Кортни) со следами помады. Сэндфорд сообщает, что на столе был рисунок чёрного солнца, а над ним — слово «Веселей». Но Том Грант говорит, что, когда он приезжал в Карнэйшн с Кортни и Кэт Бьёлланд спустя неделю после того, как было найдено тело Курта, такого рисунка они не видели. Грант полагает, что Кортни подбросила эту историю как очередной отвлекающий манёвр. Однако непонятно, почему Кортни хотела, чтобы люди считали, что Курт на той неделе был с женщиной, если это было неправдой. Её разговоры с Грантом показывают, что она казалась уверенной в том, что у Курта роман с Кейтлин Мур, и что она очень его ревновала. Один из друзей супругов рассказал нам, что он слышал, как Кортни орала на Курта: «Ты трахаешь её, да, сволочь?» сразу после того, как он вернулся из Рима. Однако возможно, что в этот период объектом

привязанности Курта была вовсе не Кейтлин Мур; возможно, Кортни обвиняла не ту женщину. Сэндфорд пишет, что Курт послал несколько любовных записок, нарисованную им самим валентинку и приглашение встретиться с ним в сиэтлской гостинице юной студентке-художнице. Когда она отказалась, он якобы названивал ей по десять раз на дню и послал ей сообщение, в котором говорилось: «Я не одержим тобой. Я просто хотел поговорить с тобой о концептуальном искусстве».

* * *

Выполняя различные поручения Кортни, Гранту, наконец, удалось вкратце поговорить с нянем, Майклом «Кэли» Дьюиттом, который признался ему, что он видел и говорил с Куртом 2 апреля, когда он появился в спальне Кэли наутро после того, как он сбежал из реабилитационного центра. Кэли также подтвердил, что он в тот же день сообщил об этом Кортни и позже написал записку, которую Грант и Дилан обнаружили на лестнице.

Тем временем, такого явления, как самоубийства-подражания, которого боялись специалисты-психиатры после смерти Кобэйна, казалось, не происходило. После того, как Дэниел Каспар пришёл домой и покончил с собой после ночного бдения у башни Спейс-нидл, американские реабилитационные центры не зарегистрировали никакого явного роста подростковых самоубийств, хотя молодёжные кризисные «горячие линии» действительно испытывали существенное увеличение звонков от подростков, подавленных смертью своего кумира. Некоторые специалисты предполагали, что толкование версии о его смерти в американских СМИ — изобилующие интервью с высказываниями знаменитостей, которые резко осудили Курта за то, что он предпринял «малодушный выход из положения» — сыграли свою роль в сведении самоубийств-подражаний до минимума. Возможно, своеобразно поспособствовал и Раш Лимбаг, назвав Курта «жалкой крупицей руин человечества». Повсеместно членов американских семей убеждали в том, чтобы они говорили со своими подростками о смерти Курта.

Но в то время как Америка облегчённо вздохнула, спокойная за свою молодёжь, другим странам повезло меньше.

* * *

Сразу после полуночи 2 июля 1994 года восемнадцатилетний

мальчик из Эдмонтона по имени Бобби Стил поставил на стерео песню «Нирваны» «Endless, Nameless» и нажал кнопку «REPEAT PLAY» («Многократное Воспроизведение»). Несколько минут спустя он стащил винтовку 12 калибра из коллекции его отца и зарядил тремя патронами. Надев футболку «Нирваны» «Sliver», он достал свой маленький чёрный дневник и начал писать: «Июль 94. Я просто не могу больше жить. Если ты просто много думаешь, ты просто перестаёшь понимать, что в жизни есть какая-то цель…. Я не пьян и не под кайфом…. Мне просто плохо. Это были самые тяжёлые 84 дня в моей жизни».

Восемьдесят четыре дня назад Бобби узнал, что его герой, Курт Кобэйн, застрелился из винтовки. Несколько недель спустя друг его семьи, подросток по имени Грэг, заперся в своей машине, включив двигатель, и умер от отравления угарным газом. Бобби и его сестра считали, что он так и не пришёл в себя после смерти Курта.

И вот Бобби закончил писать эти слова в своём дневнике, завершив завуалированной цитатой отрывка из предсмертной записки Курта, где он писал: «Так помните, что лучше сгореть, чем угасать». Вместо этого Бобби написал: «Лучше вообще не загораться. Роб Стил».

Он подписал записку, затем снял себя полароидом на фоне постера Курта Кобэйна. Затем он сделал ещё один снимок самого себя, лежащего на своей кровати с копией «In Utero» «Нирваны» над головой. Он разложил фотографии на кровати и затем расположился на полу так, чтобы, когда его тело будет обнаружено, он выглядел бы как Курт на фотографии в оранжерее. Под назойливые слова о смерти из «Endless, Nameless» он направил дуло винтовки себе в рот и спустил курок.

* * *

В те месяцы, когда он работал на Кортни, Грант иногда заводил разговор на животрепещущую тему смерти Курта. Хотя Кортни поощряла его на продолжение расследования, он полагает, что на самом деле она срывала его расследование.

«Всякий раз, когда я начинал разговор о смерти Курта с людьми, близкими к Кортни, она поручала мне очередную работу, — вспоминает он. — Казалось, что у неё на тот момент действительно было очень мало вариантов. Если бы она разозлилась, то это только вызывало бы ещё больше подозрений».

В этот период Грант пользовался любой возможностью, чтобы собрать информацию о Кэли и других, не вызывая подозрений у

Кортни. Однажды Кортни сделала откровенное, несколько шокирующее признание о повсеместном распространении в доме наркотиков:

«Я не знаю, в курсе ли ты, — сказала она Гранту, — но я потратила тридцать штук баксов, чтобы поместить Кэли в реабилитационный центр. Не вышло. Я привезла его с собой в Англию, чтобы он был тур-администратором, а он сбежал, начисто надув меня. Он сбежал с этой девчонкой, тридцатисемилетний наркоман, который принимал героин и кокаин на 400 $ в день…. Курт любил [Кэли], он был одним из немногих людей, о которых Курт не говорил ничего плохого, но приблизительно за два месяца до того, как Курт умер, Кэли принимал наркотики и присматривал за моим ребёнком, а я не допускала и мысли об этом и говорила себе, что он только принимает таблетки, и что он, вероятно, принимал таблетки только на ночь, и я полностью заблуждалась. Он на самом деле вовсю принимал героин. Рене [друг Кэли] даже несколько раз не позволяли присматривать за Фрэнсис, когда Кэли, будучи начисто под героином, ходил в магазин. Я могу сказать тебе по личному опыту, что я сидела на героине и была рядом со своей дочерью. Я имею в виду, что няня была в комнате, а что, если бы она вышла в окно к чёртовой матери, представляешь? Я имею в виду, что есть причина, по которой люди удаляют своих детей, и я думаю, что это вполне уместно. Может показаться лицемерным, что это говорит тот, кто иногда принимает наркотики, но, чёрт возьми, это на самом деле просто ужасно. Однажды вечером Кэли пришёл ко мне, и я сказала: «Я слышала, что ты принимаешь наркотики внутривенно», а он, значит, говорит: «Ну, ты их принимаешь». И я такая говорю: «Так ты теперь что, мой брат?».

Кортни явно стали беспокоить подозрения Гранта, но она никогда не заходила так далеко, чтобы приказать ему закрыть это дело. В одном из телефонных разговоров, когда она звонила из Монреаля, она говорит: «Я не возражаю против того, что ты занимаешься делом Кобэйна, ты — хороший частный детектив. Я общалась с шестью детективами, и все они — гады, понимаешь, и ты — первый, кто работает ради меня, ты понимаешь, что я имею в виду?».

* * *

Поскольку Грант продолжает своё расследование, предсмертная записка продолжает тревожить и его, и Розмэри Кэрролл. Кэрролл по-прежнему не верит, что её написал Курт, и

она задаётся вопросом, почему Кортни так и не дала ей взглянуть на эту записку: «Она показала записку Сету [Лихтенштейну, ещё одному адвокату Кортни], но она не показала её мне, что я тогда сочла довольно странным», — говорит она Гранту, который, в свою очередь, продолжает сомневаться относительно роли Кэли Дьюитта и Дилана Карлсона.

> ГРАНТ. Главное, что я пытаюсь сделать и только тогда от этого отдохну — мне неважно, будет ли это продолжаться в течение следующих пяти или десяти лет — то, разберусь ли я совершенно точно с тем, что случилось с Кэли и Диланом. Кортни почему-то пытается оградить меня от Кэли.
>
> КЭРРОЛЛ. Ну, мы знаем, почему.
>
> ГРАНТ. Мне очень нужно поговорить с ним кое о чём.
>
> КЭРРОЛЛ. Ты знаешь, где Кэли?
>
> ГРАНТ. О, Кэли всё время в движении. Я говорил с ним несколько недель назад, и он передо мной слегка выделывался, и у меня создалось впечатление, что Кортни сказала ему: «О, ты не должен говорить с Томом». Кажется, каждый раз, когда я приближаюсь к Кэли, она отправляет его в реабилитационный центр или куда-нибудь ещё.
>
> КЭРРОЛЛ. О, вот почему она отправила его в реабилитационный центр. Я не могла понять, потому что это был широкий жест, это обошлось ей в целое состояние, потому что она отправила с ним его подругу.
>
> ГРАНТ. Я сказал Кортни, когда она была в Лос-Анджелесе, что я хочу встретиться с ней и разобраться в каких-то вещах вместе с ней, и я собираюсь рассказать ей, что её дела плохи. Поскольку если пресса перехватит это до того, как я смогу закончить это, доработать все детали и выяснить то, что случилось, если прессе станут известны все эти обрывки, они начнут писать книги и журнальные статьи о заговоре, и в этом случае она будет преступницей. А она, возможно, ею не является».

Тем временем, альбом «Live Through This» — наскоро выпущенный «Geffen» во вторник, после того, как было найдено тело Курта — разошёлся мгновенно и получил очень положительные отзывы в американской музыкальной прессе. Но новый успех Кортни был на время омрачён 16 июня, когда басистка «Hole», Кристен Пфафф, была найдена мёртвой в своей ванной, по-видимому, из-за передозировки героина.

* * *

16 октября 1994 года сторож гаража в Лэнгли, Британская Колумбия, обнаружил ужасную находку: тела сразу троих подростков в «Плимуте» 1987 года выпуска, его двигатель всё ещё работал. Майкл Коут, Стефан Даллер и Стефан Ланглуа, каждому из которых было по восемнадцать лет, проехали более трёх тысяч миль из Квебека до Британской Колумбии, чтобы покончить с собой в этом гараже, медленно вдыхая выхлопные газы своей машины. В автомагнитоле, поставленной в положение «PLAY», была кассета «Нирваны». Когда Королевская канадская конная полиция вытащила мальчиков из машины, они обнаружили дневник, скреплённый тремя кольцами, со словами «Последнее Путешествие» на обложке. На шестидесяти страницах мучительного текста и рисунков эти трое подростков рассказали о своей одиссее по пересёченной местности и нетерпеливого ожидания своей смерти в конце. На последней странице написано почерком Даллера: «Когда умер Курт Кобэйн, умер я. Я бы хотел умереть, пустив пулю себе в голову, и из того же оружия, что и Курт Кобэйн. Но теперь слишком поздно. Прощайте».

* * *

В своём следующем разговоре с Грантом Розмэри Кэрролл, позвонив из Нью-Йорка, куда она недавно переехала, говорит, что «с ума сходит» из-за того, что происходит, и сообщает Гранту: «Я думаю, что ты достаточно напугал [Кортни]». Потом она делится с ним теорией, которую она построила по поводу смерти Курта.

> КЭРРОЛЛ. Знаешь, я много думала об этом. Я пытаюсь не думать, но я думаю…. Я думаю о том, что я вообще знаю, о Курте и о Кортни, и обо всех тех событиях. Ты хочешь послушать мою теорию?
>
> ГРАНТ. Да, конечно.
>
> КЭРРОЛЛ. Я не хочу думать обо всём этом снова, потому что я сойду с ума, как это происходит со мной в последнее время, но я думаю обо всей этой жути с Кэли, который очевидно несколько дней жил в доме, пока [в оранжерее] был труп Курта. Я думаю, что это имело отношение к предсмертной записке.
>
> ГРАНТ. Да?
>
> КЭРРОЛЛ. Это — моя теория, и она больше интуитивна, но та предсмертная записка — это коллаж

того, что он писал раньше, как я думаю, и того, кто скопировал или снял на кальку его почерк. Я думаю, что это было нечто вроде монтажа.

ГРАНТ. Ты не думаешь, что это написал Курт?

КЭРРОЛЛ. Нет, я думаю, что Курт написал каждое из тех слов в разное время и в разных местах. Я думаю, что кто-то тщательно изучил его записные книжки, нашёл отрывки, которые могли бы правдоподобно составить предсмертную записку, и отснял их на кальку.

ГРАНТ. Ты думаешь, что они были сняты на кальку?

КЭРРОЛЛ. Да, или подделаны, или что-то в этом роде.

В этот момент, она, кажется, услышала шум.

КЭРРОЛЛ. Ты записываешь этот звонок?

ГРАНТ. Я записываю все свои звонки. Ты хочешь, чтобы я это отключил?

КЭРРОЛЛ. О, чёрт, Том, это просто моя теория. (Она повесила трубку.)

Розмэри Кэрролл больше никогда не говорила с Грантом.

Грант счёл теорию «коллажа» Кэрролл насчёт записки интригующей, особенно в связи с листом бумаги, на котором кто-то тренировался писать разными стилями почерка, которую та обнаружила в рюкзаке Кортни. Но он придерживается немного другой теории по поводу записки.

«Когда читаешь большую часть этой записки, — объясняет он, — она вообще не читается как предсмертная записка. Она читается как записка для своих фэнов, объясняющая, почему он уходит из «Нирваны». Я думаю, что он написал большую часть записки, но кто-то, возможно, подделал последние четыре строчки». Когда Грант впервые публично выступил с этой теорией, Кортни наотрез отрицала, что «Нирвана» была в процессе распада. Однако на выступлении на Шоу Говарда Стерна в 1998 году Дэйв Грол признался, что на момент смерти Курта группа на самом деле распалась. Спустя несколько лет Крист признался биографу Курта Чарлзу Кроссу в том же самом: «Группа распалась». Это, конечно, сделало теорию Гранта — по поводу записки, являющейся прощальным письмом своим фэнам в связи с уходом со сцены — правдоподобной, даже логичной.

В самом деле, в большей части записки нет ни слова о самоубийстве, но в ней действительно говорится: «Спасибо вам всем с самого дна моего пылающего, вызывающего тошноту желудка за ваши письма и участие в последние годы». К кому же

ещё он обращается в этих строчках, если не к своим фэнам?

Первый офицер, прибывший на место происшествия, Вон Левандовски — первый, кто прочитал записку — написал в своём отчёте, что письмо было «по-видимому, написано Кобэйном своей жене и дочери, чтобы объяснить, почему он покончил с собой». Но если Курт написал записку Кортни и Фрэнсис Бин, почему он подписался своим полным именем, «Курт Кобэйн»?

Для большинства из тех, кто видел записку, самым подозрительным элементом является нелогично крупное первое слово, «БоддА» — намекающая на то, что Курт адресовал письмо своему воображаемому другу детства — а так же последние четыре строчки:

> Пожалуйста, живи, Кортни,
> ради Фрэнсис
> ради её жизни, которая будет намного счастливее
> без меня. Я ЛЮБЛЮ ВАС, Я ЛЮБЛЮ ВАС!

Почему эти характерные слова, кажется, написаны явно другим почерком? И если Курт на самом деле адресовал письмо Бодде, почему он пишет: «Спасибо вам всем … за ваши письма и участие в последние годы»?

* * *

18 ноября в Дублине, Ирландия, шестнадцатилетняя девочка застрелилась из винтовки. В своей предсмертной записке она написала, что она «сделала это из-за Курта».

* * *

Спустя месяц после смерти Курта полиция доложила Гранту, что сиэтлский адвокат Кортни, Аллен Драэр, установил, что записка написана почерком Курта. Когда Грант сообщил об этом заключении Розмэри Кэрролл в то время, она ответила: «Аллен Драэр совершенно не знал Курта». К этому времени Полицейское Управление Сиэтла уже направило записку в патрульную криминалистическую лабораторию Штата Вашингтон, где её проанализировал судебный эксперт по документам, Дженис Паркер. Полиция тогда запросила у Кортни образец почерка Курта, чтобы сравнить с почерком записки. Она отдала им письмо на трёх страницах, написанное на бланке римского отеля «Эксельсиор», которое, по её утверждению, Курт написал ей в

Риме перед своей мартовской передозировкой — так называемая римская предсмертная записка.

«Это просто поражает моё воображение, — говорит Грант. — Вместо того, чтобы запросить у его адвокатов копию документа, который, как им известно, был бы написан Куртом, они отправились к Кортни и истребовали у неё письмо. Как они узнали, что письмо, которое она им отдала, написал Курт? А что, если она написала оба письма? Эта мысль, кажется, никогда даже не приходила им в голову. Но с тех пор, как Розмэри Кэрролл показала мне лист бумаги из рюкзака Кортни, где кто-то тренировался писать разными стилями почерка, это, конечно, пришло в голову мне».

Судебный эксперт штата отправила сообщение 22 апреля, констатирующее, что она убеждена, что записка была написана Куртом Кобэйном. Она не исследовала разницу в почерке первых и последних четырёх строк. Спустя три года, в феврале 1997 года программа Эн-Би-Си «Неразгаданные Тайны» наняла двух самых известных в мире почерковедов, чтобы провести свой собственный анализ. На этот раз продюсеры снабдили экспертов образцом почерка Курта, известного, как подлинный — текст песни, которую он написал, взятый из его официальной биографии, «Come As You Are».

Первым экспертом был Марсель Мэтли, американский судебный эксперт. Мэтли достиг национального признания в 1995 году, когда он был членом комиссии, определившей подлинность предсмертной записки, написанной бывшим советником Белого Дома при Президенте Клинтоне, Винсом Фостером, который был найден мёртвым при подозрительных обстоятельствах в загородном парке Вирджинии в июле 1993 года.

После завершения своего анализа записки Курта, Мэтли заключил: «Последние четыре строчки предсмертного письма, включающие слова: «Я люблю вас, я люблю вас», были написаны другим человеком. В них есть различия».

Другой эксперт, с которым консультировались, Реджинальд Элтон, преподаватель Оксфордского Университета, считался самым выдающимся в мире идентификатором литературных рукописей. Он согласился с Мэтли: «Присутствует более дюжины несоответствий в почерке, несомненно, в первой строчке [где слово «Бодда», кажется добавленным], и в последних четырёх строчках». Оба эксперта сошлись во мнениях, что текст основной части письма был написан Куртом.

Поскольку подозрения Гранта по поводу Кортни усилились, он спросил себя, какую выгоду она могла бы извлечь из смерти Курта. «Как полицейский детектив, меня всегда учили искать

мотив, — объясняет он. — Она уже сказала мне, что Курт хотел развестись, и что у них было предсвадебное соглашение. Но она также сказала мне кое-что ещё. Во время одного из наших самых первых разговоров она по существу призналась мне, что Курт для неё имеет большую ценность мёртвым, чем живым». Он поставил плёнку с записью этого разговора от 3 апреля 1994 года.

На плёнке Кортни говорит Гранту, что в то время, как Курт лежал в коме в Риме, её цель состояла в том, чтобы стать первой женщиной-музыкантом, которая получит миллион долларов за выпуск альбома. Она говорит, что всегда может оценивать свою карьеру по тому, сколько денег ей предлагают звукозаписывающие компании. Например, рассказывает она Гранту, до конфликта с «Vanity Fair» она получила предложения в 500 000 $, а после «Vanity Fair» она получала предложения всего в 50 000 $. Поэтому после комы Курта Кортни позвонила своему адвокату в области музыкальной индустрии и сказала: «Держу пари, что после комы предложения уменьшились». Напротив, её адвокат ответил: на самом деле предложения удвоились. Когда Кортни спросила, почему, адвокат сказал ей, что это — потому, что каждый думает, что «ты его переживёшь». Сначала, говорит Кортни, она подумала, что эта идея была «отвратительна и женофобна», но потом она поняла, что ей всё равно. «За дело! — сказала она адвокату. — Попробуй получить два миллиона долларов».

* * *

20 ноября на Ниагарском водопаде, Онтарио, неназванный семнадцатилетний мальчик застрелился в своей спальне в подвале. На следующий день после его похорон его лучший друг, которому было девятнадцать лет, застрелился у дерева в парке. В СМИ эти самоубийства были представлены как реакция на самоубийство Кобэйна. Оба мальчика были заядлыми фэнами «Нирваны»; мать одного из них винила в этих самоубийствах «смертоносную музыку».

Две недели спустя двадцатилетний калифорниец по имени Лайл Сенак, в шутку изображая самоубийство Курта, случайно застрелился на глазах своих друзей, закрепив винтовку 12 калибра на полу, а потом встав на колени и положив дуло винтовки в рот. Со временем во всём мире было зарегистрировано шестьдесят восемь самоубийств-подражаний Кобэйну. На самом деле их, возможно, сотни, так как большинство самоубийц не оставили записок. Поскольку это было

не предумышленным самоубийством, смерть Сенака не входит в эту статистику.

* * *

К декабрю 1994 года, спустя восемь месяцев после смерти Курта, Грант, наконец, готов предать гласности свои подозрения и для того, чтобы сделать это, выбрал национальное средство массовой информации. Выступив на Шоу Гила Гросса, транслировавшегося по радиосети Си-Би-Эс на все Соединённые Штаты, он заявляет, что убеждён в том, что Курт Кобэйн был убит. Сиэтлская полиция, говорит он, виновна не в замалчивании фактов, а только в поспешном вынесении заключения. Он отказывается назвать имя человека, который, по его мнению, совершил это преступление.

«Я чувствовал, что я должен был предать это гласности, — вспоминает Грант. — Все эти самоубийства-подражания начали мучить меня, все эти дети, убивающие себя, потому что они думали, что так сделал Курт. Сначала я думал, что лучшая стратегия будет состоять в том, чтобы воздерживаться от того, чтобы называть имена. Я предполагал, что СМИ будут меньше нервничать». Однако в течение нескольких дней он получает письмо от фирмы Розмэри Кэрролл, обвиняющее его в том, что он выступил со своими «необоснованными» заявлениями ради «личной выгоды и славы», и предупреждающее его, чтобы он прекратил и впредь воздерживался от своих обвинений, иначе фирма обратится «по этому вопросу в компетентные органы для возможного уголовного преследования».

«Это взбесило меня, — вспоминает Грант. — Розмэри знает, что именно она первой сказала, что Курт был убит, и поддерживала меня в продолжении расследования. И вот теперь она угрожала мне судом, если я предам это гласности. Я думал, что это был очень малодушно с её стороны». Его ответ, датированный 29 декабря 1994 года, гневный:

> Дорогая Розмэри:
>
> Получив письмо от твоей фирмы, грозившей мне судебным иском и возможным уголовным преследованием, я стал задаваться вопросом, что творится в твоей голове! Моя преданность тебе и конфиденциальность наших разговоров внезапно закончилась, когда мне стали угрожать из-за того, что я делаю работу, на которую меня подвигла ты.

С самого начала ты играла главную роль в направлении этого расследования и раскрыла некоторые факты и детали, которые подразумевали, что Кортни причастна к заговору, который в конце концом привёл к убийству Курта. Я убеждён, что в душе ты знаешь правду о том, что произошло. Тебе пора выступить и рассказать властям о том, что ты знаешь.

Я знаю, что тебе есть что терять. Твоя карьера, твой брак, возможные финансовые потери и кто знает, что ещё? Возможно, пока ты не осознаёшь, что всё это окажется поставленным под удар вне зависимости от того, выступишь ты или нет.

Ты производишь впечатление человека с верными приоритетами. Что же мы за люди, если так боимся, что позволим людям думать, что это убийство?

Мир секретности — опасное место для жизни, особенно если ты знаешь информацию, которая могла бы помочь изобличить убийцу. Я подверг свою жизнь опасности, чтобы совершить правосудие и положить конец тому, что, может оказаться большим, чем всего одно убийство. Кроме того, дети продолжают совершать самоубийства, думая, что Курт сделал это, поэтому это, должно быть, правильный путь! Последний из этих инцидентов произошёл всего несколько недель назад.

Хотя мне по-прежнему грозит определённая опасность, я чувствую, что моё молчание создала бы ещё большую угрозу моей жизни. Избавление от кого-то после того, как он всё рассказал, просто откровенно глупо и может только привлечь больше внимания к этому делу. Реальная опасность существует до того, как начинаешь говорить.

Я думаю, что заставил тебя задуматься. Позвони мне, я могу помочь. Если ты захочешь выступить против меня, всё, что я могу сказать — удачи. Тебе она понадобится.

С уважением,

Том Грант

Кэрролл так и не ответила.

Неделю спустя, 5 января 1995 года, Грант снова выступает в радиоэфире, на этот раз на национально синдицированном Шоу Тома Лейкиса, где он в общих чертах более часа рассказывает обо всех деталях этого дела. Именно во время этого выступления Грант впервые излагает суть своей теории, обвинив Кортни Лав и

Майкла «Кэли» Дьюитта в преступном сговоре, который закончился убийством Курта Кобэйна.

После того, как Грант делает это сенсационное заявление, Лейкис открывает телефонные линии для слушателей. Одним из первых позвонивших оказался Гэри Дьюитт, отец Кэли, который, понятное дело, возмущён:

> ГЭРИ ДЬЮИТТ. Я не могу поверить, что этот парень собирается заработать огромную сумму безо всяких причин. Курт Кобэйн покончил с собой. И точка.
>
> ЛЕЙКИС. Итак, вы полагаете, что наш гость просто поставил себе цель подзаработать баксов?
>
> ДЬЮИТТ. Конечно…. Он намерен отхватить большой куш. На этом можно много заработать.
>
> ЛЕЙКИС. Вы видели какие-нибудь доказательства, удостоверяющие, что полиция права, сказав, что это самоубийство? Вы видели доказательства?
>
> ДЬЮИТТ. Нет, но я лет пять знаю Кортни, а Майк — мой сын, и поверьте, никто их них не мог совершить ничего подобного… и когда я услышал это по радио, я не мог в это поверить, поэтому я позвонил сержанту Кэмерону в полицию Сиэтла, и они считают этого парня каким-то чокнутым.
>
> ЛЕЙКИС. Позвольте мне задать вам вопрос. Возможно ли, что копы не любят, когда частные детективы вмешиваются в их дела? Это возможно?
>
> ДЬЮИТТ. Нет. Это вы фильмов насмотрелись.

После передачи Кортни оставляет сообщение на автоответчике Гранта в 4:00 утра: «Привет, Том. Это Кортни…. Я только что слышала передачу по радио…. Я не слышала, что ты говорил, блин, я слушала и не слышала, что ты говорил, рассказывал чистой воды ложь…. Жаль, что ты делаешь это не из-за денег, и понимание того, что ты делаешь это, потому что думаешь, что это правда, очень сильно задевает меня».

Спустя две недели Кортни, которая только что начала тур по Австралии и Новой Зеландии, снова звонит Гранту. Ее тон больше обиженный, чем рассерженный:

> КОРТНИ. Если это — в твоей чёртовой голове, я сделаю всё, что угодно, чтобы выбросить это из твоей головы…. Я не думаю, что ты сумасшедший, просто немного параноик…. Если бы люди знали, что я тебе звоню, они убили бы меня.
>
> ГРАНТ. Я хочу знать правду.

КОРТНИ. Именно поэтому я тебе звоню, чёрт возьми. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы заставить тебя так не думать. Это идиотизм и неправда. Я бы хотела, чтобы ты собрал по кусочкам все доказательства, чтобы доказать, что я не имею к этому никакого отношения.

Грант просит у неё копию отчёта о вскрытии, объяснив, что только посмертные отчёты могут доказать, что Курт совершил самоубийство. Ответ Кортни неожиданный: «Вчера вечером я говорила с Николасом [помощником судебно-медицинского эксперта]…. Он сказал, что приехал в мой дом, когда я вернулась. Он сердит на тебя. Он не даст тебе эти отчёты…. Пока коронер — Николас, я спокойна».

Тот Николас, о котором идёт речь — доктор Николас Хартшорн, помощник судебно-медицинского эксперта, который проводил вскрытие в апреле и определил, что смерть Курта — это самоубийство. В конце 1995 года, когда мы работали над нашей первой книгой, источник, близкий к Хартшорну, рассказал нам, что, в то время, когда он ещё учился в колледже, он оказывал поддержку Кортни Лав и её первому мужу, Джеймсу Морланду. Он познакомился с Морландом, ещё обучаясь в медицинском колледже, когда в качестве панк-рок промоутера Хартшорн организовал «Нирване» третий концерт в Сиэтле, в «Central Tavern» в 1988 году. Это означает, что в том концерте участвовал даже не один, а оба будущих мужа Кортни, так как популярный артист просто случайно был в группе Морланда, «Leaving Trains».

Мы решили найти эту зацепку и, выдавая себя за студентов канадского университета, пишущих работу о таком явлении, как самоубийства-подражания Курту Кобэйну, связались с Хартшорном, чтобы взять у него интервью. Он согласился встретиться с нами в своём офисе в декабре 1995 года.

В ходе нашего интервью Хартшорн подтвердил, что он дружил и с Джеймсом Морландом, и с Кортни Лав, о которой он рассказывал как об «отличной девушке». Когда мы спросили его, не может ли его дружба с Кортни составлять конфликт интересов при расследовании смерти её мужа, Хартшорн ответил: «Конечно, нет».

Он тогда подтвердил, что установил, что смерть Курта являлась «хрестоматийным случаем самоубийства», когда он первым прибыл на место происшествия, и признал, что полиция вообще никогда не принимала всерьёз вероятность убийства. Он описал теорию Тома Гранта как «смехотворную».

«Они [отдел по убийствам] прибыли на место происшествия из-за популярности этого человека, — сказал он нам. — Я имею в

виду, Элвис всё ещё где-то разгуливает, и когда у вас есть кто-то знаменитый, вам нравится заставлять местную элиту убеждаться в том, что вы расставили все точки над «i» и все чёрточки поперёк «t». Посмотрите на всех людей, которые думают, что это заговор. Если бы они не проделали всю эту работу, было бы гораздо больше людей, которые не принимали бы всерьёз разговоры о том, что это убийство». Харштшорн на мгновение замолчал, и мы не могли не заметить огромный постер Курта Кобэйна, маячившего над нами пятном на стене. Мы были в той самой комнате, где Хартшорн проводил вскрытие трупа Курта год назад.

«Самоубийство было решением [Курта], — продолжает он, — и вы должны уважать его независимо от того, каким было его решение. Он имел такое право».

Теперь, звоня из Новой Зеландии, Кортни продолжает рассказывать Гранту о своём недавнем разговоре с Хартшорном: «Я спросила Николаса, возникали ли у него сомнения в том, что это было самоубийство, и он сказал: «Я и раньше видел тех, кто фальсифицировал самоубийства, и это — не один из таких случаев».

Потом она говорит Гранту, что она «обедала дома у Николаса», когда вернулась в Сиэтл 16 февраля, и потом она попросит отчёты о вскрытии.

За месяц до того, как состоялся этот разговор, Кортни дала интервью журналу «Rolling Stone», в котором она утверждала, что перед смертью Курт оставил ей ещё одно письмо, о котором до сих пор не знали:

> Оно довольно длинное. Я положила его в банковский сейф. Возможно, я покажу его Фрэнсис — возможно. Это крайне безумное письмо. «Ты знаешь, что я люблю тебя, я люблю Фрэнсис, прости меня. Пожалуйста, не следуй за мной». Оно длинное, потому что он повторяется. «Прости, прости. Я буду там, я буду охранять вас. Я не знаю, куда я иду. Я просто больше не могу оставаться здесь».

Грант был заинтригован, не в последнюю очередь потому, что письмо, казалось, подтверждало, что Курт вообще не собирался убивать себя, а, скорее всего, уходил от Кортни. Она обещала помочь достать отчёты о вскрытии, и Грант воспользовался удобным случаем, чтобы спросить её о второй записке.

> ГРАНТ. Как насчёт другой записки? Ты в «Rolling Stone» упоминала другую записку, которую он тебе написал.

КОРТНИ. Это похоже на письмо, и не очень похоже на предсмертную записку. Оно такое, оно кажется больше похожим на… как бы, оно было в запечатанном конверте, и оно было только, так сказать, для меня, и, кажется, он написал его в реабилитационном центре.

ГРАНТ. Где ты его нашла?

КОРТНИ. Оно было в моей спальне, под моими подушками.

ГРАНТ. Под твоими подушками?

КОРТНИ. Да, и я никому, кроме Розмэри, об этом не рассказывала, и я сказала об этом сержанту Кэмерону: я позволила ему взглянуть на это письмо.

ГРАНТ. Тут есть только одна проблема, Кортни.

КОРТНИ. Какая?

ГРАНТ. Я смотрел под твоими подушками.

КОРТНИ. Ну, м-м-м….

ГРАНТ. Мы также смотрели под твоим матрацем.

КОРТНИ. Оно было там.

ГРАНТ. Именно так я нашел роипнол, между твоими матрацами. Той записки не было под подушками на кровати.

КОРТНИ. Том, она была, и я показывала её сержанту Кэмерону, и он может это доказать. У меня она есть. Я её тебе покажу. Независимо от того, хочешь ты её видеть или нет.

ГРАНТ. Да, я бы хотел взглянуть на неё. Я бы хотел её увидеть. Но я говорю тебе, что её там не было ночью перед тем, как было найдено тело, и предыдущей ночью. Потому что мы, знаешь ли, можешь спросить об этом Дилана, собрали подушки. Мы искали наркотики. Мы смотрели под матрацами. Именно там был роипнол. Там не было никакого письма в конверте.

В том же самом интервью «Rolling Stone» 15 декабря Кортни утверждает, что в своей так называемой римской предсмертной записке Курт написал: «Ты больше не любишь меня. Я скорее умру, чем разведусь». Грант спрашивает её об этой записке.

КОРТНИ. Она не очень-то приятная. Мне так кажется.

ГРАНТ. Там было что-нибудь про самоубийство?

КОРТНИ. Там на первой странице явно говорится о самоубийстве. Там говорится — мне так кажется — там написано что-то вроде: «Доктор Бейкер говорит, что я должен выбрать между жизнью и смертью. Я выбираю

смерть». Это — цитата из записки.

Грант явно потрясён этим откровением. Кортни не раз говорила друзьям и журналистам, что в Риме Курт оставил предсмертную записку. Так большинство людей пришло к выводу, что его самоубийство в Сиэтле было просто удачной второй попыткой после первой неудавшейся попытки в Риме. Но этот отрывок о докторе Бейкере, психиатре, который лечил его в «Каньон Рэнч», явно относится к решению Курта продолжать принимать наркотики вместо того, чтобы выказать намерение убить себя. Доктор Бейкер сказал Курту, что тот должен прекратить принимать героин, или это, в конце концов, убьёт его. В этой записке Курт, кажется, говорит, что он выбирает продолжать принимать наркотики вместо того, чтобы заявить о намерении убить себя. Всё это и было так называемой римской предсмертной запиской?

Грант спрашивает её, единственные ли это слова, которые Курт написал о самоубийстве в своей римском записке, помня, что Кортни уже рассказала ему 3 апреля, что в записке «Курт сказал, что он уходит от меня».

КОРТНИ. Там говорилось о желании умереть вместо того, чтобы разводиться.

ГРАНТ. У тебя сохранилась эта записка?

КОРТНИ. Нет, я её сожгла.

ГРАНТ. Ты её сожгла?

КОРТНИ. Отдавая её мне на следующий день после того, как умерла Кристен, сержант Кэмерон посоветовал мне: «От неё никогда не будет никакого проку ни тебе, ни твоей семье», поэтому я её сожгла.

ГРАНТ. Почему кто-то должен был говорить тебе о том, чтобы ты избавилась от неё?

КОРТНИ. Потому что она была не очень приятной. Там говорилось о разводе.

В этом месте разговора Кортни резко переключается на кровь на месте происшествия, когда было обнаружено тело Курта.

КОРТНИ. Когда я поднялась туда, меня обеспокоила одна вещь — потому что я не думала, что [Курт умер] по третьей из двух причин, потому что когда я вошла в комнату…. Я лежала в этой крови, там был только её слипшийся комок. Тебе знакома та фотография, которую поместили на обложку [«Seattle] Times»? Ну, и Курт лежал так, что кровь была там, где находились его ноги.

ГРАНТ. В этом тоже нет никакого смысла. Как кровь могла быть не там, где голова, а там, где ноги?

КОРТНИ. Кто-то написал в Интернете что-то о «дугообразной крови»…. Единственное, что меня беспокоит, это почему его кровь была там, где его ноги?

ГРАНТ. Это не единственное, что беспокоит меня.

КОРТНИ. Почему его кровь была у него в ногах? Почему это единственное место, где есть кровь?

ГРАНТ. Я никогда раньше не слышал это ни от кого.

КОРТНИ. Именно там она и была, Том. Ты видел это. Я думаю, ты меня понимал. Это всё — чёртова галлюцинация. Разве ты там не был?

Оглядываясь назад, Грант полагает, что она пыталась сделать отвлекающий манёвр, чтобы направить его по ложному пути: «Я думаю, Кортни хотела, чтобы я начал публично рассказывать о крови, обо всех видах мусора, что можно будет легко опровергнуть, для того, чтобы я подорвал своё доверие, как сделал тот парень на общедоступном канале». Он имеет в виду сиэтльца по имени Ричард Ли, который с апреля 1994 года вёл еженедельное шоу на общедоступном кабельном канале под названием «Курт Кобэйн Был Убит». Ли повсеместно высмеивали, называя «чокнутым» из-за его собственной эксцентричной теории, которая предполагала, что Кортни убила своего мужа, и затем преступление было скрыто «Geffen Records» и городом Сиэтлом. Одним из главных аргументов Ли было отсутствие крови на месте происшествия, когда было найдено тело Курта.

Грант игнорирует вопрос Кортни о крови и говорит ей, что если она действительно хочет уменьшить его беспокойства, она может пройти проверку на детекторе лжи и попросить Майкла «Кэли» Дьюитта сделать то же самое:

КОРТНИ. [Кэли] надул меня. Я знаю, что в твоей работе паранойя — это реальность, но в моём мире паранойя — тоже реальность…. Я верю тебе, когда ты говоришь мне, что [Кэли] что-то знает. Я на самом деле так думаю в глубине души. Я знаю, что это так, ты знаешь, что это так, и я не знаю, что это, чёрт возьми, но я думаю, что он, возможно, слышал выстрел — вот что я думаю… именно это подсказывает мне моя интуиция…. Я думаю, что он слышал выстрел.

ГРАНТ. Майк хотел бы приехать и пройти проверку на детекторе лжи?

КОРТНИ. Для тебя?

ГРАНТ. Кортни, в этом суть. Правду очень легко

выяснить. Я просто хочу выяснить правду. Если Кэли сможет приехать сюда и пройти проверку на детекторе лжи, мы сможем её узнать до того, как она пойдёт дальше. Пусть он приедет сюда и проверится на детекторе лжи, и потом он будет вне подозрений.

КОРТНИ. Ты думаешь, что на [Курта] кто-то давил или что-то в том роде. В его теле было героина всего примерно на шестьдесят или восемьдесят долларов [когда он был найден мёртвым].

ГРАНТ. Ну, есть то, благодаря чему всё может очень быстро закончиться и решить все ваши проблемы. Если у тебя будет копия отчёта коронера и если Кэли приедет, чтобы провериться на детекторе лжи, это закончится очень быстро. Это весьма просто.

КОРТНИ. Я пройду для тебя эту чёртову проверку, если ты сохранишь это в тайне. Я не знаю, почему — я его так люблю.

ГРАНТ. Ты любишь кого?

КОРТНИ. Своего мужа. И Кэли я тоже, кстати, люблю.

ГРАНТ. Именно поэтому мы можем помочь Кэли. Если мы сможем оправдать Кэли посредством детектора лжи, то он будет далёк от этого, и поверь мне, тогда я буду выглядеть дураком, и никто больше не будет обращать на меня никакого внимания.

КОРТНИ. Сейчас он с моей дочерью. Я хочу, чтобы он мог оставаться там и не связывался с этим прямо сейчас. Я не собираюсь ни с того ни с сего резко звонить ему домой и говорить: «Приезжай в офис Тома Гранта». Я не думаю, что Кэли врёт, потому что он — мой друг. Я наняла его, и к тому же я плачу ему много денег, и он — один из моих лучших друзей, поэтому я не думаю, что он стал бы мне врать, но он мог бы мне врать.

Грант полагает, что её следующее утверждение означает, что она готова позволить Кэли взять её вину на себя, если всё будет складываться плохо, если полиция будет приближаться к правде:

КОРТНИ. Майку был плохо. Я нашла ложки [для героина] в его комнате. Он иногда присматривал за моим ребёнком, когда принимал наркотики, и Курт был в бешенстве; он уволил Майка, потому что он продолжал принимать наркотики. Когда Курт кого-то ругал, он любил писать записки, и у меня есть записка, которую он написал, она довольно длинная, там — все причины, по

которым Кэли больше не может быть нашей няней, потому что он продолжает принимать наркотики и всё такое.

Грант заостряет внимание на этом разговоре как на особенно существенном: «Я думаю, что она пыталась вбить мне в голову, что, возможно, Кэли убил Курта, потому что Курт собирался уволить его, — объясняет она. — Она внушала мне, что у Кэли был мотив».

* * *

В январе 1995 года одиннадцатилетний мальчик из Иль д`Орлин, Квебек, был найден повешенным в подвале своего родительского дома. У ног мальчика его отец нашёл записку, в которой было написано: «Я убиваю себя из-за Курта». В некрологе его мать умоляла других детей не слушать «негативную музыку» «Нирваны».

* * *

Прошло почти девять лет с тех пор, как Грант впервые публично обвинил Майкла «Кэли» Дьюитта в участии в сговоре с Кортни Лав с целью убить её мужа. В 1995 году мы попросили Гранта предъявить нам какие-нибудь доказательства, полностью указывающие на причастность Кэли. Мы спросили, почему он обвинял Кэли, а не Дилана Карлсона в участии в заговоре. Ведь именно Дилан купил винтовку и явно врал по поводу оранжереи.

«Нет, я сразу исключил, что Дилан являлся сообщником, — объясняет Грант. — Когда я вместе с ним ездил по Сиэтлу в поисках Курта, он продолжал говорить, что не понимает, почему Курт женился на Кортни: он поливал её грязью. И после того, как Курт умер, он неоднократно говорил, что его друг не хотел покончить с собой. Если бы он имел к этому отношение, в этом не было бы никакого смысла. Я пришёл к выводу, что Кортни использовала Дилана, но его участия не планировалось».

Теперь Грант готов быть более откровенным о своих мотивах для того, чтобы ссылаться на причастность Кэли?

«Единственное, что я хочу сейчас сказать — это то, что имел место сговор между Кортни и Майклом Дьюиттом, и к этому могут быть причастны другие, — отвечает он. — Помните, я никогда не говорил, что могу разрешить всё это дело один, или

самостоятельно доказать, что Курта убила Кортни или Кэли. Есть ещё несколько вопросов, на которые нужно ответить. Именно здесь, задавая вопросы, полиции понадобится свой значок. Слишком просто не принимать в расчёт частного детектива. Люди не смогут так легко обманывать полицию».

Ни Кортни, ни Кэли никогда не реагировали на заявления Гранта, но Чарлз Кросс в биографии, авторизированной Кортни, сообщает некоторые сомнительные детали о действиях Кэли на той неделе, когда исчез Курт — детали, которые, как кажется на первый взгляд, отводят подозрения и от Кэли, и от Кортни. Согласно этой точке зрения, Кэли проснулся утром в субботу, 2 апреля, и обнаружил, что Курт сидит на его кровати. Он утверждает, что велел Курту позвонить Кортни, а затем снова завалился спать, обессиленный после кокаиновой пирушки прошлой ночью. Далее следует сообщение, которое является верхом легкомыслия: описание многократных звонков Кортни домой позже тем утром, когда она пыталась определить местонахождение Курта.

Возвращаясь в дом Кобэйна, основной телефон звонил каждые десять минут, но Кэли боялся отвечать, думая, что это Кортни. Когда он, наконец, ответил, он сказал ей, что не видел Курта. Кэли, всё ещё не пришедший в себя после наркотиков, подумал, что появление Курта у его кровати — это просто сон.

Кросс пишет, что два дня спустя Кэли, наконец, вспомнил, что видел Курта, и только тогда он сообщил эту новость Кортни. К тому времени, когда вышла книга Кросса, Том Грант уже публично объявил о том, что, когда Кортни наняла его, она необъяснимым образом не удосужилась рассказать ему о том, что Курта видели дома в субботу утром. Это новое сообщение даёт подходящее объяснение того, почему она этого не сделала.

Проблема в том, что это явная ложь. Грант говорил с Кэли в мае 1994 года, и в этом разговоре нянь подтвердил, что он сообщил Кортни о том, что видел Курта в тот же день, он видел его в субботу, 2 апреля. Грант также говорил с Эриком Эрландсоном в том же месяце, и в этом разговоре гитарист Кортни признался, что Кэли сказал ему, что он видел Курта 2 апреля и сообщил об этом Кортни в тот же день. Кроме того, Дилан Карлсон сказал в интервью «Seattle Times» 11 мая, что Кэли звонил ему 2 апреля и сказал, что он видел Курта, и что Курт «вёл себя странно». Следовательно, сообщение в книге Кросса, несомненно, ложно. Но откуда оно взялось? Кросс не указывает никаких источников. Если сообщение исходило от Кортни или от Кэли, выводы настораживают.

В равной степени озадачивает ещё одно сообщение в книге Кросса о действиях Кэли 7 апреля, за день до того, как было обнаружено тело Курта. Согласно этому сообщению, Кэли остался в квартире своей подруги Дженнифер Адамсон, потому что он «боялся находиться в доме Кобэйна». Когда Кортни узнала об этом в четверг, пишет Кросс, она была «разгневана» и потребовала, чтобы Кэли немедленно возвращался, чтобы найти Курта. Поэтому тем же вечером Кэли и Дженнифер, а также их подруга приехали в дом на Лэйк Вашингтон, когда уже «смеркалось». Они осмотрели весь дом, не найдя никаких следов Курта. Именно тогда Кэли набросал записку, в которой он обвинял Курта в том, что он «находился в доме, чтобы я этого не заметил», и положил её на лестницу. Различные сообщения в СМИ, включая книгу Кросса, сообщили, что в спальне хозяина был включён телевизор, настроенный на «MTV» с отключённым звуком, намекая, что Курт был в доме и смотрел телевизор. (По-видимому, именно это имеет в виду Кэли в своей записке). Однако когда Грант и Дилан Карлсон обыскивали дом за ночь до этого и ещё раз в четверг вечером, они обнаружили включённый телевизор в спальне Кэли, а не Курта.

Кросс пишет, что после того, как Кэли, Дженнифер и их подруга, Бонни Диллард, закончили осматривать дом «с наступлением ночи», троица «с большим вздохом облегчения» села в машину и отъехала от дома. Тогда Бонни сказала Кэли и Дженнифер, что ей показалось, что она видела «что-то над гаражом…. Я просто видела там какую-то тень». Но сообщают, что Дженнифер подумала, что её подруга просто «суеверна», и поэтому они не развернули машину, чтобы проверить оранжерею.

Это — жуткая история и придумана для приятного чтения. К сожалению, этого не могло быть. Согласно отчётам Полицейского Управления Сиэтла, которые мы добыли, 7 апреля такси «Грэйтоп» отправилось к дому на Лэйк Вашингтон, приехав приблизительно в 16:00. Водитель забрал «белого мужчину лет 20-ти, 5`8–9’, худощавого телосложения, слегка небритого, и с тёмными волосами», и привёз его в аэропорт. Это явно описание Кэли, как подтвердило Полицейское Управление Сиэтла, когда они разговаривали с ним неделю спустя. Кэли сказал полиции, что он действительно добирался до аэропорта на такси днём в четверг, 7 апреля, чтобы успеть на самолёт до Лос-Анджелеса, потому что «Кортни обвиняла его в том, что он прятал Курта после того, как он сбежал из больницы, поэтому он летел в Лос-Анджелес [7 апреля], чтобы сказать ей лично, что он этого не делал». В итоге Кэли — как и Кортни — был в Лос-Анджелесе в день, когда было обнаружено тело Курта.

Если Кэли уехал из дома на такси в 16:00 в четверг, чтобы ехать в аэропорт, то он никак не мог осматривать дом с Дженнифер Адамсон и её подругой вечером того же дня в сумерках, «с наступлением ночи», написать записку и положить её на лестницу, а затем уехать из дома на машине Адамсон, как рассказывает Кросс в своей книге. По сообщениям Национальной метеорологической службы США, солнце в тот день зашло в 19:47, спустя почти четыре часа после отъезда Кэли в аэропорт.

Кроме того, Кросс пишет, что Кортни только в четверг, 7 апреля, узнала, что Кэли не остался в доме, и что она была «разгневана», когда узнала, что он остался в квартире своей подруги Дженнифер Адамсон. Именно поэтому она якобы послала его в четверг обратно в дом, чтобы отыскать Курта. Однако отчёты о её телефонных переговорах отеля «Пенинсула» доказывают, что она неоднократно звонила Кэли в квартиру Дженнифер Адамсон на той неделе, начиная уже со вторника, 5 апреля, что означает, что Кортни уже хорошо знала, что Кэли больше нет в доме на Лэйк Вашингтон. Ещё одна явная фикция, но что это означает?

Кто в ответе за то, что эти ложные утверждения отказались в биографии Кросса? Несомненно, тот, кто хочет, чтобы мир думал, что Курт был всё ещё жив, но готовился умереть один в оранжерее, после того, как Кэли в последний раз уехал из дома.

Три года спустя Кортни предоставила строительной компании, принадлежащей отцу Кэли, очень выгодный контракт на сотни тысяч долларов, чтобы отремонтировать её дом на Лэйк Вашингтон непосредственно перед тем, как она выставила его на продажу. Она уже обеспечила высокооплачиваемую А работу для Кэли на «Geffen Records».

Однако мы так и не увидели ни одного убедительного доказательства, доказывающего, что Майкл Дьюитт был причастен к смерти Курта. Когда мы прямо говорим ему об этом, Грант ведёт себя уклончиво: «Единственное, что я могу сейчас сказать — то, что это было убийство, организованное так, чтобы оно напоминало самоубийство. Если я открою карты слишком рано и покажу всё, что у меня есть, до того, как привлечь к этому полицию, я подозреваю, что доказательства внезапно исчезнут, рассказы поменяются, а те, кто к этому причастен, заметут свои следы».

8

Вернон Джеберт полагает, что существует формула того, как убийство может сойти с рук.

«Если вы хотите организовать убийство так, чтобы оно напоминало самоубийство, она помогает оставить след самоубийства, — объясняет бывший начальник Оперативной Группы Бронкса по Убийствам, который считается ведущим экспертом Америки по инсценированным местам преступления. — То есть она помогает вбить людям в головы, что жертва уже была склонна к самоубийству. Таким образом, следователи будут предрасположены к решению, что эта смерть — самоубийство».

Слова Джеберта, возможно, не дают объяснение необычному ряду событий, которые имели место 18 марта 1994 года — примерно за две недели до того, как умер Курт. В тот день в полицию на номер 911 поступил звонок от Кортни, заявившей, что её муж заперся в комнате с оружием и угрожает покончить с собой.

Когда полицейские прибыли в особняк на Лэйк Вашингтон, они действительно обнаружили, что Курт заперся в комнате. Однако, согласно полицейскому отчёту, открыв дверь, Курт тотчас же сказал полицейским, что он на самом деле заперся, «чтобы держаться подальше от Кортни». Он утверждал, что он не хотел покончить с собой или ранить себя. И, вопреки тому, о чём сообщила его жена, позвонив по 911, у него не было никакого оружия.

Когда полицейские расспросили Кортни о её телефонном звонке, она была вынуждена признать, что она «не видела его с оружием, и он не говорил, что собирается покончить с собой». Когда он заперся в комнате и отказался открывать дверь, сказала она, «зная, что он имел доступ к оружию, она позвонила по 911 ради его безопасности и здоровья». Просто для того, чтобы это гарантировать, полицейские конфисковали из дома четыре ружья, коробку с патронами и бутылку с таблетками Курта от боли в желудке.

Две недели спустя, конечно же, Кортни сделала ещё одно ложное сообщение в полицию, сообщение о пропаже человеке, представившись матерью Курта, Венди О`Коннор. В нём она также упоминала оружие и самоубийство, сообщив, что Курт «купил винтовку и может покончить с собой».

Могли эти два ложных сообщения в полицию быть попыткой оставить «след самоубийства»? Если это так, это было весьма

эффективно. В сообщении о происшествии в Полицейское Управление Сиэтла, сделанном в день, когда было найдено тело Курта, первый полицейский, который прибыл на место происшествия, описал смерть как «самоубийство» и рассказал детективам по убийствам, что он знал о том, что семья Кобэйна заявила о пропаже человека в Полицейское Управление Сиэтла. Семья опасалась, что потерпевший может покончить с собой, и он недавно купил винтовку».

У Гранта не было абсолютно никаких сомнений относительно намерений Кортни. «Конечно, она пыталась оставить официальный след, показывающий, что Курт перед смертью был склонен к самоубийству, — говорит Грант. — Просто посмотрите на её действия. Она сделала даже не одно, а целых два ложных заявления менее чем за две недели до его смерти. В каждом упоминалось самоубийство, в каждом упоминалось оружие. Зачем ещё ей надо было это делать? Почему она лгала полиции? Она делала то же самое и по отношению ко мне, когда она меня наняла. Она постоянно говорила мне, что он хочет покончить с собой, он купил винтовку и что «все думают, что он мёртв». Проблема состоит в том, что когда я говорил с теми, кто знал его лучше всех, они все говорили мне одно и то же: что он не хотел покончить с собой, и что он любил оружие, поэтому тот факт, что он купил винтовку, совершенно не доказывало того, что он планировал покончить с собой».

Мы обнаружили в точности то же самое, когда провели месяц в Сиэтле в декабре 1995 года. Более года Курт изображался в СМИ как подавленный, ненавидящий сам себя, суицидально настроенный героинщик, который, в конце концов, стал жертвой соблазнов, которые преследовали его много лет.

В течение нескольких недель мы говорили с сиэтлскими музыкантами, торговцами наркотиками и с другими обитателями внешнего мира Курта. Хотя некоторые рассказывали, что он был «угрюмым», «замкнутым» или «необщительным», никто не считал, что он был склонен к самоубийству. Большинство соглашается с тем, что он стал другим человеком после того, как родилась Фрэнсис Бин. Но насколько хорошо на самом деле все эти люди знали Курта? Большинство из них были, в лучшем случае, шапочными знакомыми; некоторые, вероятно, преувеличивали их дружбу. Никто не казался особенно сведущим, чтобы говорить о душевном состоянии Курта на момент его смерти. В итоге мы решили добиться интервью с человеком, который, как утверждают, знает Курта лучше всех, с его самым близким другом, Диланом Карлсоном. В то время Йэн Гальперин был профессиональным музыкантом. Бывший член его группы, Касио,

болгарин, который переехал в Сиэтл годом ранее, сказал нам, что он дружил с Диланом и, вероятно, сможет устроить встречу.

Они собирались на джем-сейшн на уик-энд, и Касио пообещал, что если мы туда заглянем, он нас познакомит. В то время двадцатишестилетний Дилан был лидером «Earth», пробивающейся сиэтлской «эмбиент-метал»-группы, которая несколькими годами ранее подписала контракт со студией звукозаписи «Sub Pop».

В назначенное время мы добрались до места джем-сейшна в университетском районе. Если бы Стивен Кинг когда-нибудь писал роман о грандж-сцене, он начал бы его в этом доме — трехэтажном, в стиле викторианской готики, который снаружи выглядел так, как будто там было полно привидений. Войдя внутрь, нам не понадобилось много времени, чтобы понять, что этот дом — «ширяльная контора» — место, куда приходят наркоманы, чтобы купить героин и уколоться. Повсюду в доме балдеющие наркоманы шлёпались на кушетки и потёртые матрацы. Мы нашли Касио, друга-музыканта Йэна, в подвале, усердно стучащим на комплекте старых барабанов «Tama», в то время как Дилан Карлсон джемовал на видавшей виды гитаре «Fender». Несколько минут спустя они сделали перерыв, и Касио представил нас как своих друзей из Монреаля. Чтобы объяснить наличие видеокамеры, мы сказали Дилану, что снимаем документальный фильм о закате сиэтлской сцены. (Тогда мы действительно планировали выпустить документальный фильм). Мы не упоминали Курта Кобэйна или то, что мы знаем, что Дилан был его лучшим другом. Именно Дилан, в конце концов, заговорил об этом. Как только он это сделал, он с большим желанием принялся рассказывать о своём старом друге и обстоятельствах, происшедших после смерти Курта. Он подробно описал нам тот день и при следующей встрече.

Они познакомились в Олимпии несколько лет назад, объяснил Дилан, и вскоре стали лучшими друзьями, хотя они во многом были очень разными. Мы попросили его привести нам пример.

«Ну, во-первых, я — республиканец. Я был большим поклонником Джорджа Буша [старшего]; мне нравились его убеждения. Курт его терпеть не мог. Ему очень нравился Клинтон». Действительно, Курту в значительной степени приписывали то, что он помог Клинтону победить на президентских выборах в 1992 году, убеждая поколение молодых американцев голосовать за играющего на саксофоне демократа. Впоследствии говорили, что Челси Клинтон была заядлой фанаткой «Нирваны».

После упоминания о пристрастии Курта к наркотикам («Он принимал не так много наркотиков, как думают люди»), о Кортни Лав («Я познакомился с ней всего за день до их свадьбы на Гавайях, когда я был шафером…. Я всегда весьма неплохо ладил с Кортни…. Она иногда платит за меня арендную плату…. Она освободила меня из тюрьмы, когда меня арестовали из-за наркотиков»), и о его любви к оружию («Я терпеть не мог всю эту толпу контроля за оружием»), Дилан, наконец, вернулся к теме последних дней Курта.

«Вы знаете, я — тот, кто купил ему оружие», — сказал он нам мимоходом. Когда мы спрашиваем, почему, он объясняет: «Его ограбили или что-то вроде того, и он сказал, что оно ему нужно для защиты. Он хотел, чтобы его купил я, потому что копы недавно конфисковали всё его оружие, и он боялся, что они снова заберут его, если оно будет зарегистрировано на его имя. Я думаю, что он также отчасти боялся упорных преследователей. Его героем был Джон Леннон, вы знаете, и годом раньше была убита Миа [сиэтлская панк-рокерша Миа Сапата], поэтому я считаю, что у него были свои причины».

Разве Курт, как известно, не был склонен к самоубийству? Разве он уже не пытался покончить с собой в Риме месяцем раньше?

«Тогда Курт определённо не хотел покончить с собой, иначе я никогда не купил бы оружие, — утверждает он. — Он был моим лучшим другом, поэтому я бы знал, была ли в Риме попытка самоубийства. Ничего подобного. Годом раньше я бы поверил в это из-за боли, но он больше так не говорил. У него было столько планов на тот момент, когда он вернулся из реабилитационного центра».

Комментарии повторили то, что Дилан сказал репортёру из «Seattle Post-Intelligencer» спустя неделю после смерти Курта: «Курт столкнулся с большим количеством довольно тяжёлых вещей, но он был на самом деле довольно оптимистично настроен. Он был готов иметь дело с тем, с чем он столкнулся…. Курт просто хотел заниматься музыкой и не хотел выполнять однообразную работу».

Дилан также сказал нам, что они с Куртом «обычно всё время ходили пострелять, только по мишеням и всякому такому. Курт не любил охоту. Мы шли в лес и стреляли по жестяным банкам».

Примерно то же самое Курт сказал Дэвиду Фрикке из «Rolling Stone» за несколько месяцев до своей смерти: «Я люблю оружие. Мне просто нравится стрелять… когда мы выбираемся в лес, на стрельбище. Это не официальное стрельбище … это очень большой холм, поэтому невозможно выстрелить выше холма и

кого-то ранить».

Курт сказал Фрикке, что не думал, что иметь оружие в доме опасно: «Это защита. У меня нет телохранителей. Есть люди менее популярные, чем я, или Кортни, кого могут преследовать и убить. Видишь, я — не очень крепкий физически. Я не смог бы остановить злоумышленника с оружием или с ножом…. Это для защиты. И иногда забавно выйти и пострелять…. Это — единственный вид спорта, который мне нравится».

Однако, несмотря на то, что Курт открыто заявлял о своей склонности к оружию и его навязчивой идеей защитить свою семью, Кортни постоянно заостряла внимание на приобретении им винтовки как доказательстве того, что он планировал покончить с собой в течение недели, когда он пропал.

Когда Фрикке брал интервью у Кортни для «Rolling Stone» в декабре 1994 года, он напомнил ей о своём интервью с Куртом годом ранее: «Когда я прямо спросил его об оружии в нашем интервью, он стал говорить об учебной стрельбе».

Кортни ответила: «Он всё наврал, чёрт возьми. Он никогда в жизни не ходил на охоту. Однажды он сказал: «Я пойду пострелять». Ага. Во что стрелять? Он даже в тире никогда не попадал».

Почему Курт заставил Дилана купить ему оружие 30 марта, в день, когда он покинул реабилитационный центр, является одной из долгосрочных тайн в этом деле. Винтовка, которую купил Дилан — «Ремингтон», модель II 20-го калибра, «установленная на неполный заряд». Курт сказал Дилану, что боится злоумышленников, и что недавно на территории его дома на Лэйк Вашингтон побывало множество правонарушителей. Его выбор оружия, казалось, подтверждал это. Установка винтовки на неполный заряд — это то, что продавцы оружия часто рекомендуют своим клиентам для домашней защиты, потому что выстрел пули в одной комнате не пробьёт стены, и не будет подвергать опасности тех, кто находится с той стороны. Кроме того, очевидно, что и Курт, и Кортни в этот период действительно были заинтересованы в защите своего дома от злоумышленников, потому что они только что заключили контракт с «Veca Electric», чтобы установить систему полной безопасности дома. (Именно электрик этой компании обнаружил тело Курта 8 апреля).

Но наилучший признак того, что Курт купил винтовку для защиты, а не для того, чтобы покончить с собой — тот факт, что, когда полиция нашла оружие, оно было заряжено тремя патронами, включая тот, который убил его. Зачем Курт зарядил ружьё тремя патронами, если он намеревался выстрелить себе в рот? Несомненно, хватило бы и одного.

Однако к тому времени, когда полицейские отчёты стали доступными, эти и другие скрытые детали дела считали несущественными. В конце концов, говорили, что Курт забаррикадировался в своей комнате. К тому же, по словам Кортни, Курт уже пытался покончить с собой в Риме месяцем ранее. Он даже оставил записку, сказала она. Ни у кого не было никаких причин сомневаться в её словах.

* * *

Чтобы установить, что же на самом деле произошло в Риме, важно найти отличия между сообщениями его сверстников и более широко распространённой Кортни Лав версии событий, опубликованными после смерти Курта.

Мы знаем наверняка, что на следующий день после мюнхенского концерта «Нирваны» 1 марта Курт показался врачу, который определил, что у него бронхит, и порекомендовал, чтобы он отменил турне на два месяца. На следующий день, 3 марта, Курт вылетел в Рим, где он встречал Кортни и Фрэнсис Бин, которые прилетели из Лондона. Курт остановился в номере 541 с несколькими комнатами в римском пятизвёздочном отеле «Эксельсиор», чтобы ожидать их приезда. Примерно во второй половине дня Кортни приехала в отель с Фрэнсис Бин и Кэли Дьюиттом. О том, что случилось в этот период времени, известно немного, но где-то между 6:00 и 6:30 утром следующего дня консьержу «Эксельсиор» поступил звонок от Кортни с просьбой вызвать «скорую». Когда приехали врачи, они обнаружили Курта без сознания и поспешно отвезли его в римскую многопрофильную Больницу Умберто I, где ему сделали промывание желудка.

Спустя двадцать часов Курт пришёл в себя в римской Американской Больнице, куда его перевезли по просьбе Кортни. На следующий день его врач, Освальдо Галлетта, провёл пресс-конференцию, чтобы сообщить, что Курт оправился от «фармакологической комы, возникшей не из-за наркотиков, а из-за комбинированного действия алкоголя и транквилизаторов, которые в виде лекарства были прописаны врачом». Только в ANSA, Итальянском национальном информационном агентстве, сказали, что это за транквилизаторы, потому что люди начали задавать вопросы.

Сообщалось, что Курт смешал шампанское с прописанным транквилизатором под названием роипнол. В Риме этот препарат наиболее известен как успокоительное или снотворное средство,

поэтому упоминание его наименования не привлекло большого внимания. Но в Соединённых Штатах роипнол был уже больше известен под своим зловещим прозвищем: «Препарат Насилия На Свидании». В особенности в университетских городках транквилизатор стал печально известен из-за использования в качестве незаконного средства сексуального завоевания. При добавлении в напиток таблетка без запаха быстро растворяется и может вскоре вызвать провал в памяти или уменьшить сопротивление. Придя в себя, жертва часто не в состоянии вспомнить, что произошло. В полицейские участки на всей территории Соединённых Штатов обращались женщины, просыпающиеся голыми в студенческих общежитиях или в незнакомой обстановке, жертвы сексуального нападения, будучи под воздействием этого наркотика. Только в 1996 году Американское Агентство По Борьбе С Наркотиками сообщило о более тысячи таких случаев в национальном масштабе. По сообщению Национального Института Наркомании, роипнол, особенно при смешивании с алкоголем или другими наркотиками, может привести к угнетению дыхания, аспирации и даже смерти.

Мог ли кто-то добавить дозу роипнола, сделавшую Курта недееспособным, в его напиток без его ведома? Именно об этом размышляет Том Грант: «Я думаю, что Кортни подмешала роипнол в напиток Курта, чтобы вызвать передозировку. Я твёрдо уверен, что это была её первая попытка убить его».

Поддерживая теорию Гранта, позже сообщалось, что роипнол на самом деле был прописан Кортни, а не Курту. После его смерти в британском музыкальном журнале «Select» сообщалось, что один из его журналистов брал интервью у Кортни в её лондонском гостиничном номере 3 марта, за час до того, как она вылетела в Рим к Курту. Один отрывок из этой статьи кажется зловеще многозначительным:

> В лондонском гостиничном номере Кортни Лав в центре комнаты на большом столе из красного дерева среди разбросанных бумаг и пачек сигарет лежит коробка роипнола. «Слушай, я знаю, что это — контролируемое вещество, — улыбается она, высыпая один из тех шипучих порошков от расстройства желудка в бокал с водой и разводя роипнол. — Это мне дал врач. Это как валиум».

После смерти Курта, когда Кортни впервые заявила, что в Риме произошла неудавшаяся попытка самоубийства, транквилизаторы играли значительную роль в историях, которые

она рассказывала об этом инциденте. По её версии, она «нашла две пустых прозрачных упаковки роипнола рядом с Куртом — он принял шестьдесят таблеток размером с аспирин, вынимая каждую по отдельности из контейнера из полимерной плёнки». Впоследствии она сказала в интервью «Rolling Stone»: «Я могу понять, как это случилось. Он принял пятьдесят чёртовых таблеток».

Конечно, если бы Курт действительно принял пятьдесят или шестьдесят таблеток роипнола, это было бы доказательством того, что в Риме действительно произошла попытка самоубийства. Однако нет ни одного свидетеля, который на самом деле видел пустые пачки роипнола — ни врачи, ни кто-либо из служащих отеля. СМИ и биографы просто признали за правду версию инцидента, рассказанную Кортни.

Когда мы взяли интервью у доктора Освальдо Галлетты, врача, который лечил Курта после его передозировки, он неистово отрицал, что Курт принял огромное количество роипнола, как рассказывала Кортни. И при этом он не думал, что передозировка Курта была преднамеренной. «Обычно мы можем говорить о попытке самоубийства, — сказал нам он. — Мне это таковой не казалась. Он смешал транквилизаторы и алкоголь, а когда вы это делаете, вы играете с огнём». После смерти Курта доктор Галлетта сказал репортёрам: «Последний его образ, оставшийся в моей памяти, который в свете трагедии теперь кажется патетическим, это молодой человек, играющий с маленькой девочкой [Фрэнсис]. Он не напоминал молодого человека, который хочет покончить со всем этим».

Сомнения Галлетты и отсутствие свидетелей не имели бы совершенно никакого значения, если бы Курт на самом деле оставил предсмертную записку в Риме. И тут появилось откровение Кортни о записке, которое убедило прессу и публику, что в Риме произошла попытка самоубийства. Но, как мы слышали, Кортни сказала Гранту, что письмо, которое оставил ей Курт, вообще похоже не на предсмертную записку, а на декларацию независимости мужа от жены, которую он терпеть не может. В этом письме, как призналась Кортни Гранту, Курт написал, что он уходит от неё: «Оно не очень хорошее. Мне так кажется…. Оно на самом деле не очень приятное. В нём говорилось о разводе». Одна часть записки разумно могла бы быть истолкована как имеющая отношение к самоубийству — та, где Курт заявляет, что «выбирает смерть» — полностью вырвана из контекста.

Даже сотрудники Полицейского Управления Сиэтла, которые видели римское письмо, не думали, что это была предсмертная

записка. Согласно одному источнику из Полицейского Управления Сиэтла, который критиковал расследование, которое проводил его отдел, «Лав дала нам ещё одну записку, которую, по её словам, Курт написал в Риме. Она сказала, что это была предсмертная записка, но это было не так. Это было бессвязное письмо, которое было очень нелестным по отношению к ней. Есть некоторые скрытые упоминания, которые вы могли бы с натяжкой счесть относящимися к самоубийству».

Во время римской передозировки Курта компания «Geffen Records» сама сделала заявление, объявив, что смешивание Куртом алкоголя и транквилизаторов «определённо не было попыткой самоубийства — это произошло совершенно случайно». Но, возможно, самое существенное публичное заявление о римском инциденте сделала Джэнет Биллиг, представитель управляющей компании «Нирваны», «Gold Mountain». Биллиг рассказала «Rolling Stone» — после смерти Курта — что она говорила с Куртом о записке в Риме, и «Курт утверждал, что это была не предсмертная записка. Он просто взял все деньги, принадлежащие им с Кортни, и собирался убежать и исчезнуть». Это, казалось бы, подтверждало то, что Кортни сказала Тому Гранту 3 апреля, что в записке Курт «говорит, что он уходит от меня». В свете этого открытия особенно интересно читать то, что Кортни сказала в интервью журналу «Select» в то время, когда Курт всё ещё находился в римской больнице, оправляясь от комы: «Если он думает, что сможет так легко отделаться от меня, он может об этом забыть. Я за ним и в ад пойду».

В книге Чарлза Кросса «Тяжелее Небес» Розмэри Кэрролл впервые указывает на решающую часть хронологической загадки. Она уже дала понять Тому Гранту, что Курт хотел развестись с Кортни, но никогда не говорила ему точно, когда Курт впервые заявил о своих намерениях. Кросс восполняет отсутствующие данные: что произошло 1 марта в Мюнхене незадолго до его выхода на сцену, чтобы отыграть свой последний концерт, и за два дня до того, как он встретился с Кортни в Риме.

За кулисами он позвонил Кортни, и их разговор закончился ссорой, как и все их разговоры за последнюю неделю. Потом Курт позвонил Розмэри Кэрролл и сказал ей, что хочет развестись.

За шестьдесят часов этих телефонных звонков мы узнали, что Курт вылетел в Рим, написал Кортни письмо на трёх страницах, заявив, что он уходит от неё, и впал в кому после того, как проглотил препарат насилия на свидании, роипнол. Однако когда Кортни рассказывала об их встрече «Rolling Stone», она изобразила романтический сценарий:

> Курт сделал для меня всё, что мог, когда я приехала туда [в Рим]. Он купил мне розы. Он купил кусочек Колизея, потому что он знал, что я люблю римскую историю. Я выпила немного шампанского, приняла валиум, мы занялись сексом, я заснула.

История изобилует противоречиями, однако одна вещь всегда особенно беспокоила нас. Если, как утверждает Грант, Кортни намеревалась убить Курта в Риме, почему она вызвала «скорую» после того, как она нашла без сознания, таким образом спасая ему жизнь? Почему она просто не оставила его умирать? В сущности, мы всегда ссылались на её действия в Риме как на один из важнейших недостатков в теории убийства Гранта. И хотя это не опровергает того факта, что Курт был убит, это, казалось, делало саму Кортни невиновной в преступлении.

Мы уверены, что у Гранта нет никаких веских доказательств для подтверждения своего серьёзного заявления, что в Риме Кортни пыталась убить своего мужа, и мы критиковали его в нашей первой книге за то, что он сделал такое необоснованное заявление. В ответ он предложил множество сомнительных версий. Возможно, она слишком поздно поняла, что Курт проглотил недостаточно роипнола, чтобы убить его, предполагал Грант, и она хотела сделать так, чтобы она хорошо выглядела, будто бы спасая ему жизнь. Но спустя несколько лет с тех пор, как мы впервые открыто выразили свои сомнения, обнаружилась некоторая дополнительная информация, заставив нас переосмыслить наш первоначальный скептицизм.

Первое и самое серьёзное сообщение сделала сама Кортни. В многопрофильной больнице Умберто I подтвердили, что Курта привезли на «скорой» примерно в 7:00 утра, в это же время врачи немедленно сделали ему промывание желудка. Эта временная последовательность, казалось бы, соответствовала заявлению отеля «Эксельсиор», что консьержу поступил звонок из номера Кортни незадолго до 6:30 утра с просьбой вызвать «скорую». Однако восемь месяцев спустя Кортни сказала Дэвиду Фрикке из «Rolling Stone», как она нашла Курта без сознания приблизительно за два — три часа до того, как она вызвала «скорую»:

> Я повернулась к нему примерно в 3 или 4 утра, чтобы заняться любовью, а его не было. Он был в конце кровати с тысячей долларов в своём кармане и запиской, в которой было написано: «Ты меня больше не любишь. Я скорее умру, чем разведусь»…. Я могу понять, как это случилось. Он принял 50 чёртовых таблеток.

Почему она ждала более двух часов, прежде чем вызвать «скорую» в 6:30 утра? Она ждала, чтобы сначала убедиться, что он мёртв? Или её просто неверно процитировали в «Rolling Stone»? Вот версия, которую она рассказала в интервью журналу «Spin»:

> И мы заказали шампанское, потому что с нами чуть-чуть побыл Пэт [Смир], а Курт не пьёт, а потом мы уложили Фрэнсис спать. И мы стали заниматься сексом и заснули. Он, должно быть, проснулся и стал писать мне письмо о том, каким он чувствовал себя отвергнутым. Но я не уверена, я так думаю, потому что он не был отвергнут. Мы оба заснули. Во всяком случае, я проснулась, кажется, в четыре утра, чтобы дотронуться до него, в основном, чтобы трахнуться с ним, ведь я его так долго не видела. А его не было. А я всегда начинаю волноваться, когда Курта нет, потому что я думаю, что он где-нибудь в углу, занимается чем-то плохим. А он был на полу, и он был мёртв. Из его ноздри текла кровь. И он был полностью одет. Он был в вельветовом пальто, и у него было 1 000 американских долларов, сжатых в одной руке, которая была серой, и записка в другой.

Здесь она подтверждает, что она не только нашла его в 4:00 утра, но ещё и подумала, что он был «мёртв».

Когда «скорая» везла Курта в больницу примерно два — три часа спустя, Кортни ехала сзади вместе с мужем. Когда они приехали в больницу около 7:00 утра, и двери «скорой» распахнулись, знаменитый итальянский папарацци Массимо Сестини, предупреждённый об их прибытии, уже ждал, чтобы сделать моментальные снимки. На его фотографии, которая была повсеместно опубликована, запечатлена Кортни, полностью накрашенная. Многие из тех, кто видел эту фотографию, поражены тем фактом, что, хотя её муж был при смерти, у неё было самообладание, чтобы воспользоваться косметикой до того, как приехала «скорая».

Различные сообщения в СМИ рассказывали о первой просьбе Курта после того, как он пришёл в себя после комы: земляничный молочный коктейль. Только Чарлз Кросс пишет о первом из того, что сделал Курт. У него во рту всё ещё было полно трубочек, и он взял карандаш и блокнот и набросал записку для Кортни, которая ждала у его постели. Первые слова, которые он написал, это: «Твою Мать!». Потом он потребовал, чтобы трубочки были удалены у него изо рта, и попросил молочный коктейль. По-видимому, только Кортни знает, что означал недовольный жест Курта.

Кросс в своей книге «Тяжелее Небес» приводит ещё одну интригующую деталь об инциденте в Риме. В то утро «женщина, назвавшаяся Кортни, оставила сообщение [главе «Geffen Records»], в котором говорилось, что Курт мёртв». По-видимому, из-за этого звонка в некоторых выпусках американские СМИ, включая Си-Эн-Эн, неправильно сообщили, что Курт умер. После часовой паники и скорби в «Geffen», сообщает Кросс, «выяснилось, что звонившая была самозванкой». Кто это выяснил? И, что ещё больше беспокоит, как узнали, что та, кто звонил, на самом деле не Кортни? Она просто впоследствии это отрицала? Или к тому времени узнали, что Курт ещё жив и, таким образом, предположили, что звонок был мистификацией? Геффен не скажет, а Кросс не называет никакого источника этого разоблачения.

Если звонила Кортни, это показывает, что сначала она думала, что Курт был мёртв, и поэтому, возможно, вызвала «скорую», ошибочно полагая, что она уже достигла цели и убила своего мужа. В итоге сама Кортни впоследствии сказала репортёру, что она думала, что Курт был мёртв. Однако это просто догадка, и она далека от убедительного доказательства того, что она попыталась убить Курта в Риме.

Пока не появится более убедительное оправдание, вызов ею «скорой» не может быть самым неоспоримым признаком того, что Кортни невиновна в ужасном обвинении, которое публично выдвинуто против неё уже почти десятилетие.

* * *

В течение многих лет сторонники теории убийства утверждали, что Курт никогда не был склонен к самоубийству, а просто Кортни навесила ему этот ярлык после его смерти. Однако заявления самого Курта наводят на мысль, что он, по крайней мере, играл с этой идеей в определённые моменты своей жизни. Действительно, именно Курт, а не Кортни в 1993 году дал репортёру «Rolling Stone» Майклу Азерраду следующее объяснение того, почему он начал употреблять героин:

> Я решил привыкнуть к этому. Я хотел этого. Я сказал: «Это — единственное, что спасёт меня от того, чтобы вышибить себе мозги прямо сейчас».

В другом интервью «Rolling Stone» год спустя он приводит в равной степени пророческую цитату:

> В течение пяти лет, за то время, когда у меня была проблема с желудком, да, я каждый день хотел покончить с собой. Я много раз был близок к этому. Я извиняюсь, что я так прямо об этом говорю. Это было, кстати, когда я был в туре, лежал на полу, отрыгивая воздух, потому что я не мог удерживать воду.

Однако именно в этом интервью, вышедшем менее чем за три месяца до его смерти, Курт заявляет:

> «Я никогда в жизни не был таким счастливым», потому что «мой желудок меня больше не беспокоит».

Часто ссылаются на тот факт, что Курт первоначально назвал последний альбом «Нирваны» «I Hate Myself and I Want to Die» («Я Ненавижу Себя и Хочу Умереть»), также, казалось бы, наводит на мысль, что в тот период Курт думал о самоубийстве. Только под давлением своей студии звукозаписи Курт согласился изменить название на «In Utero». Когда он спросил Дилана Карлсона, как тот мог сказать, что Курт не был склонен к самоубийству, учитывая явную масштабность таких упоминаний за эти годы, он пожал плечами. «Всё это было просто шуткой, — сказал он. — Курт сам так сказал. И когда он говорил о том, что вышибет себе мозги, любой из тех, кто знал его, знал, что когда он так говорил, он просто рассказывал о боли. Я не думаю, что он имел это в виду буквально. Это было выражение, которое он употреблял».

За несколько месяцев до смерти Курта репортёр «Rolling Stone» Дэвид Фрикке спросил его, что он буквально подразумевал под названием «I Hate Myself and I Want to Die»:

> Настолько буквально, насколько может быть шутка. Не что иное, как шутка. Но мы решили убрать его вовсе не поэтому. Мы знали, что люди не поймут; они воспримут его слишком серьёзно. Оно было полностью сатирическим, высмеивающим нас самих. Обо мне думают как об этаком стервозном, хныкающем шизофренике с поехавшей крышей, который всё время хочет покончить с собой…. И я думал, что это было забавное название…. Но я знал, что большинство людей его не поймёт.

Объясняет ли это, почему столько близких друзей и коллег Курта утверждали после его смерти, что Курт не был склонен к самоубийству, даже притом, что он часто делал заявления, которые могли по понятным причинам быть истолкованы иначе?

«Вы должны помнить одно по поводу всех этих разговоров о том, что Курт был склонен к самоубийству, — объясняет его сиэтлский приятель, с которым они вместе принимали наркотики, Питер Клири, — то, что все эти разговоры начались только тогда, когда Кортни выступила после его смерти и сказала, что в Риме была предпринята попытка самоубийства, и СМИ подхватили все её примеры того, что Курт хотел покончить с собой. Вот когда все эти люди начали говорить: «Конечно он был склонен к самоубийству, только послушайте его музыку». Но это — полная чушь. Безусловно, он был угрюмым парнем и довольно часто был подавлен. То же можно сказать об очень многих людях, включая и меня. Но никто никогда не говорил о том, что Курт хотел покончить с собой до того, как он умер. Никто. Как вы думаете, почему все, кто его знал, был так удивлены, когда Кортни сказала, что в Риме была предпринята попытка самоубийства? Я читал всю эту невежественную чушь в СМИ, указывающую на тот факт, что Курт хотел назвать «In Utero» «I Hate Myself and I Want to Die». Это была шутка, блин. Это было его извращённое чувство юмора. Он был самым саркастичным парнем из тех, кто вам встречался. Он не был склонен к самоубийству, по крайней мере, в то время, когда я его знал, а я его знал в течение последнего года его жизни».

Однако кто должен говорить? Возможно, это наивно — не придавать значения частым упоминаниям Курта о самоубийстве, считая их юмором висельника или своего рода рокерскими шуточками, вообще свойственными молодежи, которой всегда доставляют удовольствие будоражащие вещи. Была ли его смерть результатом убийства или самоубийства, трудно отрицать, что у Курта была мятежная душа, и не выходит за рамки возможного то, что, как и многие молодые американцы, он мог думать о самоубийстве в разные периоды своей жизни.

Одна из давних подруг Курта, фотограф из Сиэтла Элис Уилер, говорит, что она никогда не подозревала о том, что Курт был склонен к самоубийству. Однако в отличие от Питера Клири Уилер твёрдо уверена в том, что Курт покончил с собой. На самом деле, говорит она, многие из окружения Курта, «оглядываясь назад», заключили, что он был склонен к самоубийству.

«После поминальной службы по Курту я пошла на поминки к Кристу, — вспоминает она, — и все люди, которые там были, пытались осмыслить всё то, что относилось к самоубийству. Крист подошёл ко мне и спросил: «Как мы могли не заметить этих симптомов, Элис?». А потом он начал анализировать тексты Курта и повторять всё, что он когда-либо говорил, и сказал, что это должно было быть очевидным. Я думаю, он на самом деле

чувствовал себя виноватым».

Однако действительно ли эти «признаки» указывали на самоубийство, или они оповещали о другом жизненно важном решении? Мы знаем, что Курт уже сказал своему адвокату 1 марта, что он решил развестись со своей женой. Джэнет Биллиг, представитель его управляющей компании, подтвердила, что на той же неделе он написал Кортни записку, объявив о своём намерении «убежать и исчезнуть». Крист впоследствии рассказал об этом периоде биографу Курта Чарлзу Кроссу, объяснив: «В его личной жизни с ним что-то происходило, и это его очень беспокоило. Вот примерно такая была ситуация». Таким образом, даже его самый давний друг был не в состоянии точно определить эмоциональное состояние Курта как суицидальное в последние недели его жизни, вместо этого ощущая, что не в порядке было что-то другое.

После римской передозировки Дилан Карлсон первым из друзей Курта виделся с ним, когда он вернулся в Сиэтл. Впоследствии он рассказал о настроении Курта в интервью «Seattle Post-Intelligencer»: «Курт столкнулся с большим количеством довольно тяжелых вещей, но он был на самом деле довольно оптимистично настроен. Он был готов иметь дело с тем, с чем он столкнулся».

После смерти Курта его друг Марк Лэйнган, лидер «Screaming Trees», сказал в интервью «Rolling Stone»: «Я никогда не подозревал, что [Курт] был склонен к самоубийству, я знал только, что он переживал очень трудные времена».

Ещё один друг Курта, музыкальный фотограф из Сиэтла Чарлз Петерсон, столкнулся с ним на улице «за неделю или полторы» до его смерти. Курт был явно в приподнятом настроении, вспоминает Петерсон: «Он показался мне очень счастливым, гораздо счастливее, чем за долгое время, когда я видел его; не то, что обычно он был несчастным, но он часто был в значительной степени нездоров, и он выглядел так, словно ему намного лучше. У меня только что вышла первая книга, и он очень хорошо о ней отзывался: я думаю, что он был искренне рад за меня. Он носил такое тяжёлое пальто и солнцезащитные очки, чтобы появляться инкогнито, но по иронии это даже делало его гораздо более заметным. Мы отправились в «Linda Tavern» и выпили немного пива, и он дал мне свой новый номер телефона. Насколько я могу судить, не было и намёка не то, что что-то не так».

Покойная бабушка Курта, Айрис Кобэйн, говорила с ним незадолго до того, как он покинул реабилитационный центр в конце марта, и сказала в интервью «Seattle Times», что «казалось,

что всё прекрасно» и что «он казался счастливым». Единственное, что Курт сообщил ей о римском инциденте, сказала она, это то, что это был несчастный случай. В ходе этого телефонного разговора он планировал в апреле отправиться на рыбалку со своим дедушкой.

Во многих исследованиях по самоубийствам утверждается, что некоторые люди непосредственно перед тем, как совершить самоубийство, кажутся очень счастливыми и находятся в приподнятом настроении, потому что они приняли решение, и от этого испытывают облегчение. Однако исследования также показывают, что эти люди редко строят долгосрочные планы. Кроме того, настроение Курта не казалось внезапно меняющимся с подавленного до приподнятого только в последние дни и недели его жизни. Точнее, как утверждают его друзья, он изменился за несколько месяцев до смерти, когда его невыносимые боли в желудке были, наконец, диагностированы и вылечены. Именно осенью 1993 года он сказал в интервью «Rolling Stone»: «Я никогда в жизни не был так счастлив».

Случилось ли что-то между этим интервью и его уходом из реабилитационного центра «Эксодус» 1 апреля, что изменило его настроение? Внезапно возобновилась боль в желудке? Возможно, «интервенция» 25 марта вызвало что-то мрачное в характере Курта? Был ли он особенно подавлен, когда он обратился в «Эксодус» 30 марта? За те два дня, которые Курт провёл в «Эксодусе», он говорил там с несколькими штатными психологами, ни один из которых не посчитал, что он склонен к самоубийству. Кроме того, последний из тех, кто навещал Курта в «Эксодус» 1 апреля, старый друг-артист по имени Джо «Мама» Ницбург, сказал в интервью «Rolling Stone»: «Я ожидал увидеть, что он хреново выглядит и подавлен. Он выглядел так чертовски здорово».

Тогда, за несколько недель до его смерти, очевидно, что большинство его друзей, коллег и даже специалисты-психиатры, которые его лечили, не думали, что Курт склонен к самоубийству.

Теперь Том Грант ставит плёнку с записью удивительного разговора с Кортни, который он записал в конце апреля 1994 года, доказывающий, что она тоже полагала, что Курт не хочет покончить с собой после того, как он вернулся из Рима.

> КОРТНИ: Люди с учёными степенями видели его в тот день, когда он ушёл [из реабилитационного центра] и никто, никто не ожидал, что он уйдёт, не говоря уж о том, что он может покончить с собой, — сказала она Гранту. — И я не думаю, что он действительно хотел

покончить с собой, когда он приехал домой. Но он был с кем-то, кто довёл его до этого.

Это поразительное признание совершенно отличается от того, о чём Кортни публично говорила в СМИ через несколько месяцев после смерти Курта — о суицидальных тенденциях своего мужа, а также от того, что она сказала сиэтлской полиции 4 апреля, когда она сделала сообщение о пропаже человека. Это также полностью противоречит тому, что она сказала Тому Гранту 3 апреля, как только наняла его, чтобы найти своего мужа: «У него склонность к самоубийству…. Все думают, что он умер».

* * *

К тому времени, когда Кортни в 1999 году сблизилась с Чарлзом Кроссом, было ясно, что теория убийства Тома Гранта не прекратит своё существование. Хотя над ним когда-то насмехались как над теоретиком заговора, вебсайт Гранта теперь регистрировал более миллиона посещений в год. Кроме того, фильм Би-Би-Си Ника Брумфилда об этой истории стал одним из самых вызывающих документальных фильмов всех времён. Грант начал привлекать внимание ведущих СМИ, и многие заслуживающие доверия журналисты, казалось, впервые задумались о том, что в его обвинениях могло что-то быть. Сам Джин Сискэл «отверг» фильм Брумфилда, потому что, сетовал он, фильм не исследовал возможность убийства так глубоко, как должен был, и оставил многие зацепки нерасследованными. Что ещё хуже, теория убийства начала приносить Кортни потери чистой прибыли. Ожидалось, что альбом «Hole» 1998 года, «Celebrity Skin», будет одним из бестселлеров года. Вместо этого он стал огромным коммерческим разочарованием. Многие приписывали его относительный провал тысячам фэнов Кобэйна, которые клялись в Интернет-чатах бойкотировать альбом. Что-то надо было делать.

Чарлз Кросс долгое время был редактором уважаемого сиэтлского музыкального еженедельника «Rocket», одним из первых написавшего на своих страницах о «Нирване». Кросс был не то чтобы другом Кортни, они просто знали друг друга много лет и неплохо ладили друг с другом. К тому времени, как Кортни сблизилась с ним, он уже решил написать биографию Кобэйна, но он никак не мог найти издателя. Ситуация изменилась, когда Кортни сделала ему предложение, от которого он не смог отказаться. Курт на протяжении многих лет поддерживал контакт

с этим журналом, и теперь она предложила Кроссу исключительное право на чтение журнала и приведение выдержек из него в своей книге. Условия их соглашения, если таковые вообще имелись, никогда не раскрывались, и книга официально не характеризовалась как «авторизированная биография». Но когда она вышла осенью 2001 года, многие читатели были сразу же поражены тем, как тщательно книга адаптирована под версию событий, предлагаемую Кортни. Один рецензент на Amazon.com даже написал, что издатель «должен был указать, что автор — Кортни»».

В книге и в самом деле содержится множество фактов о смерти Курта, которые Кросс мог получить только от самой Кортни. Хотя он ни разу не упоминает о теории убийства Гранта, как будто книга в свою очередь исследует и опровергает каждое утверждение Гранта. Это было бы долгожданным вкладом в полемику, если бы Кросс признал это своим намерением, но он этого не делает. Вместо этого его книга является изящным сборником историй из частной жизни без ссылки на источник, которые приводились только для того, чтобы противоречить версии событий, предложенной Грантом. К сожалению, многие из этих историй явно ложны. Самый яркий пример имеет отношение к событиям 7 апреля, когда говорили, что Кэли в сумерках искал в доме Курта, хотя полицейские отчёты доказывают, что он поехал на такси в аэропорт в 16:00 того же дня, чтобы в Лос-Анджелесе присоединиться к Кортни. Аналогично Кортни была оправдана за то, что не сказала Гранту, что Курта видели в доме 2 апреля, потому что человек, который видел его там, сначала подумал, что это был «сон».

Хотя версия событий, предложенная Кортни, неустанно повторяется на протяжении всей книги, самый вопиющий пример подобострастия присутствует в заключительной главе, когда Кросс рассказывает о смерти Курта. Здесь Кросс пользуется тем образом, который нарисовала Кортни — своего мужа, одержимого самоубийством, и управляет им, придумав для Курта сцену почти в духе Нормы Десмонд:

> Он закурил «Кэмел Лайт» и вернулся в кровать с блокнотом с листами бумаги стандартного размера, поставив его себе на грудь, и с остроконечной ручкой с красной пастой. Чистый лист бумаги ненадолго заворожил его, но не из-за творческого тупика: Он сочинял эти слова в течение многих недель, месяцев, лет, десятилетий. Он медлил, потому что даже стандартный лист бумаги казался таким маленьким,

> таким коротким…. Как он написал, когда солнце ещё всходило, большинство света давала иллюминация с «MTV»…. Он тихо спустился по лестнице из девятнадцати ступеней и с широкой лестницы. Он был в нескольких шагах от комнаты Кэли, и он не хотел, чтобы кто-то его заметил…. Подобно великому кинорежиссёру, он продумывал этот момент до мельчайших деталей, репетируя эту сцену и как режиссёр, и как актер…

Несколько рецензентов поинтересовались, как Кросс мог узнать, о чём думал и что делал Курт в последние минуты жизни. Кросс защищал свой повествовательный скачок, утверждая: «Любому, кто прочитал книгу до этого момента, ясно, что я провёл невероятно масштабное исследование, и что я не беру вещи с потолка. Я не создаю доказательства; я просто беру те доказательства, которые обнаружил … и соединяю их, чтобы попытаться рассказать о тех нескольких последних минутах.

Поскольку Кросс не подкрепляет свою точку зрения никакими доказательствами, это — в лучшем случае сомнительное истолкование, и есть фактическое доказательство того, что его рассказ противоречит тому, что произошло в последние мгновения жизни Курта. Например, Кросс рассказывает о том, что Курт взял «блокнот с листами бумаги стандартного размера», чтобы написать свою предсмертную записку. Однако на самом деле так называемая предсмертная записка была написана на обороте подставки для столовых приборов Международного Дома Оладий, как Кортни по секрету сообщила Тому Гранту в одном из разговоров, записанных на плёнку. Впоследствии полиция сделала фотокопию записки на бумаге стандартного размера, чем, возможно, и объясняется ошибка Кросса.

Тем не менее, Кросс — уважаемый музыкальный журналист, известный своей честностью, и его книга — это без прикрас его мнение, изобилующее ценным глубоким осмыслением детства, жизни и карьеры Курта — являющееся во многом лучшей и самой полной биографией, когда-либо написанной о рок-идоле. Кросс даже обнаружил одно важное новое доказательство, касающееся последних недель Курта, впервые рассказав о том, что Курт объявил о своём намерении развестись с Кортни за два дня до римской передозировки. По словам Элис Уилер, которая была одной из тех, кто помогал Кроссу в исследованиях, именно Кросс первым предложил Кортни опубликовать дневники Курта книгой. Уилер называет отношения Кросса и Кортни «тесными». Но нет никаких доказательств того, что Кросс просто действовал по указке Кортни или написал о том, что она ему рассказала. Вместо

этого, он, кажется, принимает большую часть того, о чём она рассказала ему, за чистую монету, и позволяет манипулировать собой, чтобы написать о точке зрения, очень выгодной для Кортни.

В 1995 году музыкант «Nine Inch Nails» Трент Резнор, с которым у Кортни была непродолжительная связь годом ранее, сказал в интервью журналу «Details», что она — мастер по манипулированию прессой: «Она была одержима СМИ и тем, как её воспринимают. Чего я не понимал, так это то, что 95 % из них были редакторами, которые звонили непосредственно ей. У неё была целая действующая медиасеть».

Это отчасти объясняет, почему большинство СМИ отказалось реально смотреть на эти факты, вместо этого предпочитая одностороннюю версию событий, которую просто не стоит исследовать.

9

Лиланд Кобэйн только что сделал сенсационное заявление. Казалось бы, уже привыкнув к громким доказательствам и мнениям об этом деле, мы были, честно говоря, просто ошеломлены. В течение многих лет семья Кобэйна отказывалась публично говорить о смерти Курта, и никогда не было и намёка на то, что кто-то из его родственников подвергает сомнению заключение о самоубийстве. Защищаясь от назойливой прессы, они почти десятилетие хранили молчание. Отец Кортни, Хэнк Харрисон, уже давно объявил, что Курт был убит, но его убеждение в том, что это так, считали весьма сомнительным и, что более важно, он на самом деле никогда не был знаком со своим зятем. И вот теперь человек, утверждающий, что был ближе Курту, чем его собственные родители, говорит нам, что считает, что его внук стал жертвой преступления. Мы спросили Лиланда, как долго он испытывал подозрения.

«Я знал это почти с самого от начала, — заявил он. — Что-то мне сразу не понравилось в описании той винтовки».

Они узнали об этом утром в пятницу, 8 апреля, когда позвонила мать Курта, Венди. «Она сказала, что не хотела, чтобы мы включили телевизор и узнали об этом, — вспоминает Лиланд. — Это почти убило Айрис, мою жену. Она даже не смогла пойти на поминки. Я пошёл, а она — нет. Они с Куртом были очень близки».

Несколько дней спустя Лиланд видел в выпуске новостей описание места происшествия, где было найдено тело Курта. Когда он услышал описание тела, сказал он, он сразу же понял, что его внук не покончил с собой: «Сказали, что винтовка лежала у него на груди. Меня никогда не смогут убедить в том, что можно взять винтовку и положить себе на грудь таким образом, и затем положить её себе в рот, а потом спустить курок, потому что, как только вы это сделаете, вы не сможете держать оружие так, чтобы спустить курок. Как только вы вытягиваете руки так, чтобы достать до курка, и [оружие] стреляет, особенно если оно во рту, эта штука соскакивает прямо на тело. У меня тут есть винтовка, которая, если не держать её прямо у плеча, прострелит твою задницу».

Он указывает на свою коллекцию оружия, в которой есть винтовка 12 калибра, которую он использует для охоты на уток. «Винтовка всё ещё лежала у него на груди. Я не мог этого понять; в этом не было смысла. Все те, кто разбирался в оружии, с которыми я говорил, сказали, что они не тоже не могут этого

понять. Знаете, есть много пуф, которые выходят из такой винтовки, и особенно когда она у него во рту, у винтовки происходит отдача и из его рта, и с его груди».

Бывалый охотник, Лиланд считает, что он в некотором роде разбирается в этом вопросе. Его доводы сосредотачиваются на «отдаче» ружья Курта, однако Лиланд признаёт, что он на самом деле никогда не стрелял из «Ремингтона» 20 калибра, того типа оружия, которое убило Курта. Чтобы проверить его теорию, мы решили пойти в тир и провести тест похожей винтовки самостоятельно. Результат был неубедительным. 20-калиберная винтовка на самом деле гораздо менее мощная, чем 12-калиберная, принадлежащая Лиланду. Хотя она производит ярко выраженную отдачу при стрельбе, она не кажется способной сшибить кого-нибудь с ног так, как может это сделать винтовка более мелкого калибра. Вот почему винтовка 20 калибра нравится охотникам-женщинам, а так же новичкам. Если бы Курт действительно совершил самоубийство, могло ли это оружие просто выскочить у него изо рта и вертикально уткнуться ему в грудь после того, как он выстрелил из него, как предлагается в официальном сценарии?

Это возможно, но маловероятно, говорит Дениз Маршалл, помощник коронера из Колорадо: «Я не буду говорить, что такого не может быть. Я видела много самоубийств с использованием винтовок, и обычно их очень хорошо закрепляют между ног, и вы на самом деле не увидите, что она лежит на груди, а увидите, что она стиснута у них между ног, и она упадёт на одну или на другую сторону. Я не видела фотографий по этому делу, но из-за того, что я прочла в полицейских отчётах, действительно, похоже, что это инсценировка».

В 1998 году, когда мы раскручивали свою первую книгу, мы выступали на национально синдицированном радиошоу, которое вёл рокер 70-х Тэд Наджент. Будучи членом правления Национальной стрелковой ассоциации с 1995 года, Наджент стал в последние годы более известен как консультант по оружию, чем как музыкант. Он также с подозрением отнёсся к описанию оружия Курта.

«Я — один из ведущих экспертов по оружию в этой стране, и я читал полицейские отчёты, описывающие данные об оружии, — сказал Наджент своим слушателям. — Я говорю вам прямо сейчас, что Курт Кобэйн не покончил с собой. Он был убит». Он не уточнял, что привело его к такому заключению.

Если Курт не совершал самоубийство, что же, по мнению Лиланда, случилось?

«Я думаю, что кто-то его убил. Знаете, он только что

отклонил предложение за 9 миллионов $ по поводу Лоллапалузы. Честно говоря, я думаю, что Кортни имеет к этому какое-то отношение. Возможно, у меня будет много неприятностей, потому что я так говорю. Она, должна была иметь [какое-то отношение к этому], потому что у них было предсвадебное соглашение, по которому то, что было у неё, принадлежит ей, а то, что было у него, принадлежит ему, а в случае развода именно это они и получат. Они не получали ничего из того, что принадлежит другому. Но если один из них умрёт раньше, всё достаётся другому. Именно так Кортни получила всё. Я не слышал, как они вычислили то, что принадлежит Фрэнсис, положили ли они что-то для Фрэнсис на условное депонирование или нет. Они должны были это сделать».

Мы спрашиваем Лиланда, считает ли он, что преступление совершила сама Кортни.

«Нет, нет, я не думаю, что она на самом деле это сделала, но я думаю, что она сделала так, чтобы оно произошло».

Что заставляет его думать, что Кортни способна на такой поступок?

«Ну, она — манипулятор, это точно. Она добивается того, чего хочет. Она подсадила Курта на наркотики; он, возможно, уже принимал их до того, как с ней познакомился, но она сделала так, чтобы он подсел. Она способна на всё…. Почему она кремировала его тело так чертовски быстро? К тому времени, как мы пошли на ту заупокойную службу, его уже кремировали. Курт никогда не просил, чтобы его кремировали. Я думаю, что они избавлялись от улик, вот что я думаю».

Лиланд снова вспоминает недели, предшествующие смерти Курта, и говорит, что его внук казался очень счастливым, когда они говорили в последний раз: «У него было столько планов на будущее. Он сказал, что хочет приехать и пойти со мной на рыбалку. Мы раньше никогда не ходили рыбачить, но тогда у меня была лодка, и мы планировали пойти рыбачить. Я был в том доме в Сиэтле перед его последним туром, когда Айрис была там в больнице. Курт принес ей эту вазу, полную орхидей, когда ходил навещать её в больницу». Он указывает на вазу в буфете. «Потом мы вышли, чтобы пообедать, только я и он, а я только что купил себе новенький «Форд»-пикап, четыре на четыре. Когда мы возвращались домой, было темно, и я позволил ему сесть за руль. Ему очень понравился этот пикап. Когда я говорил с ним перед тем, как он умер, он сказал мне, что хочет приехать и пойти со мной на рыбалку, и он собирался покупать себе один из тех «Форд»-пикапов, как у меня; он очень ему понравился. Он хотел взять меня с собой, чтобы купить пикап».

Спустя несколько лет Лиланд полностью ознакомился с фактами по делу, исследуя полицейские отчёты и другие доказательства. Он говорит, что теперь он более чем когда-либо убеждён, что Курт был убит.

«Токсикологические исследования показали, что он был настолько накачен героином, что даже не смог бы поднять ту винтовку, — говорит он. — Есть много других вещей, которые вызывают подозрения. Курт не убивал себя».

Мы спрашиваем его, разделяет ли отец Курта его подозрения.

«Нет, он даже не говорит об этом. Он злится, когда я говорю об этом, — отвечает Лиланд. — Когда я говорю с ним о Курте, Донни всегда сердится на меня».

* * *

Отец Кортни, Хэнк Харрисон, также в течение нескольких лет пристально следил за этим делом, и он также более чем когда-либо убеждён, что Курт был убит, и что его дочь была к этому причастна. Но в отличие от Лиланда Кобэйна, теперь он утверждает, что у него есть доказательства для обоснования своей теории.

В 1996 году перед выходом нашей первой книги мы с Харрисоном выступали в общеканадском мультимедийном цикле лекций. Программа состояла из двух частей: в первой части презентации мы говорили о деле, а затем Харрисон с удовольствием рассказывал о жизни с Кортни, а также о своей собственной красочной карьере. На сцене он никогда на самом деле не обвинял свою дочь в соучастии в убийстве Курта. «Я никогда не говорил, что его убила Кортни. Я не знаю, убивала она его или нет», — не раз говорил он. Однако за кулисами он неоднократно выдвигал это обвинение. «Я, конечно, не удивился бы, если бы она убила Курта, — сказал он нам. — Согласитесь, она — психопатка». Когда мы спросили его, как отец может говорить такие вещи о своей собственной дочери, он отстаивал свою позицию, объясняя: «Я очень люблю свою дочь, хотите верьте, хотите нет. Именно поэтому это так трудно для меня».

В том же году он впервые выступил публично со своими обвинениями, сказав в интервью журналу «High Times»: «Я знаю наверняка, что [Курт] пытался развестись с [Кортни], а она не хотела развода, поэтому она устроила так, чтобы его убили, или знала, что это случится…. Я не хочу посадить свою дочь в тюрьму. Я попал в причудливую сеть событий, которая оказала влияние на мою жизнь. Это было очень похоже на то, как если бы ваш

ребенок пришёл домой, строя планы относительно ядерного оружия в своём портфеле, и вы хотели бы знать, где он, чёрт возьми, его взял. Ну, моя дочь пришла домой с мёртвым мужем, и я, чёрт возьми, хочу знать, что произошло».

Два года спустя, не совсем уверенные в его искренности, мы выступили вместе с Харрисоном на телевизионном ток-шоу Мори Пович, где в эфире у нас произошла страстная пикировка с Харрисоном:

> ХЭНК. Сначала, когда Курт умер, я инстинктивно чувствовал, что что-то не так, так же, как это чувствовали моя мать, её мать и другие люди в семье Курта и Кортни. Она однажды во дворе школы в Орегоне ударила ножом девочку, своего рода предвестие известных событий.
>
> ЙЭН ГАЛЬПЕРИН. Каков ваш мотив, Хэнк? Любой отец, который открыто обвиняет свою дочь в убийстве, должен иметь скрытые намерения.
>
> ХЭНК. Да нет никаких скрытых намерений. Я честен во всём. У меня есть серьёзный конфликт. Там 100 000 человек, принимающих наркотики из-за Кортни.
>
> ЙЭН. Но вы не ответили на вопрос. Почему вы это делаете?
>
> ХЭНК. Ну, а почему вы не спрашиваете брата Унабомбера?
>
> МОРИ ПОВИЧ. Стоп, вы пытаетесь сказать мне, что вы ведёте себя так же, как и брат Тэда Казински в такой ситуации?
>
> ХЭНК. Он был героем, потому что выдал Казински, а я здесь напоминаю придурка. Я просто хочу добраться до сути дела. В нашей семье нет никого, кому хватило бы мужества, чтобы выступить с заявлением.

Время от времени Харрисон может производить впечатление этакого шута, как тогда, когда он повернулся на камеру в документальном фильме Ника Брумфилда и сказал: «У меня есть её номер…. Я могу добиться того, чтобы её арестовали. Это — всё ещё жёсткая любовь, а я — всё ещё отец. Приезжай ко мне, и, возможно, мы сможем что-то решить, но если ты будешь продолжать критиковать меня, я буду продолжать драть тебе задницу. Кортни, не пытайся тягаться со мной, или я надеру твою задницу. Мне всё равно, насколько это крутое шоу, мне всё равно, что у неё 177 миллионов $».

Однако иногда он кажется заботливым отцом и дедушкой, который, по-видимому, сожалеет о долгом разрыве со своей

дочерью и очень беспокоится о благосостоянии Фрэнсис Бин. Он боится, что девочка, которой в 2004 году исполнилось двенадцать, растёт в атмосфере наркотической и полной невоздержанности. Не раз мы видели, как он рыдал, рассказывая, что Кортни никогда не позволяла ему видеть свою внучку. Он также часто утверждает, что любит свою дочь.

Харрисон, который пишет биографию Курта Кобэйна, утверждает, что имел «мистическую связь» с зятем, с которым он никогда не встречался. Когда Курт умер, говорит он, как будто «моё сердце было вырвано из груди». На момент его смерти Харрисон не видел и не говорил с Кортни с ноября 1993 года, за пять месяцев до того, как умер Курт, когда она пригласила его на концерт в «Slim`s», музыкальный клуб Сан-Франциско, где «Hole» играли на разогреве у «Lemonheads». Давний любитель компьютеров, помогавший в создании первой версии формата «Acrobat PDF», когда он работал в «Adobe Systems», Харрисон рассказывает, как учил свою дочь пользоваться Интернетом на своём «Apple Powerbook», когда они с Кортни пили кофе в «Кафе Триест» перед вечерним концертом.

За кулисами Кортни представила его Эвану Дэндо из «Lemonheads», который попросил у него экземпляр его книги о «Grateful Dead» с автографом. Харрисон утверждает, что он видел, как Дэндо целовался с ней за кулисами, а на следующий день он снова увидел его голым в гостиничном номере в постели его дочери. (Спустя два месяца после смерти Курта по нескольким таблоидам гуляла фотография без даты с Кортни, которая выглядела опустошённой, в постели с Дэндо. Они целовались. Кортни впоследствии утверждала, что это был инсценированный «снимок для публики».

В вечер концерта в Сан-Франциско Кортни обещала своему отцу, что она с Куртом попытается вскоре приехать на ранчо с ребёнком. «Я всегда говорил ей, что хотел, чтобы [Курт] прыгнул с тарзанки, что является проверенным средством для лечения героиновой зависимости», — вспоминает он, объясняя, что в 1965 году он учредил первую в Америке телефонную интервенционную программу против ЛСД, отговаривающую людей от того, чтобы пробовать ЛСД. «Я уверен, что смог бы убедить Курта завязать с наркотиками. Она думала, что я — сумасшедший». Впоследствии Кортни подтвердила в интервью «San Francisco Chronicle», что она действительно пригласила своего отца за кулисы тем вечером, но «он интересовался только тем, чтобы разговаривать с людьми, более известными, чем я».

В течение нескольких месяцев после смерти Курта Харрисон заходил в Интернет, чтобы провести более двухсот

онлайн-«интервенций» с подростками, которые выразили желание покончить с собой из-за смерти Курта. Примерно год спустя он впервые услышал о теории убийства Тома Гранта и стал подозревать, что Кортни имела отношение к смерти своего мужа, он проговорился об этом в своей будущей биографии. Адвокаты Кортни поспешно послали ему письмо, угрожая судом, если он не оставит своих планов относительно написания книги. Он игнорировал угрозы и нанёс ответный удар, написав письмо сам:

> Дражайшая Кортни:
>
> Поскольку ты отказываешься звонить или отвечать на мои письма, я должен предположить, что ты что-то скрываешь. Как там насчёт слухов о смерти Курта? Как ты знаешь, два года назад я начал писать книгу о Курте, но теперь ты настаиваешь, чтобы я прекратил работу над этим проектом. Почему? Ты не приводишь никаких достаточных для меня оснований, и, кроме того, порочишь мою репутацию и дискредитируешь меня при каждом удобном случае. Я не буду подавать на тебя в суд, однако отвечу на эти заявления в книге. Кроме того, я не могу не задаваться вопросом, почему ты хочешь, чтобы я не писал книгу об этом замечательном человеке. Я пожертвую весь свой гонорар на предотвращение самоубийств. Если ты настаиваешь, я немедленно остановлю работу и продолжу работу над книгой «Камни Древней Ирландии» и своим романом «Хранитель Пива», но я должен знать правду. Что происходит? Почему бы тебе просто не выступить и не пройти добровольно тест на детекторе лжи, чтобы раз и навсегда утихомирить критиков? Пожалуйста, сделай так, как я говорю. Я устроил для тебя экспертизу на детекторе лжи за свой счёт. Результаты, независимо от того, какими они будут, никогда не будут обнародованы. Если ты его пройдёшь, я прекращу писать книгу или буду сотрудничать с тобой, как ты сочтёшь нужным. Если ты не дашь о себе знать, я продолжу писать. Пройдя проверку и выдержав её, ты успокоишь свою бабушку. Я хотел бы, чтобы она увиделась с ребёнком, но это исключено, пока она, по крайней мере, не будет знать, что ты не имеешь никакого отношения к ужасной смерти Курта. В конечном счёте, у нас есть мёртвый поэт и множество подозрений, которые всегда будут обсуждаться публично. Если Курт не был убит, чего скрывать? Откуда это великое безмолвие? Почему бы ни открыть это дело

официально и не добраться до его сути раз и навсегда?

Всегда любящий тебя,

Хэнк

Первоначальная версия книги под названием «Курт Кобэйн: Вне «Нирваны» была доступна на ныне не существующем вебсайте Харрисона несколько лет назад, но, поскольку его расследование смерти Курта продолжается, оно всё же должно быть издано в книжной форме. Теперь он утверждает, что его расследование почти завершено, и что книга, возможно, будет издана в 2005 году. Весь гонорар, по его настоянию, будет пожертвован на предотвращение самоубийств. Грант открещивается от Харрисона, полагая, что он только способствует дискредитации дела. В свою очередь, Харрисон увлечён исследованием Гранта, но думает, что оно недействительно, потому что «он не может приобрести квалификацию, тусуясь с героинщиками и наркоманами, а я могу».

Хотя он отказывается конкретизировать новые доказательства, которые он собрал, намек на это можно найти в интервью Харрисона, предоставленном Интернет-сайту фэнов «Нирваны» в 2000 году. Когда его спросили, не думает ли он, что Курта мог убить Кэли, потому что он был единственным, кто, как известно, был в доме во время смерти Курта, Харрисон отвечает:

> Это — просто ерунда. Кто вам это сказал? Грант? Вы знали, что между пасхальным воскресеньем и тем временем, когда было найдено тело, сигнализация включалась и выключалась семь раз? Также не забывайте, что тело было обнаружено служащим, который устанавливал аварийную сигнализацию, Гэри Смитом, которого послали в дом, потому что Кортни сделала срочный заказ на световую сигнализацию во вторник вечером после того, как она вышла из тюрьмы 6 числа. К тому времени Курт был мёртв, и приблизительно пять человек знали, где он находился. Том Грант и Дилан Карлсон пользовались входным кодом всего 2 раза, и ни у Тома, ни у Карлсона не было кода, если вы не думаете, что, возможно, он был у Тома Гранта. У меня есть отчёты службы сервиса сигнализации. Кэли уехал из города на машине в понедельник, и после воскресенья его в доме не было. Он ночевал в доме у своего отца в Сиэтле, потому что его отец — подрядчик. В сущности, отец Кэли был тем самым подрядчиком, который производил работы по

> сносу и реставрации два года спустя. Так что Кэли, возможно, усыпил его гликолизированным гемоглобином или роипнолом, но, наверное, не делал того, что было связано с винтовкой. Тот, кто проводил манипуляции с винтовкой, знал об оружии всё, но всё, что вы должны помнить о коде сигнализации — что у того, кто это сделал, был код. Код знали несколько человек…. Курт умер в доме, вероятно, в гостиной, и его оттуда вытащили. Его принесли в оранжерею и выстрелили в него, но дело в том, что к тому времени, как его туда принесли, прошло много часов.

Хотя комментарии Харрисона были объявлены во всеуслышание для уточнения, он отказывается говорить что-то ещё о том, что он обнаружил, утверждая, что приберегает доказательства для своей пока ещё не опубликованной книги. Но он признаётся, что недавно нашёл письмо, которое Кортни послала ему, когда была подростком — письмо, убеждающее его более чем когда-либо, что она имела какое-то отношение к смерти Курта. В нём она пишет: «Я сама собираюсь выйти замуж за рок-звезду и убить его». Если это письмо, возможно, показывает характер Кортни в подростковом возрасте, оно едва ли служит доказательством её вины. Но для тех, кто находит смысл в таких письмах, возможно, будет полезно заглянуть в текст песни 1990 года, которую написала Кортни, под названием «Turpentine» («Скипидар») — первая песня, когда-либо записанная «Hole»: «Теперь ты безумен и унижаешь меня / Воняешь металлом с наркоманского дерева…. / Разведи это в скипидаре / Опустись туда с ног до головы / Я лучше помогу тебе дойти до самоубийства».

Один из аргументов Харрисона особенно неоспорим: Почему на винтовке не обнаружено никаких чётких отпечатков пальцев? По словам Харрисона, «мертвецы не стирают отпечатки пальцев со своего собственного оружия».

Действительно, отсутствие отпечатков пальцев всегда являлось одной из аномалий этого дела. Когда полиция снимала отпечатки пальцев, они фактически нашли четыре скрытых отпечатка. Однако, по словам помощника судебно-медицинского эксперта Николаса Хартшорна, «мы знаем, что эти отпечатки принадлежали Курту, потому что нам пришлось вырывать оружие из его руки, когда мы нашли его». Однако больше нигде на винтовке не было обнаружено ни одного более-менее чёткого отпечатка.

У представителя Полицейского Управления Сиэтла Шона

О`Доннелла было готовое объяснение отсутствия отпечатков пальцев: «Я думаю, понятно, что любой, кто знаком с огнестрельным оружием и его использованием, знал бы, что, когда держат оружие, часто оно будет двигаться у них в руке. Кроме того, когда это оружие стреляет, это вызывает скачкообразное движение, которое заставляет руки отодвигаться от поверхности оружия. И все эти факторы могли привести к появлению каких-то отпечатков пальцев, которые могли быть оставлены на оружии так, что оказались непригодными».

Мы консультировались с отставным специалистом ФБР по отпечаткам пальцев по имени Макс Джаррелл, чтобы спросить его, имело ли смысл объяснение О`Доннелла. Он не был в этом уверен. «Вероятнее всего, у вас возникнут трудности со снятием отпечатков с пистолета, чем с винтовки, — объяснил Джаррелл. — У винтовки поверхность, на которой могут быть отпечатки, намного больше. Гораздо более вероятно, что вы найдёте ещё какие-то подходящие скрытые отпечатки. Я считаю маловероятным, что его рука стёрла все отпечатки пальцев после того, как он выстретил».

Кроме того, сам Хартшорн заявил, что из-за трупного окоченения рука Курта сразу же после выстрела сжала ствол оружия. Поэтому она не могла скользить по поверхности оружия, как описал О`Доннелл. Также не выяснен тот факт, что полиция не нашла никаких отпечатков на острие ручки, которой была написана так называемая предсмертная записка.

Но, по словам Джаррелла, само по себе отсутствие отпечатков не доказывает, что имело место убийство. «Оставляет ли человек отпечатки пальцев или нет, зависит от ряда факторов. Многое зависит от того, сколько жира у вас на руках. Если кто-то, к примеру, только что вымыл руки, он может не оставить отпечатков. Я, конечно, видел дела, когда некто не оставил никаких отпечатков пальцев на поверхности, к которой, как мы знаем, он прикасался».

Однако мы знаем, что винтовка побывала в руках как минимум троих разных людей: это продавец, который продал Дилану Карлсону оружие 30 марта, сам Дилан и, наконец, Курт. Однако на оружии не было обнаружено отпечатков пальцев ни одного из этих троих. Возможно ли, что каждый из этих людей вымыл руки как раз перед тем, как взять оружие?

В конце концов, утверждает помощник коронера Колорадо Дениз Маршалл, есть много очень убедительных доказательств, чтобы сомневаться в заключении о том, что это было самоубийство, включая отсутствие отпечатков пальцев, тройную смертельную дозу героина и посмертное использование

кредитной карточки: «Конечно, в этом деле есть достаточно доказательств, чтобы изменить заключение судебно-медицинского эксперта с «самоубийство» на «причина не установлена», и я думаю, что именно это следует сделать, — объясняет она. — Я работала над множеством дел, где нам изменили заключение на «причина не установлена» и с менее бесспорными доказательствами, чем я увидела здесь. Это помогло бы возобновить дело и гарантировать, что надлежащее расследование, наконец, будет проведено».

Но Маршалл добавляет, что имеется большой недостаток: хотя есть достаточно доказательств, чтобы изменить заключение с «самоубийство» на «причина не установлена», ни одно из этих доказательств окончательно не докажет, что Курт был убит. Только фотографии с места преступления сделают это, объясняет она. Маршалл консультировалась по этому делу с множеством экспертов, включая одного из самых уважаемых в Америке судебно-медицинских экспертов, которые утверждали, что прежде чем кто-то сможет сказать наверняка, что смерть Курта была инсценированным самоубийством, патолог должен будет исследовать фотографии с места происшествия. «Фотографии должны рассказать всю историю, — говорит она. — Он должен посмотреть на пятна крови. Видите ли, если бы кто-то на самом деле вложил в руку Курта оружие и спустил курок, немного крови, возможно, брызнула бы ему на руку, оставив пустоту на руке Курта. Вы смогли бы изучить эту пустоту на фотографиях и определить, на самом ли деле это было инсценированное самоубийство».

Это подтверждает то, что сказал нам бывший командующий Специальной Комиссии По Изучению Убийств Бронкса Вернон Джеберт: «Я должен увидеть фотографии. Фотографии вам всё расскажут».

Могла ли важность этих фотографий объяснить письмо, которое мы получили из Полицейского Управления Сиэтла в ответ на наш недавний запрос на основании Закона о Свободе Информации? 13 февраля 1995 года, спустя менее месяца после того, как Том Грант впервые предал гласности свою теорию убийства, сержант Дон Кэмерон послал следующую служебную записку своему начальнику, лейтенанту Элу Джердесу, возглавляющему Отдел по Убийствам Полицейского Управления Сиэтла:

> Как вы знаете, самоубийство Курта Кобэйна снова стало проблемой СМИ. Обвинения калифорнийского частного детектива Тома Гранта разожгли беспокойства

> Кортни Лав по сохранению/безопасности фотографий с места преступления. Грант утверждает, что Кортни была инициатором смерти её мужа, и мы покрывали убийство. Из-за разожженного интереса СМИ к самоубийству её мужа Кортни Лав, беспокоясь о том, что фотографии с места происшествия могут быть опубликованы, обратилась к своему адвокату. Адвокат Кортни, Сет Лихтенштейн, позвонил и спросил, могут ли фотографии быть ликвидированы, чтобы не допустить какой-либо ошибочной публикации. Я сообщил м-ру Лихтенштейну, что 35-мм. плёнка не была и не будет проявлена, если это не будет необходимо…. Я не уверен, что м-р Лихтенштейн этим удовлетворён, но я объяснил, что поскольку Грант всё ещё неистовствует, мы будем выглядеть глупцами и, конечно, непрофессионалами, если мы уничтожим единственные фотографии с места преступления. М-р Лихтенштейн, возможно, обратится дальше по цепочке в вышестоящие инстанции, поэтому я подумал, что должен сообщить об этом вам.

Полицейское Управление Сиэтла отказывается подтвердить или отрицать, остаются ли фотографии на сегодняшний день в их архивах.

10

Спустя пять месяцев после смерти своей дочери в июне 1994 года Джэнет Пфафф позвонили продюсеры Шоу Опры Уинфри с приглашением выступить. Они планировали сюжет о родителях наркоманов и хотели, чтобы Джэнет пришла и рассказала о Кристен, которая умерла от предполагаемой передозировки героина.

Джэнет вежливо отказалась. Она сказала продюсерам, что просто эмоционально не готова говорить о своей дочери спустя такое короткое время после трагедии. Только теперь она готова признать истинную причину, по которой она отказалась выступать: «Я не уверена, что передозировка моей дочери была случайной, поэтому как я могла пойти на самое большое шоу в мире и говорить об этом?».

* * *

Кристен Мари Пфафф родилась в пригороде Буффало Уильямсвилле, Нью-Йорк, 26 мая 1967 года. Её родители развелись, когда она была маленькой, и вскоре после этого её мать вступила в новый брак. Когда Кристен был девять, родился её сводный брат, Джэйсон.

Кристен получила образование по программе католической школы в Буффало, где она в раннем возрасте научилась играть на классической виолончели и фортепьяно. Её мать вспоминает, что в то время как другие девочки её возраста играли в куклы, Кристен записывала песни гёрлскаутов, которые она адаптировала под свои собственные тексты.

В 1985 году она окончила Академию Священного Сердца, и затем недолгое время посещала Бостонский Колледж, прежде чем получить стипендию на обучение в Голландии. Два года спустя она стала студенткой Университета Миннесоты, где она специализировалась на исследованиях женщин, став ярой активисткой и работая в качестве кризисного консультанта жертв насилия. После получения 150 кредитов1 Кристен решила оставить колледж, чтобы осуществить мечту всей своей жизни — заняться музыкальной карьерой. «Я прогрессировала, — сказала она в интервью одной миннесотской газете. — Я просто решила создать группу и забыть о школе».

Кристен вскоре увлекла андеграундная музыкальная сцена Миннесоты, где она решила, что предпочитает играть хард-рок, а

не уравновешенную классическую музыку, которую она исполняла с пяти лет. Она сама научилась играть на бас-гитаре, которой она быстро овладела в совершенстве. В её первый проект, «Drool», входили члены пользующихся скандальной славой миннеаполисских гараж-групп, «Cows» и «God`s Bullies»; вскоре после этого Кристен стала играть с двумя местными музыкантами, Джоакимом Брюэром и Мэттом Энтсмингером, сформировав новое трио под названием «Janitor Joe» с Кристен на басу и клавишах. «Кристен был невероятно энергичным человеком, — вспоминал Брюэр. — Она могла достигнуть всего, чего хотела».

За год о «Janitor Joe» заговорили на музыкальной сцене Миннесоты. В 1993 году уважаемая независимая студия звукозаписи «Amphetamine Reptile Records» выпустила дебютный альбом группы, «Big Metal Birds» («Большие Металлические Птицы»), который имел шумный успех.

Музыкальный талант Кристен начинал привлекать внимание за пределами миннесотской инди-сцены, но её известность не изменила её мягкого характера. «Она была самым спокойным, доброжелательным человеком, которого когда-либо можно было встретить, — вспоминает бывший музыкальный продюсер «Janitor Joe» Пэт Дуайер. — Кристен была красива. И она была чертовски талантлива и как музыкант, и как артистка».

Однажды вечером в 1993 году после того, как «Janitor Joe» закончили выступление в маленьком лос-анджелесском клубе, за кулисы пришли Эрик Эрландсон и Кортни Лав и представились Кристен. «Hole» только что подписали контракт с «Geffen Records», и они собирались ехать в студию, чтобы записывать новый альбом. Недавно из их группы ушла басистка, Лесли Харди, и им нужна была замена. Сообщив, что они «обалдели» от агрессивного стиля игры Кристен, они сказали ей, что она прекрасно впишется в их группу.

У Кристен хорошо шли дела в её собственной группе, которая начинала привлекать большое внимание. «Она долго переживала из-за этого решения, — говорит её отец, Норм Пфафф. — «Janitor Joe» только что сдвинулись с мёртвой точки, но она осознавала, что у неё появилась возможность играть в успешной группе на крупной студии звукозаписи». После долгих уговоров и щедрого финансового предложения она согласилась присоединиться к «Hole» на временной основе.

«Я просила Бога, чтобы она никогда не делала того шага, — говорит её мать, Джэнет. — Я была категорически против этого. Я никогда не доверяла Кортни и Эрику. Они сильно интересовались наркотиками. Я думала, что в Миннесоте Кристен ни в чём не

нуждалась. Я пыталась убедить её не ехать, но она не хотела упускать такую благоприятную возможность».

Кристен арендовала квартиру в Сиэтле, где группа репетировала перед тем, как ехать в студию в Атланте, чтобы записывать свой новый альбом, «Live Through This». Вскоре у Кристен завязался роман с гитаристом группы, Эриком Эрландсоном, бывшим приятелем Кортни, который говорил друзьям, что он очарован потрясающими длинными черными, как смоль, волосами и прекрасной фигурой Кристен. В течение несколько недель она подсела на героин.

Джэнет пыталась убедить свою дочь уйти из группы и обратиться в детоксикационный центр, но она мало что могла сделать для Кристен, потому что она была далеко. Однако Джэйсон сам видел глубину зависимости своей сестры: «Я думаю, что она, возможно, уже пробовала героин до того, как познакомилась с Кортни, но в Сиэтле Кортни сделала так, чтобы она к нему пристрастилась. Она всегда удостоверялась, что у Кристен есть столько героина, сколько ей нужно. Я был там в то время. Кристен попросила меня переехать в Сиэтл, чтобы быть с ней для поддержки, поэтому я был свидетелем многих сумасшедших вещей, которые там происходили. Однажды Кристен показала мне кошелёк, который ей подарила Кортни. В нём были иглы, которые туда положила Кортни. Кортни и остальные члены группы заставляли Кристен бесконтрольно принимать наркотики. Конечно, у Кристен было собственное мнение, поэтому отчасти она должна взять на себя ответственность».

По словам близкой подруги Кристен Кэти Хьюитт, Кристен и Кортни сперва хорошо уживались, но отношения быстро стали ухудшаться после того, как группа улетела в Атланту, чтобы записывать «Live Through This». Кристен была официально обученным музыкантом с глубокими убеждениями относительно песенных аранжировок. Кортни могла только играть на инструменте. Истерично отстаивая свои музыкальные способности, она не прислушивалась к советам Кристен и неоднократно грозилась уволить её.

Хьюитт полагает, что Кортни намеревалась эмоционально сломить Кристен, опыт, который травмировал её подругу: «Кортни всё время кричала на Кристен. Она хотела удостовериться, что Кристен понимает, кто босс. Я думаю, что Кристен боялась Кортни. Она думала, что та была неуправляема. Она сказала, что Кортни — самый эгоистичный, опасный и жадный до власти человек из тех, кого она когда-либо встречала. Кристен интересовалась созданием хорошей музыки. Кортни

больше интересовало то, чтобы сделать так, чтобы все газеты писали обо всех тех сумасшествиях, которые она сделала каждый день».

В довершение всех бед у Кристен завязалась тесная дружба с Куртом. Они проводили часы за разговорами. Как вспоминает Джэйсон, «Курт очень любил Кристен. Из-за этого Кортни стала очень ревнивой. Кортни пристально наблюдала за ними. Я не думаю, что они были увлечены — на самом деле, я уверен, что не были — но Кортни ревновала, потому что Кристен была такой красивой и умной. И у неё с Куртом было много общего. Они обычно много говорили о книгах, искусстве и музыке. Я не думаю, что это очень радовало Кортни». Однажды Кортни пожаловалась Джэйсону, что Курт и Кристен «слишком много общаются». Спустя две недели, когда Курт подарил Кристен роман «Парфюмер», по словам Джэйсона, «Кортни пришла в ярость».

Под Рождество 1993 года Кристен рассталась с Эриком, их отношения Кэти Хьюитт описывает как «кошмарные»: «Трудно сказать, любила ли вообще Кристен Эрика. Я думаю, что это были отношения больше для удобства. Кристен только что приехала в Сиэтл, а Эрик тут как тут — приветствует её с распростёртыми объятьями. Я думаю, что эти отношения, в конце концов, исчезли, потому что Кристен хотела изменить свою захудалую жизнь с наркотиками и выпивкой». Вскоре после разрыва Эрландсон стал встречаться с голливудской актрисой Дрю Бэрримор.

Альбом был завершён, Кристен в феврале переехала назад в Миннеаполис, чтобы ждать начала летнего тура «Hole». Именно там она узнала о смерти Курта. «Она была опустошена, — вспоминает Джэнет. — Это была большая потеря для неё. Она потеряла того, кого она очень уважала. У них было много общего. Для неё это был громкий тревожный звонок. Кристен прекратила принимать наркотики в тот день, когда умер Курт».

Нетвёрдой походкой Кристен пришла в миннеаполисский детоксикационный центр и начала работу по исправлению своей жизни. В мае она сказала в интервью местной альтернативной газете Миннесоты «Nightly», как она счастлива, что она дома: «Мне на самом деле здесь очень хорошо заниматься тем, что я теперь делаю здесь, вернувшись к друзьям, играть вместе музыку, чего мне очень не хватало. Я не могла работать в Сиэтле, потому что местная сцена была такой застойной. В Миннеаполисе есть куда двигаться». Курт Кобэйн, сказала она репортёру, «разбил мне сердце». Она была не в состоянии уточнять.

Тем временем она приняла решение воссоединиться со своей старой группой, «Janitor Joe». Воскреснув, группа из

Миннеаполиса в мае полетела в Европу в краткий тур. Кристен твёрдо решила, что никогда не вернётся в «Hole».

«Впервые я встретилась с Кортни на Фестивале в Финиксе в Англии в 1993 году, — говорит Джэнет Пфафф. — Она никогда не смотрела мне в глаза, и я никогда не могла понять, почему. Я думала, что она была очень груба. Я никогда не доверяла ей, и я видела, как она относится к Кристен. Когда Кристен сказала мне, что уходит из «Hole», она говорила, что больше никогда не вернётся к ним вне зависимости от успеха альбома. На самом деле она уходила не из «Hole», она уходила от Кортни. Она просто больше не могла находиться рядом с Кортни, особенно после смерти Курта. Я думаю, что она боялась её. Она хотела начать всё сначала».

Как сказала Кристен своему товарищу по группе «Janitor Joe» Мэтту Энтсмингеру, «все эти люди — сумасшедшие. Пусть ищут другого идиота, чтобы играл на басу. Я — это прошлое».

Услышав эту новость, Кортни стала мертвенно бледной. «Live Through This» только что вышел с большим успехом, и многие критики отдавали должное игре Кристен на басу из-за уникального нового саунда группы. Её назвали одной из ведущих рок-басисток в стране. «Тот день, когда Кристен присоединилась к «Hole» стал нашим взлётом, — сказал Эрландсон в интервью журналу «Spin». — Неожиданно мы стали настоящей группой». Уйти именно тогда, когда должен был начаться долгожданный тур «Hole» — означало привести в беспорядок тщательно упорядоченные планы Кортни.

Однако перед тем как навсегда поселиться в Миннеаполисе, Кристен договорилась о том, чтобы посетить Сиэтл в последний раз — только для того, чтобы забрать свои вещи из квартиры. По причинам, которые она теперь не может рационально объяснить, Джэнет просила Кристен не ездить: «Я чувствовала, что может случиться что-то плохое. Я просто не хотела, чтобы она возвращалась. У меня было такое странное внутреннее чувство, которое говорило мне, чтобы я не дала ей уехать. Но она больше не была ребёнком. Говорить ей это — это просто чересчур. Это было её решение».

Когда просьбы Джэнет были пропущены мимо ушей, она попросила своего кузена Майкла, охранника, сопровождать Кристен в Сиэтл, чтобы помочь ей собрать её вещи, и даже купила Майклу железнодорожный билет туда. Но когда европейский тур «Janitor Joe» затянулся, и поездка Кристен в Сиэтл была отложена на неделю, её кузен не смог поехать. Кристен попросила своего друга Пола Эриксона, лидера миннеаполисской группы «Hammerhead», поехать с ней и помочь ей переехать.

Они приехали в Сиэтл 14 июня. На следующий день Пол и Кристен упаковали её мебель и другие вещи в пикап, взятый напрокат, чтобы ехать обратно в Миннеаполис. Они планировали выезжать на следующее утро.

После того, как Пол закончил помогать Кристен загружать пикап, он вызвался провести ночь в грузовике, чтобы охранять её вещи от воров. Поговаривали, что в том году в окрестностях Капитолийского холма, где жила Кристен, было больше героиновых наркоманов на квадратный метр, чем в любом другом районе Соединённых Штатов; воровство героинщиков было необузданным. В тот вечер Кристен позвонила своему товарищу по группе «Janitor Joe» Джоакиму Брюэру, который впоследствии сказал, что Кристен казалась «такой радостной и счастливой, как никогда. Она не могла дождаться возвращения в Миннеаполис».

Около 20:00 Пол оставил Кристен одну в квартире, чтобы она могла принять ванну. Спустя несколько минут, сидя в грузовике, он увидел, что в квартиру вошёл Эрик Эрландсон, а потом уехал спустя примерно полчаса. Пол вернулся в квартиру примерно в 21:30 и постучал в запертую дверь ванной. Он услышал, как Кристен похрапывает внутри. Он знал, что она часто засыпает в ванне, поэтому он вернулся к грузовику и проспал там всю ночь.

Когда Пол проснулся на следующее утро, он вернулся в квартиру, чтобы посмотреть, готова ли Кристен отправляться в путь. Он обнаружил, что дверь ванной всё ещё заперта. Когда он постучал и не получил никакого ответа, он выломал дверь. Кристен стояла на коленях в одном-двух дюймах от воды в ванной, без сознания. Телефон был уже отключён из-за переезда, поэтому он помчался к телефон-автомату на углу, чтобы позвонить по 911. К тому времени, когда приехали полиция и медики, она была мертва. В косметичке на полу ванной полиция нашла то, что они описали как «шприцы и наркотические принадлежности».

17 июня представитель Судебно-Медицинского Управления Округа Кинг объявил, что смерть Кристен была несчастным случаем; он не назвал того, кто проводил вскрытие трупа. Когда мы получили копию свидетельства о смерти Кристен, выяснилось, что задание выполнял не кто иной, как Николас Хартшорн, который определил причину смерти как «Острое Наркотическое Опьянение», вызванное случайным «[введением] употреблением наркотика».

«Казалось ясным, что часто саморазрушительный полусвет грандж-музыки требовал ещё одной жертвы», — заключил журнал «People», слегка растерявшись. СМИ поспешно обвинили печально известную наркотическую культуру города, а также его

беспощадную музыкальную сцену. Рок-звёзды умерли, заключили они, и странно, что все они, казалось, умирали в одном и том же возрасте. Не одно сообщение отмечало, что и Курту, и Кристен было двадцать семь, когда у них произошла смертельная передозировка — столько же лет было Джиму Моррисону, Дженис Джоплин и Джими Хендриксу, когда они встретили собственную смерть, связанную с наркотиками, четверть века назад.

Но было и другое интригующее совпадение. Тот факт, что к этим двум смертям имеют отношение те, кто был близок к Кортни, не укрылся от тех, кто только начинал сомневаться в официальном заключении о смерти Курта.

* * *

Душным августовским вечером 2003 года мы сидим в богемном «Higher Ground Caf» в Буффало. Джэнет Пфафф согласилась публично рассказать о смерти своей дочери впервые с тех пор, как девять лет назад она лишилась Кристен. Она принесла с собой некоторые памятные вещи Кристен: журналы, фотографии и платиновый альбом, вручённый ей посмертно «Geffen Records», празднуя миллион проданных экземпляров альбома «Hole» «Live Through This». Джэнет сопровождает двадцативосьмилетний брат Кристен, Джэйсон.

«Я никогда не забуду, как я узнала о смерти Кристен, — говорит Джэнет, её голос прерывается. — Я только что вернулась из гастронома, а у дома стояла машина моего брата, очень странно для середины дня. Мой брат, Дон, вышел из дома и сообщил мне новость. Я едва не упала наземь. Он сказал мне, что это была случайная передозировка. Я просто не могла в это поверить. Она прошла реабилитацию и увлеклась религией. Она прекратила принимать наркотики в тот день, когда умер Курт. Я говорила с ней каждый день. Она сказала, что без наркотиков она счастливее, чем когда-либо. Именно поэтому я была так потрясена, когда полиция сказала, что она умерла от передозировки наркотиков. Я просто не думала, что это возможно, потому что она так давно не принимала наркотики».

Джэнет вспоминает, как «Geffen Records» передал сообщение, что члены «Hole» хотели бы присутствовать на похоронах. Она категорически отказалась. «Я не знаю, что происходит на этой Сиэтлской сцене, — сказала она «People» в своём единственном в то время публичном заявлении о смерти её дочери. — Но что-то случилось, случилось что-то ужасное».

Президент «Geffen» Эд Розенблатт сделал публичное

сочувственное заявление, в котором он по ошибке предполагал, что Кристен на момент смерти всё ещё была членом «Hole»: «Это тем более трагично, потому что прошлой зимой она прошла антинаркотическую реабилитационную программу. Она была в процессе возвращения обратно в Миннеаполис, чтобы побыть со старыми друзьями до возобновления тура «Hole». Кортни сделала своё собственное заявление, объявив, что смерть Кристен не повлечёт отмену предстоящего тура «Hole»: «Я очень страдаю из-за смерти Кристен. Мы явно потрясены трагедиями, затрагивающими группу в последние месяцы, но мы решили продолжать».

На той неделе, вопреки явным распоряжениям семьи, один из членов группы всё-таки объявился на похоронах — Эрик Эрландсон — который, шокировав семью и собравшихся скорбящих, бросился на гроб Кристен как раз перед тем, как его опустили в землю. Его немедленно выпроводила служба безопасности. Час спустя он появился в доме Пфафф и выглядел странно. Его отказались впускать.

«Он выглядел так, словно принял много наркотиков, — вспоминает Джэнет. — Я не хотела цирка, а это — именно то, что он сотворил, когда бросился на её гроб».

Норм Пфафф прилетел сразу же, как только услышал о смерти своей дочери; когда он приехал, он встретился с Кортни и другими членами «Hole». Впоследствии он рассказал об этой встрече в «Seattle Weekly»: «Не было никаких признаков подобия раскаяния, которое вы бы искали в человеке, который потерял того, кого он любил. Возможно, это из-за того, что умерла Кристен, или кто-то просто опоздал на автобус».

Тем временем Кортни отправила сообщение на AOL Интернет-телеконференцию о недавних трагедиях в своей жизни: «Я прошу вас, молитесь за [Курта] и Кристен… они слышат это, я знаю…. Моя подруга лишилась своей звёздной жизни. У моего ребёнка нет папы…. Пожалуйста, молитесь за маму Кристен».

Но молящиеся не собирались делать это для семьи Пфафф. Они уже начинали испытывать подозрения по поводу смерти Кристен. Когда Джэнет больше узнала о времени, которое Кристен провела в Сиэтле, и особенно об ожесточённой ревности Кортни из-за отношений Кристен и Курта, она позвонила в полицию Сиэтла, чтобы сообщить о своих опасениях только для того, чтобы получить резкий отказ. «Они сказали мне, что не могут расследовать каждую смерть от героина в Сиэтле, потому что тогда передозировки у людей происходили каждый день, и у них просто нет кадров, чтобы расследовать все имевшие место случаи смертей от наркотиков», — вспоминает она.

Действительно, полиция Сиэтла приняла опасения семьи лишь со скрытой усталостью. Когда спустя несколько дней после смерти Кристен «Seattle Times» осведомилась, изучала ли полиция обстоятельства передозировки Пфафф или пыталась ли определить местонахождение источника героина, капитан Дэн Брайант из Отдела по борьбе с наркотиками сказал в интервью газете: «Пока у нас не будет того, кто знал её и согласился бы давать показания и работать с нами, мы на самом деле никуда не продвинемся. Мы не будем рассматривать это дело иначе, чем любое другое только потому, что это кто-то известный. Мы действительно пытались определить местонахождение источника наркотиков в случае с Кобэйном, но были неспособны предложить какое-нибудь обоснованное доказательство. В этом деле это также вполне может оказаться правдой».

Вскоре после этого полиция Сиэтла возвратила вещи Кристен, конфискованные из её квартиры в день, когда было обнаружено её тело. Среди них был личный дневник Кристен, некоторые его страницы были необъяснимым образом вырваны. «Я не знаю, кто вырвал те страницы, — говорит Джэнет, — но у меня есть свои подозрения». «Они были очень личными, — объясняет она. — Я — по-прежнему убитая горем мать. Для меня и моей семьи было так трудно пережить нашу утрату. Возможно, когда я почувствую, что пришло время, я выпущу отрывки из её дневника ради её фэнов. Для них её смерть тоже была тяжёлым ударом. Я получала сочувственные послания со всего мира». Однако она соглашается показать нам самые последние слова, которые Кристен написала перед смертью: «На своём рукаве начертаю — как жить, я знаю».

«Так не говорит тот, кто хочет умереть, — говорит Джэнет. — Мы планировали вместе вернуться в Европу, чтобы Кристен могла показать мне все удивительные места, которые она повидала, когда была в своём последнем туре с «Janitor Joe» за несколько недель до того, как она умерла. Вот одна из причин, вызывающих у меня подозрения. Она так долго не принимала наркотики. Почему она внезапно снова начала принимать наркотики тем вечером, когда она уезжала из Сиэтла?».

Джэнет говорит, что сначала она отклонила идею о заговоре: «Поначалу у меня были некоторые сомнения относительно того, действительно ли Кристен умерла от случайной передозировки. Я задавалась вопросом, могли ли её убить. Но эмоционально я просто была не готова иметь дело с такой возможностью, поэтому я как бы выбросила это из головы. В то время полиция Сиэтла убедила меня, что для расследования не было никаких причин, потому что мне сказали, что никаких признаков преступления не было».

Но недостающие страницы дневника разожгли её сомнения, и когда она узнала, что вскрытие трупа проводил Николас Хартшорн, было уже невозможно их игнорировать. «Меня и мою семью очень обеспокоило, что доктор Хартшорн проводил вскрытие, — говорит Джэнет. — Я была в курсе относительно его близкой дружбы с Кортни. Это — злоупотребление служебным положением. Это пугает меня. Я не хочу никого ни в чём обвинять, но у меня есть свои опасения».

Между тем у самого Тома Гранта были сомнения: «Такое впечатление, что каждый, кто пытается уйти от Кортни, умирает, чтобы не говорить об этом. Курт хотел развода, и он умирает. Кристен хотела уйти от Кортни, и она умирает. Обе их смерти были связаны со смертельными дозами героина».

За эти годы Грант никогда особенно не вдавался в детали того, что было известно о смерти Кристен, но всегда давал понять, что знает об этой истории гораздо больше, чем он пока высказал публично. Наконец, после долгих убеждений, он вынимает плёнку с записью своего разговора с Кортни о смерти Кристен 1 октября 1994 года.

На плёнке Кортни рассуждает о наркомании Кристен: «Когда Кристен принимала наркотики в течение нескольких месяцев, она всегда принимала кокаин со своим героином. Так говорила Пэтти [Скимел, играющая на ударных в «Hole»]. Я никогда не принимала наркотики с Кристен. Я даже не знала об этой проблеме, пока она [не обратилась в реабилитационный центр]. Я знала, что она несколько раз принимала наркотики до того, как приехала в город. Я знала, что она ходила на тусовки. Я не думаю, что это называлось тусоваться. Я думаю, что это называется полным саморазрушением. Я знаю, каково это. Это чёртова попытка убить себя, или вызвать у себя оцепенение. Тусоваться? Я вас умоляю! Пэтти принимала с ней наркотики, но она никогда не принимала кокаин с героином. Она принимала только героин».

Кортни продолжает говорить о том, что она знает о событиях той ночи, когда умерла Кристен. Она признаётся, что Эрик тем вечером зашёл в её квартиру по дороге на свидание с Дрю Бэрримор и обнаружил там Пола Эриксона. Она говорит, что Кристен уже спала в ванной, когда приехал Эрик. «Эрик такой: «Я слышал её храп, я слышал её дыхание. Я думал, раз там дышат, всё в порядке».

В этот момент разговора Грант говорит: «Эрик слышал её храп?».

«Да, об этом никогда не говорилось в прессе, но я знаю точно, что случилось той ночью», — отвечает она.

Грант спрашивает, где был друг Кристен Пол Эриксон, когда Эрик слушал под дверью.

«Он был в квартире. Это была однокомнатная квартира.… Эрик сказал: «Я собираюсь идти на свидание. Если она не выйдет через двадцать минут, позвони мне в машину. Я проверю». А потом Пол пошёл спать. Он просыпается в 9:30, а она мертва. Пол пошёл спать в 21:00. Я сожалею, но люди в рок-группах никогда не ложатся спать так рано».

Странно, но потом Кортни начинает говорить о Николасе Хартшорне, который производил вскрытие трупа Кристен: «Я скажу одну вещь. Николас, мой рок-н-ролльный судебно-медицинский эксперт, он сказал нечто жуткое. Он говорит: «Боже, она хорошенькая!». Это он так о покойнице говорит! «Боже, она хорошенькая».

Спустя два месяца Дэвид Фрикке из «Rolling Stone» спросил Кортни о смерти Кристен во время интервью. В этом интервью, опубликованном 15 декабря 1994 года, она утверждает, что она на самом деле была в квартире Кристен в то утро, когда было обнаружено тело: «Я должна была пойти туда и увести Эрика от тела, — сказала она Фрикке. — Кристен очень долгое время была его возлюбленной. Он из-за неё уже ломал одну дверь ванной за другой. Он вышиб двери торговцев наркотиками».

Когда мы надавливаем на него, Грант не решается говорить о важности того факта, что и Кортни, и Эрик находились в квартире 16 июня, пока Кристен лежала там мёртвой, и того, что впоследствии обнаружилось, что из дневника Кристен исчезли страницы. «Сейчас я не могу это обсуждать», — говорит он.

Вскоре после того, как Грант впервые предал гласности свою теорию о смерти Курта, с ним связался брат Кристен, Джэйсон, у которого вызвала глубокую тревогу передозировка его сестры, и он подозревал, что Кортни имеет к этому какое-то отношение. Спустя девять лет, говорит Джэйсон, эти подозрения сильнее, чем когда-либо. После того, как он услышал о теории Гранта, объясняет он, всё стало понятно: «Здесь слишком много совпадений. Сначала умирает Курт, потом Кристен. Оба поссорились с Кортни. Кортни — не такой человек, которому хочешь быть врагом. У неё взрывной характер».

Мы спрашиваем его, как Кортни могла иметь возможность приложить руку к смерти его сестры. Думает ли он, что Эрик — бывший приятель Кортни — действовал в союзе с ней, как предполагали многие теоретики заговора в эти годы? Но Джэйсон, сам бывший героиновый наркоман, который теперь работает консультантом по наркотикам в Буффало, говорит, что он сомневается, что Эрик сознательно убил его сестру.

«Возможно, героин был прощальным подарком Кристен от Кортни, и она попросила Эрика тем вечером вручить его, — размышляет он. — Это могла быть доза грязного (излишне чистого) героина. Того факта, что Кристен так долго не принимала наркотики, в сочетании с дозой грязного героина, было достаточно, чтобы убить её». Джэйсон думает, что чрезмерно эмоциональная реакция Эрика на смерть Кристен, возможно, имела какое-то отношение к вине, которую он чувствовал, бессознательно сыграв свою роль в трагедии. Но он признаёт, что всё это — предположение.

Ким Янг, музыкант из Сиэтла, которая знала и Кристен, и Кортни, находит теории заговора немного неправдоподобными: «Поскольку я любила Кристен, я думаю, что смешно намекать на то, что Кортни могла быть к этому причастна. Да уймитесь вы, наконец! Курт умер несколькими месяцами ранее, и Кортни пыталась раскрутить свой новый альбом. Я просто не думаю, что она — такой человек, который может сделать что-то подобное. Зачем такая сумасшедшая, как Кортни, хотела смерти Кристен? Я могу понять, почему она хотела смерти Курта — потому что он хотел развода. Но вы думаете, что она пошла бы и убила Кристен только потому, что она уходила из «Hole»? Я так не думаю. Она могла бы заполучить для «Hole» любого басиста на планете».

Однако со своей точки зрения, далёкой от сцены, Джэнет Пфафф испытывает больше подозрений, чем когда-либо. Она осторожна в отношении того, что она говорит, когда её слова записываются, потому что она говорит, что не хочет, чтобы на неё напала «армия адвокатов» Кортни. Ее объяснение само по себе столь же элементарное, сколь пугающее: «Я её боюсь. Я на самом деле не хочу иметь к ней никакого отношения, поэтому мне лучше ничего не говорить. Она — тот человек, с которым я на самом деле не хочу сталкиваться в своей жизни. Я вообще не хочу с ней связываться».

* * *

Когда Кристен Пфафф была найдена мёртвой в своей ванной 16 июня 1994 года, эта новость вскоре затмила ещё одну локальную трагедию, которая доминировала в заголовках сиэтлских газет более недели. 4 июня в возвращавшегося со службы домой в машине без спецзнаков сиэтлского полицейского по имени Антонио Терри стреляли, и он был убит. Странной смерть Терри сделал тот факт, что он был первым полицейским, убитым в штате Вашингтон с 1987 года.

Это имя показалось Тому Гранту знакомым, но только тогда, когда он получил полицейский отчёт по делу Кобэйна, он обратил на это более пристальное внимание. Там, в сообщении о пропаже человека, сделанное Кортни от имени матери Курта 4 апреля, было упоминание об Антонио Терри:

> М-р Кобэйн сбежал из калифорнийской клиники и прилетел обратно в Сиэтл. Он также купил винтовку и, возможно, хочет покончить с собой. М-р Кобэйн может быть там, где можно достать наркотики. Дополнительная информация у Детектива Терри Полицейского Управления Сиэтла/Отдела по борьбе с наркотиками.

«Кортни всегда говорила со мной о своём друге детективе Терри из отдела по борьбе с наркотиками, и как она сразу же заслужила его благосклонность, — вспоминает Грант. — Когда я ездил с ней и Кэт Бьёлланд в Карнэйшн после того, как умер Курт, я зашёл в «Севен-илевен»1, чтобы купить что-нибудь попить, и когда я вернулся в машину, она говорила с кем-то по моему мобильному телефону. Я спросил её, кому она звонила, и она сказала: «Моему другу детективу Терри». Я не обратил на это большого внимания, пока не увидел его имя в сообщении о пропаже человека и понял, что это был тот самый полицейский, который был убит за неделю до Кристен».

Грант ставит плёнку с разговором, который был у него с Кортни 3 апреля. На ней она говорит о своих заявлениях в полицию, чтобы арестовали Кейтлин Мур, у которой, как она подозревает, роман с Куртом. Она рассказывает Гранту, что она однажды сказала детективу по имени Терри, что она «свяжется с ним», чтобы помочь заманить Кейтлин в ловушку. В ещё одном записанном на плёнку разговоре Кортни признаётся Гранту, что она хорошо знакома с расследованием дела детективом, утверждая, что «Терри обнаружил очень большое кольцо крэка, которое было также большим кольцом героина», и что Терри сказал ей, что героин прибыл из Вудберна, штат Орегон.

Первоначально сообщалось, что Терри был застрелен двумя мужчинами после того, как он остановился, чтобы помочь автомобилисту на тросе на автомагистрали между штатами. Эрик Смайли и Квентин Эрвин были обвинены в убийстве Терри. Оба в своих показаниях настаивали на том, что не знали, что Терри был полицейским, и застрелили его в порядке самообороны, когда он вынул оружие.

Но когда дело было передано в суд спустя восемнадцать месяцев, впервые были обнародованы некоторые любопытные детали. Свидетели показали, что детектив Терри не остановился,

чтобы помочь автомобилисту на тросе, как сообщалось сначала, а Смайли и Эрвин сознательно потребовали его остановиться, когда он сворачивал. Когда он вышел из машины, они выстрелили в него. Терри сумел выстрелить в одного из подозреваемых, вернуться в машину, доехать до Южной Зоны Сиэтла и сделать заявление об инциденте перед тем, как умереть от потери крови. В нём он рассказал, что услышал, как один из стрелявших сказал: «Он — коп», несмотря на тот факт, что он был в гражданской одежде и в машине без спецзнаков. Очевидно, эти двое подстерегали Терри, чтобы заманить его в засаду, когда он свернул на свой обычный путь, чтобы ехать домой.

Но это не было единственной аномалией, выяснившейся на суде. Адвокаты защиты утверждали, что персональные данные Терри были изменены после его смерти, чтобы поддержать утверждение обвинителей, что детектив был при исполнении служебных обязанностей, когда в него стреляли. Первоначальное время ухода Терри — 1:15 утра — было изменено на 1:45 утра так, чтобы выглядело, как будто он был всё ещё при исполнении служебных обязанностей, когда он был убит в 1:30 утра. Криминалистическая патрульная лаборатория Штата Вашингтон проанализировала контрольный листок Терри и заключила, что в него в шести местах были внесены изменения. В Штате Вашингтон убийство полицейского при исполнении служебных обязанностей является отягчающим обстоятельством, которое автоматически приводит к пожизненному заключению после признания виновным. Сержант Дональд Кэмерон — в то время по-прежнему считавшийся образцом честности — случайно оказался ведущим детективом по убийствам в деле Терри. Полицейское Управление Сиэтла так и не установило, кто должен был понести ответственность, и ни один офицер так и не был подвергнут взысканию за это преступление.

Грант говорит, что из-за маловероятной комбинации обстоятельств он сомневается, что смерть Антонио Терри связана с делом Кобэйна, но полностью не исключает такую возможность. «Конечно, здесь много странных совпадений», — говорит он.

Хотя не было представлено никаких доказательств того, что Кортни связана с убийством Терри, журналистка «Newsweek» Мелисса Росси раскопала интригующий факт: оказалось, что на момент смерти Терри занимался расследованием источника героина, найденного в крови Курта, когда он умер.

Спустя два года, работая над своей биографией Кортни Лав, «Королева Шума», Росси сказала Кортни, что она узнала об участии Терри в расследовании дела Кобэйна. И хотя не было никакого намёка на связь между этим расследованием и

последующим убийством Терри, Кортни без всяких пояснений сказала Росси, что она «чувствовала себя ответственной» за смерть детектива Терри. Она так и не уточнила. Однако мы узнали, что в 1994 году Кортни тайно заплатила вдове Терри значительную сумму денег.

11

В течение нашего исследования мира Курта Кобэйна мы столкнулись с изрядным количеством мрачности, начиная от детей из его родного города, которые мечтали только о том, чтобы напиться, до периодических передозировок в городе, где он в последнее время постоянно жил. Мы узнали много отвратительного о Кортни, рок-н-ролле, и разлагающейся любви. Но ничто не могло подготовить нас к нашей встрече с ухмыляющимся рокером, который едва ли не кичился тем, что убил Кобэйна.

Странная цепь событий, которые привели к этой случайной встрече, началась в 1996 году, когда мы ещё работали над нашей первой книгой. В Лос-Анджелесе прошло сообщение, что музыкант по имени Элдон Хоук утверждает, что Кортни Лав предложила ему 50 000 $, чтобы убить её мужа. Мы немедленно полетели в Лос-Анджелес, чтобы встретиться с Хоуком и проверить его историю.

Первое впечатление от встречи с ним было неблагоприятным. Растрёпанный, пьяный и отчасти жалкий, он больше был похож на бездомного, чем на наёмного убийцу, и мы сразу же интуитивно почувствовали, что приехали зря. Однако мы выслушали его историю, потому что были заинтригованы окружением Хоука.

В 1997 году, когда он ходил в сиэтлскую Среднюю Школу Рузвельта, Элдон Хоук с двумя школьными друзьями, Эриком Карлсоном и Стивом Броем, основал группу под названием «Mentors». Поначалу группа играла примитивную версию хэви-металл, на которую оказали влияние панк-идеалы, в то время появившиеся из американского музыкального андеграунда. Вскоре они значительно извратили свои выступления. Хоук, певец/ударник группы, взял сценический псевдоним «Эль Дуче», и «Mentors» стали пользоваться дурной славой за свои агрессивные, сексуально откровенные тексты песен и непристойные сценические выходки, включающие дискотечных танцовщиц и сексуальные игрушки. Члены группы на сцене носили чёрные капюшоны палачей. В репертуаре «Mentors» были такие песенки, как «Donkey Dick» («Ослиный Член»), «When You`re Horny You`re Horny» («Когда Ты Сексуально Озабочен, Ты Сексуально Озабочен») и «All Women Are Insane» («Все Женщины Безумны»). Они выбрали время как нельзя лучше. Их юные зрители, которых ужасала преобладающая политически корректная чувствительность, приветствовала «Mentors», и родился новый жанр музыки — порно-металл.

У группы было огромное количество поклонников на Тихоокеанском Северо-Западе, и вскоре они подписали свой первый контракт на звукозапись с «Mystic Records». В Абердине Крист Новоселич, будучи подростком, даже играл на басу под сценическим псевдонимом «Фил Этио» в группе, играющей кавер-версии «Mentors», основанной членами «Melvins». В начале восьмидесятых Хоук и «Mentors» переехали в Лос-Анджелес, где они вскоре стали постоянным элементом лос-анджелесской андеграундной музыкальной сцены 80-х, печально известными своей дикой распущенностью как на сцене, так и за её пределами. Их слава достигла своей кульминации в 1985 году, когда на слушаниях в сенате о непристойности в рок-н-ролле Типпер Гор назвала «Mentors» самыми худшими исполнителями и процитировала текст их песни «Golden Showers» («Золотые Дожди»): «Отогни и понюхай мои анальные пары», миссис Гор незабываемо громко декламировала на степенном собрании американских сенаторов: «Твоё лицо будет моей туалетной бумагой».

Именно в Лос-Анджелесе в конце 80-х пути Элдона Хоука и Кортни Лав впервые пересеклись. Приблизительно в 1987 году гитарист «Mentors» Эрик Карлсон (также известный как Сики Уайфбитер) начал встречаться с Кэролин Рю, игравшей на ударных в лос-анджелесской группе «Omelettes». Спустя два года Кортни взяла Рю играть на ударных в свою новую группу «Hole».

Басист «Mentors» Стив Брой (также известный как Доктор Хитэн Скам) вспоминает эту сцену: «Кэролин уже рассталась с Сики, и я не видел её некоторое время. Я думаю, что у них был резкий разрыв. Потом я столкнулся с ней в каком-то клубе, и я помню, что она сказала мне, что только что присоединилась к группе под названием «Hole», и от этого она была очень возбуждена. Мы разговорились, и она сказала, что ей нужен сосед по комнате, поэтому мы переехали туда вместе. Именно в тот период, когда Кэролин жила со мной, Эль познакомился с Кортни. Он уже очень хорошо знал Кэролин с тех пор, как она встречалась с Сики. Мы обычно много гастролировали в былые времена с группой бывшего приятеля Кортни Розза Резабека, но я не знают, встречался ли с ней Эль потом».

К тому времени Хоук был больше известен на лос-анджелесской музыкальной сцене своими алкогольными кутежами и пьяными выходками, чем своей музыкой. Когда пьянство Эль Дуче стало наносить вред живым выступлениям группы, заказы билетов на «Mentors» стали значительно уменьшаться. К 1993 году Хоук стал обитать в «Рок-Шопе», музыкальном магазине в Западном Голливуде, где он время от

времени подрабатывал и ожидал, когда зайдут фэны «Mentors» и предложить им купит ему выпивку. Именно там однажды вечером в канун нового 1993 года, как утверждал Хоук, Кортни Лав попросила его убить Курта Кобэйна.

Именно в «Рок-Шопе» мы впервые встретились с Хоуком в феврале 1996 года. Пропахший алкоголем дородный музыкант рассказал нам о том, как Кортни, как королева, прибыла в это мрачное помещение: «Она вышла из лимузина, подошла туда, где я стоял, и сказала: «Эль, мой муженёк в последнее время стал настоящим придурком. Ты мне нужен, чтобы прострелить его чёртову башку».

Хоук спросил её, всерьёз ли она это говорит.

«Я серьёзна, как сердечный приступ, — якобы ответила Кортни. — Я дам тебе за это пятьдесят тысяч долларов. Я полечу с тобой в Сиэтл и скажу тебе, что делать».

Они говорили минут пятнадцать, сказал Хоук, пока Кортни в общих чертах обрисовала свой план, как он должен осуществить убийство, чтобы оно выглядело как самоубийство.

«Она сказала, что за это даже сделает мне минет. Я сказал: «Минета не надо, просто дай мне эти деньги». Она спросила, как она сможет связаться со мной, и я сказал ей, что я принимаю сообщения в «Рок-Шопе». Мы зашли внутрь, и я дал ей визитную карточку и сказал: «Ты можешь найти меня здесь».

Когда мы разговаривали, за прилавком стоял невысокий тёмноволосый человек и обслуживал покупателей. Хоук указал на него и сказал: «Вот Сеп. Он был там в тот день». Этим человеком был Каруш Сепедиан, менеджер «Рок-Шопа». Он сказал, что помнит визит Кортни, как будто это было вчера: «Я помню, как Кортни подъехала в том лимузине, — вспоминает он. — Она начала говорить с Элем перед магазином, и мой прилавок был прямо у двери, поэтому я мог слышать часть разговора. Она сказала ему: «Слушай, ты можешь справиться с этим, ты можешь сделать это? Что ты за это хочешь?». Они говорили о Курте Кобэйне. Потом они вошли в магазин, и Эль прошептал мне, что она только что предложила ему пятьдесят тысяч долларов, чтобы избавиться от её муженька. Он был весьма возбуждён. «Кортни говорит, что она скоро мне позвонит», и она уехала».

Сепедиан, который утверждает, что дружил с Кортни, когда она жила в Лос-Анджелесе несколько лет назад, сказал, что когда эти двое не больше не получали известий от Кортни, они решили, что её просьба была шуткой. Потом как-то в конце марта 1994 года Сепедиану позвонили: «Звонила Кортни и искала Эля. В то время он был в туре со своей группой. Я сказал ей, что не знаю, как с ним связаться. Она была вся в ярости. Она сказала: «Мне

нужно поговорить с ним. Он должен сделать одно дело». Я сказал ей, что понятия не имею, и она начала кричать на меня. Я сказал ей, что я управляю бизнесом, и повесил трубку».

Пока он говорил, мы разглядывали пожелтевшие концертные постеры, трубки для курения гашиша и общую запущенность обстановки вокруг нас. Мы подумали, что где-нибудь, конечно, должен был быть лучший источник, чем эти два парня. Позже, после ухода Хоука, мы ещё раз съездили в «Рок-Шоп», чтобы расспросить одного Сепедиана, который был гораздо менее жутким. Как он думает, спросили мы его, почему Кортни обратилась к кому-то вроде Хоука, чтобы убить своего мужа? Почему не к профессиональному наёмному убийце?».

«Все думают, что он сумасшедший, — ответил он. — К тому же, у него такая репутация, что он сделает всё, что угодно, ради баксов».

Независимо от того, был он свидетелем или нет, нам было трудно принимать всерьёз всё, что сказал Хоук. Мы даже решили не использовать его странное заявление в своей книге. Потом нам позвонила Сантина Леучи, продюсер «Печатной Копии», самого известного в то время американского бульварного телешоу. Она хотела, чтобы мы с Томом Грантом и Элдоном Хоуком выступили в сюжете о теории убийства Кобэйна. Грант категорически отказался, сказав, что он не участвует в бульварных телепередачах. Мы же, в свою очередь, опасались, что выступление с Хоуком могло бы подвергнуть риску доверие к нашему делу. Но когда Леучи сказала нам, что адвокаты шоу согласились разрешить выступление Хоука, только если он пройдёт надёжный тест на детекторе лжи, мы решили принять её приглашение — только в том случае, если Хоук пройдёт испытание на детекторе лжи.

«Печатная Копия» не скупилась на расходы. По настоянию их адвоката был нанят ведущий американский эксперт по детектору лжи, доктор Эдвард Джелб, известный как новатор в этой области, и в то время он был инструктором продвинутого курса по детектору лжи в ФБР. Незадолго до того, как О. Дж. Симпсон был арестован якобы за убийство своей жены, адвокат Симпсона Ф. Ли Бейли сделал так, чтобы Джелб управлял детектором лжи для своего клиента. Сообщалось, что Симпсон совершенно провалил испытание, хотя Бейли впоследствии утверждал, что он остановил испытание на полпути «из-за эмоционального состояния Симпсона».

После проверки Хоука на детекторе лжи 6 марта 1996 года Джелб заключил, что его рассказ был «полностью правдив». На вопрос: «Просила ли вас Кортни Лав убить Курта Кобэйна?»

положительный ответ Хоука показал с вероятностью 99.91 процента, что он говорил правду. По словам доктора Джелба, такой показатель относится к категории «вне вероятности обмана». Когда вопрос был повторён, ответ Хоука показал в точности то же самое.

Мы спросили Джелба об общем мнении, что психопаты и социопаты могут обмануть детектор лжи. «Это миф», — ответил он, объяснив, что недавнее исследование Британской Колумбии показало, что детектор лжи на самом деле более точен при проверке таких людей. Джелб сказал, что многие неправильные представления о детекторе лжи возникли с его самых ранних дней, когда технология была гораздо менее сложна. На сегодняшний день испытание, проводимое квалифицированным экспертом, настолько точно, что его результаты теперь принимаются во многих судебных инстанциях по всем Соединённым Штатам.

Результаты проверки Хоука на детекторе лжи были настолько бесспорны, что их нельзя было игнорировать. 6 марта 1996 года один из друзей Хоука сам позвонил в Полицейское Управление Сиэтла и сообщил о результатах проверки. На этот раз, кажется, Полицейское Управление Сиэтла обратило на это внимание. Несколько дней спустя нам позвонили из источника в Полицейском Управлении Сиэтла, рассказав нам, что дело Кобэйна было возобновлено впервые за два года. Наш источник сказал, что заявление Хоука стало причиной «вспышки активности», добавив, что, если эта история могла бы быть доказана, этого могло бы быть достаточно для обвинения Кортни в заговоре с целью совершения убийства — обычное обвинение за попытку нанять наёмного убийцу. Как ни странно, сержант Кэмерон отрицал, что дело Кобэйна было возобновлено, когда один из репортёров спросил его об этом на той же неделе.

Спустя годы обновлённый набор полицейских отчётов, который мы получили согласно законодательству о Свободе Информации штата Вашингтон, показал, что дело Кобэйна было действительно возобновлено, как только было сказано о проверке Хоука на детекторе лжи — но только лишь под скрытым давлением. Строго засекреченная служебная записка сержанта Кэмерона своему начальнику, лейтенанту Элу Джердесу, от 7 марта упоминает о Томе Гранте, который «в настоящее время со своими избитыми заявлениями разъезжает по стране, сутью которых является то, что Кортни убила своего любящего мужа Курта Кобэйна». Кэмерон, ссылаясь на результаты проверки Хоука на детекторе лжи, упорно отмечал, что детектив по имени Ила будет «разбираться в этой информации, и я полагаю, что мы

также должны будем изучить это». В заключение он посоветовал лейтенанту Джердесу: «Пожалуйста, ознакомьтесь со всеми аспектами этого расследования».

Но после этого нет ничего. Нигде в деле нет никаких признаков того, что Полицейское Управление Сиэтла разобралось в заявлении Хоука. На самом деле когда друг Хоука впервые позвонил в Полицейское Управление Сиэтла по поводу проверки на детекторе лжи, он отказался выслушать инструкцию об отправке информации в Полицейское Управление Лос-Анджелеса. Полицейское Управление Сиэтла, как потом казалось, бездействовало в ожидании расследования Полицейского Управления Лос-Анджелеса. Хоук сказал, что он связывался с полицией в Сиэтле и Лос-Анджелесе, предложив предоставить заявление, но так и не получил от них никакой реакции.

Мы подошли к вопросу об Элдоне Хоуке с мыслью, что они с Сепедианом придумали эту историю для своего рода денежной выгоды, или для того, чтобы Хоук вновь достиг некоторой славы, которой он когда-то наслаждался, будучи целью кампании Типпер Гор против непристойности. Однако Хоук никогда не просил денег за то, чтобы рассказать свою историю, даже когда «Печатная Копия» — программа с репутацией оплачиваемых источников — просила об интервью. Том Грант сам был скептически настроен: «Сначала я думал, что, возможно, Кортни послала их туда, чтобы подставить меня. Я начал бы говорить об этих парнях как о доказательстве, а затем они бы вышли и сказали, что они сочинили всю эту историю. Тогда я был бы дискредитирован, и мне бы больше не доверяли». Но после того, как Хоук прошел проверку на детекторе лжи, ни мы, ни Грант не знали, что с этим делать.

«Я позвонил эксперту, доктору Джелбу, и спросил его, не думает ли он, что была вероятность того, что Хоук каким-то образом одурачил детектор лжи, — вспоминает Грант. — В конце концов, эти вещи не надёжны на все сто процентов. Он сказал мне: «Не этот парень».

Даже если бы история Хоука была правдой, это не доказало бы, что Кортни убила своего мужа, но это, несомненно, доказало бы это намерение. Однако сам Хоук не совершал этого преступления. Его история оставила зияющую пустоту.

К этому моменту наше расследование привело нас к тёмному месту, где рок-н-ролл пересекается с преступлением. Мы говорили со странными личностями, включая героинщиков, наемных убийц в засаде, музыкантов, которые одевались как палачи и с рядом прочих гнусных типов. Мы встречали источники в наркотических притонах, глухих переулках, окружных тюрьмах

и в некоторых из самых запущенных баров Америки. Мы преследовали предполагаемого убийцу. Наши друзья и семья постоянно спрашивали, не боимся ли мы. Если мы подошли слишком близко к тому, чтобы установить человека, который убил Курта, разве мы не могли быть потенциальной мишенью, спрашивали они.

Мы не придавали значения этому предположению. Ни для кого мы не были мишенью, предполагали мы, потому что это вызовет слишком большое подозрение. Ни разу, занимаясь нашей историей, мы на самом деле не думали, что нам грозит какая-то опасность. А затем история Элдона Хоука приняла неожиданный оборот.

* * *

Спустя несколько месяцев после нашей первой встречи с Хоуком нам позвонил британский кинорежиссёр Ник Брумфилд, который сказал, что он подумывает о том, чтобы снять документальный фильм для Би-Би-Си о теории убийства Кобэйна, и хочет пригласить нас в качестве консультантов. В то время Брумфилд, которого прозвали «Британским Майклом Муром» за свою вызывающую технику интервьюирования, был одним из ведущих мировых режиссёров документальных фильмов, известный дискуссионными фильмами на такие разнообразные темы, как неонацистские политические деятели, Маргарет Тэтчер и женщины-серийные убийцы.

В марте 1997 года Брумфилд полетел с нами в Сиэтл на неделю киносъёмок, в течение которой мы поделились некоторыми из результатов наших собственных исследований и назвали некоторых лиц, у которых мы брали интервью для нашей будущей книги. Среди них был Элдон Хоук, с которым Брумфилд решил поговорить, когда он поедет в Калифорнию.

Спустя месяц мы узнаём, что изувеченное тело Элдона Хоука было найдено на железнодорожных рельсах в мрачном рабочем городе Риверсайд, штат Калифорния. Ник Брумфилд взял у него интервью всего за неделю до его смерти и только что сам услышал эту новость. «Что происходит? Я должен бояться? — спросил нас Брумфилд. — Вы думаете, что Кортни имела к этому какое-то отношение?». В этот момент мы не знали, что ответить, ничего не зная об обстоятельствах смерти Хоука.

Но два месяца спустя нам позвонил ещё один ветеран, панк-музыкант из Лос-Анджелеса. Брент Олден (также известный как Брент Альдо), бывший лидер группы «False Alarm», сказал нам,

что за две ночи до того, как Хоук был убит (на самом деле это было за ночь до этого), «Mentors» играли концерт в Баре Эла в центре Лос-Анджелеса. Олден, который писал книгу о лос-анджелесской панк-сцене, взял интервью у Хоука перед концертом и посчитал, что он необъяснимо взволнован: «Дуче вёл себя очень необычно. Он слышал, что ему может грозить опасность, и он спросил меня, знаю ли я, где можно получить фальшивые водительские права. Я спросил его, зачем, и он сказал: «Люди захоронены в полях, люди теряются в болотах». Я спросил его, о чём он говорит. Он сказал, что недавно ему сказали, кто убил Курта Кобэйна, и он стал суперпараноидальным. Я был в курсе, когда он говорил, что ему предлагали 50 000 $, но он сказал, что это было не так».

Олден тогда сказал нам, что Хоук на самом деле открыл ему имя убийцы Курта, и что он планировал назвать его в своей будущей книге. Мы спросили его, боится ли он, что, обнародовав эту информацию, он может разделить участь Хоука.

«Информация заперта в банковской ячейке и будет обнародована, если со мной что-то случится», — сказал он.

В нашей первой книге мы называем Олдена «Дрю Галлахер», потому что он попросил не сообщать своего имени. Мы нашли его заявление о том, что Хоук сообщил ему имя убийцы, сомнительным, и мы так и сказали. Но спустя шесть месяцев после того, как мы с ним говорили, неожиданная двухсекундная обмолвка в недавно вышедшем документальном фильме Брумфилда снова сосредоточила наше внимание на утверждениях Олдена ещё раз.

Вот что происходит в интервью с Хоуком, записанном на плёнку 11 апреля 1997 года в Риверсайде, штат Калифорния на «Ранчо «Mentors»» — маленьком строении, принадлежащем басисту группы, Стиву Брою. Брумфилда сопровождал туда человек по имени Ломас, больше известный как сутенёр Дивайн Браун, проститутки, которая вызвала печально известный голливудский скандал в 1995 году, когда Хью Грант был арестован, когда воспользовался её услугами. Хотя Брумфилд известен тем, что платит своим персонажам, Хоук отказался от денег, только попросил режиссёра купить ему выпивку. Когда Брумфилд приезжает на ранчо и спрашивает Хоука о предложении Кортни, это заканчивается следующим отснятым на плёнку диалогом:

> ХОУК. Она предложила мне пятьдесят штук баксов, чтобы пришить Курта Кобэйна. Когда она предложила мне деньги, чёрт возьми, я хотел бы их взять, в натуре.

Но я знаю, кто его пришил.

БРУМФИЛД. Как ты собирался его пришить? Она говорила тебе, как это сделать?

ХОУК. Да, прострелить его чёртову башку.

БРУМФИЛД. Но где ты собирался найти его, чтобы сделать это?

ХОУК. Ну, она планировала это там, в Беллвью, как раз за пределами Сиэтла. Я знаю, что как раз там их дом, я знаю, в какой сад быстро всунуть его, я просто не думал, что она говорила серьёзно.

БРУМФИЛД. Но она говорила тебе, как это сделать?

ХОУК. Да, прострелить его чёртову башку, и сделать так, чтобы это выглядело как самоубийство.

В этот момент разговора Хоук — явно пьяный — кажется, признаётся в том, в чём не должен был признаваться:

ХОУК. Но я сказал Аллену, то есть моему другу [нервно смеётся] — я позволю ФБР поймать его — вот что нужно сделать, чтобы покончить с этой историей. Эй, пятьдесят штук баксов заставят много чего наговорить.

Хоук больше не упоминает о своём друге «Аллене», который, как он, кажется, намекает, на самом деле совершил убийство. Спустя восемь дней после интервью Хоук был мёртв — он был сбит поездом приблизительно в миле от того места, где Брумфилд брал у него интервью.

Ко времени выхода фильма Брумфилда наша книга была уже в типографии, и было уже слишком поздно разбираться в разоблачении, которое сделал Хоук, или расследовать обстоятельства его смерти. Мы предполагали, что покончили с этим делом навсегда. Однако четыре года спустя мы получили плёнку, которая снова погрузит нас в расследование дела Кобэйна и заставит нас пересмотреть всё, что, как мы думали, мы знали об этом деле.

Мы никогда особенно не верили в то, что Брент Олден утверждал, что знает имя убийцы Курта Кобэйна. К 2002 году его книга всё ещё не вышла, и мы предполагали, что он придумал эту историю. Тогда через один музыкальный источник в Лос-Анджелесе мы случайно получили копию реального интервью, которое Олден провёл с Хоуком в Баре Эла в Лос-Анджелесе 18 апреля 1997 года. Там слышно, как Хоук, рассказывая Олдену о предложении Кортни 50 000 $, внезапно проболтался ещё кое-о чём:

ХОУК. Знаешь, я на самом деле знаю, кто настоящий убийца Курта Кобэйна.

ОЛДЕН. Кто это?

ХОУК. Его зовут Аллен Ренч.

Мог ли это быть тот самый «Аллен», которому Хоук дал отоспаться во время своего интервью с Брумфилдом? Мы никогда не слышали об Аллене Ренче, но с помощью быстрого Интернет-поиска обнаружили вебсайт калифорнийской группы под названием «Kill Allen Wrench» («Убить Аллена Ренча») (также известной как «Punk Rock`s Most Important Band» — «Самая Важная Панк-Рок-Группа»). Этот сайт удивительно сложен для незначительной рок-группы. Он полностью снабжён страницами сведений о группе, текстами песен, песнями, которые можно загрузить, анимированными скелетами и целой галереей часто обновляемой порнографии со свободным доступом. Провозглашается, что эта группа занимается «всеми четырьмя важнейшими рок-элементами: Сатанизмом, Алкоголизмом, Насилием В Семье и Саморазрушительной Наркоманией!» В расшифрованных интервью и текстах много говорится о группиз и шлюхах, которые сделают «всё, что угодно» для этой «панк-рок-легенды». Один из участников в интервью сетует, что «стало много дерьмового панк-рока», потому что у некоторых панков хватает смелости жаловаться, что порно плохое. Среди песен есть как минимум две об Эль Дуче (также известном как Элдон Хоук) — одна рассказывает, как лидер «Mentors» дошёл до попрошайничества и о «грёбаных цыпочках, мерзких и вульгарных», а другая изобилует ссылками на железнодорожные рельсы и поезда, описывая его как «не чувствующего никакой боли». Сайт содержит обои с концертными фотографиями самого Аллена Ренча с рогами, как у чёрта, пентаграммами и множеством красной бурды. Казалось, что мы нашли того, кого искали.

Нам потребовалось несколько недель, чтобы устроить интервью, но в декабре 2002 года пресс-агент группы, «Джимми Сопрано», сообщил нам, что Ренч готов поговорить. Он организовал телефонное интервью.

Тот первый телефонный разговор Ренч начал осторожно. Он сказал, что, будучи участником музыкальной сцены Риверсайда, он много лет знал Элдона Хоука, и «Дуче» был одним из его лучших друзей. Когда мы спросили его, почему Хоук утверждал, что он убил Курта Кобэйна, Ренч ответил: «Понятия не имею». Потом он сказал нам, что он был последним, кто видел Хоука живым: «Тем вечером я привёз его к винному магазину, но

высадил его перед магазином, и затем пошёл, чтобы подцепить цыпочку. Больше я его не видел. Потом я услышал, что его задавил поезд спустя несколько минут после того, как я высадил его».

Хоук свалил на Ренча; Хоук кончил тем, что умер. Последний, кто видел Хоука живым — тот человек, которого он только что назвал в качестве убийцы Курта. Разве этот сценарий не вызывает некоторые подозрения, спросили мы.

«Слушайте, если бы я признался вам, что я убил Кобэйна, я бы кончил тем, что попал бы в тюрьму, и я не собираюсь так рисковать, — ответил Ренч. — Именно поэтому парня, который на самом деле убил Кеннеди, никогда не найдут. Никто не будет настолько глуп, чтобы выступить и сознаться в преступлении. Они закончили бы или мёртвыми, или в тюрьме. По-прежнему вполне возможно, что дело [Кобэйна] могут возобновить. Обычно такое убийство имеет исковую давность в США, но теперь этого больше не делается. Если бы я сказал: «Эй, я пришил Кобэйна» спустя сто лет, когда мне будет 135, меня всё ещё могут посадить в тюрьму за то, что я к чёрту замочил Кобэйна».

Мы сказали, что понимаем его нежелание. А неофициально1 он рассказал бы нам истинную историю? «Никто никогда не узнает, как он умер, — ответил он. — Вот что забавно». Мы продолжали настаивать: должна же быть какая-то причина, по которой Хоук назвал его в качестве убийцы Курта. Он делал паузу, а потом неожиданно сказал: «Хорошо, неофициально — я пришил его, пока это неофициально».

Стоп! Это было телефонное интервью, поэтому мы не могли увидеть, есть ли у него на лице признаки иронии. Он дерзок или остроумен? Возможно, но мы должны были встретиться с ним лично, чтобы составить мнение о нём и оценить его личность и степень доверия к нему. Нам не потребовалось много времени, чтобы у нас появилась возможность познакомиться лично. Он предложил показать нам «место преступления».

* * *

Сейчас март 2003 года, и мы пьём пиво с Алленом Ренчем в бифштексной Риверсайда под названием «Спанки Стир», в месте, которое выбрал Ренч из-за того, что оно находилось недалеко от железнодорожных путей, где Хоук встретил свой конец. За те три месяца, прошедшие с тех пор, как мы говорили в последний раз, мы немного покопались в биографии Ренча и обнаружили, что он был мастером бразильского джиу-джитсу и выиграл

американский национальный чемпионат по дзюдо (дивизион синего пояса) в 1997 году. Нас не покидала ирония. Курт всю свою жизнь испытывал отвращение к спортсменам. Было ли возможно, что последнее лицо, которое впечатлительный поэт видел на этой земле, было лицом этого фанатика боевых искусств? В любом случае мы отказались встречаться с этим человеком один на один, поэтому мы взяли с собой некоторую защиту в лице друга — актёра и мастера боевых искусств по имени Дэн ДиДжулио, который был более известен ролью Дэна Эйкройда в фильме ABC-TV «История Джильды Рэднер».

Мы всегда предполагали, что имя Аллена Ренча было вымышленным, потому что так также называется обыкновенный бытовой инструмент1. Но в предварительной проверке его биографических данных мы обнаружили, что это действительно его настоящее имя, что он действительно Ричард Аллен Ренч, родившийся 4 августа 1967 года, спустя шесть месяцев после того, как родился сам Курт. Кроме этого, мы узнали немного. В нашем телефонном разговоре он утверждал, что был арестован «несколько раз» за оскорбление, пьянство и нарушение общественного порядка, и разные другие преступления. Но самостоятельно мы нашли в полицейском отчёте о нём нечто более опасное, чем нарушение общественного порядка и вождение без прав.

Человек, сидящий перед нами в «Спанки Стир», был высок и имел крепкое телосложение, был одет в рок-футболку, шорты и кеды более опрятного вида, чем у калифорнийского панка. Аккуратно одетый, со слегка лысеющими висками и с аурой силы, способной стереть в порошок, он мог бы легко сойти за американского моряка. Вскоре мы обнаружили, что он также чётко выражает свои мысли и весьма разумен. Короче говоря, он соответствовал нашему стереотипу наёмного убийцы не более, чем сам Элдон Хоук, когда мы познакомились с ним семью годами ранее. Однако к тому времени, когда Ренч закончил рассказывать свою историю, мы уже не были так в этом уверены.

Ренч впервые встретился с Элдоном Хоуком в 1992 году, когда басист «Mentors» Стив Брой (также известный как доктор Хитэн Скам) закончил колледж и переехал в Риверсайд, чтобы начать работать инженером: «Я сам был музыкантом, как и Хитэн Скам, и Дуче, и мы тусовались и играли вместе на «Ранчо «Mentors» — так назывался дом, который доктор Скам купил в Риверсайде, — говорит Ренч. — На самом деле это было не ранчо, а немного земли и животных, поэтому мы его так называли. Во всяком случае, все мы стали довольно хорошими друзьями. Дуче по существу был бездомным, поэтому когда ему было некуда

пойти в Лос-Анджелесе, он приезжал в Риверсайд и без приглашения заваливался на ранчо».

Группа, названная по имени Ренча, не создавалась до тех пор, пока не прошло два года после смерти Хоука. До этого, по его словам, он проводил большую часть времени, занимаясь своими боевыми искусствами: «Это — мой выбор оружия. У меня есть коллекция оружия, боевого оружия и всё такое. Но я предпочитаю работать собственными руками». С тех пор, как группа была сформирована в 1999 году, они выпустили три альбома на собственной студии звукозаписи Ренча, «Devil Vision Records», но он говорит, что его музыка не окупает арендную плату: «Мы печатаем примерно 2 500 экземпляров каждого альбома, но мы, в конце концов, раздариваем большинство из них». Случайные заработки то тут, то там, наряду с нерегулярными концертами, и так проходит месяц.

А что с этими сатанинскими образами, спрашиваем мы.

«Это просто сатира в великой традиции самого Эль Дуче, — объясняет он. — Мы — не сатанисты или что-то вроде этого. Нам просто нравится смешивать это с нашей музыкой».

Мы решаем перейти к главному. Смерть Курта Кобэйна была убийством или самоубийством?

«Без сомнения, самоубийством».

Почему?

«Потому что я не собираюсь обвинять самого себя. Знаете ли, идеальное убийство всегда напоминает самоубийство. Хороший убийца напоминает военного снайпера. Они знают игру, они не озабочены своим эго. Они холодны и расчётливы. Посмотрите на Роберта Блэйка: он был мудаком. Посмотрите на Фила Спектора. Если вы собираетесь участвовать в этой игре, я думаю, что у вас должно быть немного интеллекта. Некоторые люди покупаются на то, что они думают, что требуется, чтобы убить кого-то, что, как я думаю, не является чем-то важным или трудным для выполнения. Они просто не переживают насчёт этого; они не практичны насчёт того, что случится, когда кто-то в конце концов умирает».

Ты когда-нибудь встречался с Кортни?

«Я никогда не встречался с Кортни. [Смеётся]. Почему бы вам не спросить её, встречалась ли она когда-нибудь со мной? Это — вопрос получше. Я думаю, что Кортни Лав — жертва своего рода плохой рекламы из-за этого. Я не думаю, что у неё будут какие-то проблемы, потому что классно то, что история звучит настолько неправдоподобно, что она кажется совершенно невероятной. А насчёт Кортни Лав — я думаю, что её незаслуженно обвиняют. У меня нет с ней вообще никаких проблем, и я не думаю, что у неё

есть проблемы со мной. Но, знаете ли, для вас или для меня пятьдесят тысяч долларов — это немного денег, но для парня вроде Эль Дуче, который думает, что, если у тебя есть пять долларов, то ты богат, это было бы довольно привлекательным предложением. Но я не думаю, что он смог когда-либо это делать. Насколько надо было поразить Дуче, чтобы он кого-то кончил, я не думаю, что кто-то подумает, что он сделал бы. Но, рассуждая логически, он знает многих людей в этаких трущобах андеграунда Лос-Анджелеса. Он, вероятно, знал кого-то. Так что, возможно, была такая тенденция, которая могла быть стратегией, если Кортни на самом деле действительно обращалась к нему. Дуче не был профессиональным наёмным убийцей. Я не думаю, что у него хватило бы храбрости, чтобы осуществить это. [Смеётся]».

Мы снова спрашиваем Ренча, почему Хоук назвал его в качестве убийцы Курта, если он не был в этом замешан. Мы также хотим знать точно, когда он узнал, что его имя было названо.

«Это было слегка проблематично. Я узнал о том, что Дуче упомянул обо мне, от парня по имени Ломас [сутенёр Дивайн Браун], который мерзкий наркоман. Он мне звонил. Когда я узнал, что Дуче назвал моё имя в документальном фильме, это отчасти слегка меня обеспокоило, поэтому я пришёл и поговорил с ним об этом. После того, как я обнаружил, что моё имя упомянули в фильме «Курт и Кортни» — я имею в виду, надо же сказать такую ужасную вещь — я сказал: «Эй, Дуче, что, чёрт возьми, происходит?». Я был не очень рад тому, что Дуче назвал меня убийцей Кобэйна. Я был этим не слишком доволен. Мы слегка поспорили, туда-сюда. Он извинился. Он не имел этого в виду, ничего такого».

Почему, по его словам, он назвал твоё имя?

«Он не говорил мне ничего конкретного. Он просто сказал, что это было случайно».

Если это неправда, почему он это сказал?

«Ну, вы могли бы оспорить тот факт, что он говорил даже не обо мне, потому что он не упоминает мою фамилию, он просто говорит «Аллен». Это мог быть какой угодно Аллен».

Что случилось потом?

«Ну, Дуче был совершенно неконтролируемым алкоголиком, он просил меня подбросить его до винного магазина. Я высадил его у винного магазина приблизительно в восемь вечера, а потом я уехал. Я больше никогда его не видел. Потом я узнал, что он забрёл на железнодорожные пути».

Ренч несколько раз в ходе разговора ссылался на то, что смерть Хоука — самоубийство. Мы спрашиваем его, считает ли

он, что Хоук хотел покончить с собой.

«Когда я высадил его, он казался явно обезумевшим», — говорит Ренч. Он внезапно разразился безумным смехом.

Что такого сделало его настолько обезумевшим?

«Я думаю, именно то, что он упомянул меня в фильме «Курт и Кортни». Я очень разозлился».

Всё ли было в порядке между вами к тому времени, когда ты высадил его у винного магазина? Ты простил его?

«После этого я приехал домой и на следующий день почитал газеты, всё было в порядке, — говорит он, смеясь. — Проблема разрешилась».

Сначала Ренч занялся своего рода жутким резко отрицательным опровержением — осторожной демонстрацией намёков, где было высказано всё, кроме: «Это сделал я». Почему-то он, казалось, хотел, чтобы мы поверили, что он убил Курта Кобэйна и Элдона Хоука. Мы всё ещё не покупались на это. По телефону он неофициально признался нам, что он имел отношение к смерти Кобэйна. Впоследствии, когда мы спросили его официально, почему он нам это сказал, он сообщил, что просто играл с нами. В конце концов, мы решили, что его вероятное признание, что он виновен в их смерти, казалось просто своего рода шуткой, которую разыграл этот рокер-великий паяц.

Что скрывалось за его бравадой? Чтобы проверить его оппортунизм, мы спрашиваем его, сколько денег он хочет за то, чтобы сняться в нашем документальном фильме. «Меня не интересуют деньги; вы можете купить мне ящик «Пабста», — отвечает он. Когда он встает, чтобы выйти в уборную, мы консультируемся с нашим «охранником». Кажется, все мы пришли к одному и тому же выводу: возможно, Ренч ведёт себя таким образом, чтобы получить скандальную известность для своей группы.

Вернувшись к столу, Ренч предлагает привести нас и показать нам точное место, где «окочурился» Хоук. Ресторан находится в небольшом супермаркете, расположенном в промышленном районе Риверсайда, как раз в стороне от шоссе. Когда мы выходим из «Спанки Стир», он указывает влево на маленький ряд складов приблизительно в пятидесяти ярдах на запад, с другой стороны выхода из супермаркета: «Вот где раньше был винный магазин. Вот там я высадил Дуче тем вечером».

Потом он указывает на рельсы прямо напротив маленького поля от ресторана: «Скажите, что здесь происходило нечто секретное. Скажите, что есть следователь, который подозревает, что он был убит. Он сказал бы: «Чёрт, посмотрите на эту

автостоянку. Тут был миллион свидетелей». Но если вы пойдёте со мной, я покажу вам кое-что. Идите-ка сюда». Он ведёт нас в направлении примерно тридцать пять ярдов на восток, мимо нескольких деревьев на поле неподалёку от путей. «Вот прекрасный промышленный район. За шумом автомобилей, проезжающих по шоссе, вы бы не услышали никаких признаков борьбы». Мы подошли к одному из участков путей. «Вот это место. Вот здесь Эль Дуче совершил самоубийство. Видите, если вы — вон там, на перекрёстке, ждёте, когда поменяется свет, вы не сможете увидеть нас. С другой стороны, это всё промышленное. Прекрасное маленькое местечко».

Он снова вернулся к тому, на чём он остановился, явно намекая, что смерть Хоука наступила в результате преступления: «Видите, если это случилось, когда зажглись огни там, на разъезде, возможно, были свидетели, видевшие, что случилось. Но ночью здесь никто не мог это видеть. Железнодорожные катастрофы несколько затрудняют судебное расследование. Это не похоже на то, когда у вас есть тело для исследования. Нельзя найти никаких признаков борьбы. Во многих случаях, когда вас сбивает поезд, нужно брать мешок для мусора, чтобы собирать кусочки, потому что от чёртова тела ничего не остаётся. Потом вызывают пожарных, чтобы вымыть поезд, потому что не остаётся ничего, кроме чёртова сока. Скажем, у вас есть этот бездомный алкаш, сбитый поездом, который спит на рельсах пьяный, и просто споткнулся перед ним. Кто будет задавать вопросы? Какой-нибудь следователь расследует эту смерть, они смотрят на уровень алкоголя в крови; от тела ничего не осталось, но они могут взять образец крови с рельсов и всё-таки измерить его уровень алкоголя в крови. Это бы проверял следователь, занимающийся несчастными случаями, и всё бы указывало на несчастный случай».

Мы стоим по меньшей мере в восьмидесяти пяти ярдах от винного магазина, где, как утверждает Ренч, он высадил Хоука тем вечером. Между магазином и этим местом есть перекрёсток и железнодорожный переезд. Если бы Хоук отправился домой от винного магазина, само собой разумеется, что он переходил бы рельсы на перекрёстке. Мы спрашиваем Ренча, почему он прошёл лишние пятьдесят пять ярдов от того места, где он по рельсам должен был пересечь оживлённое шоссе.

У него есть готовое объяснение: «Вы должны помнить, что, будучи бездомным, вы не будете думать, как привыкли, когда вы говорите: «Эй, я должен добраться до дома, потому что меня ждёт моя чёртова жена или подруга». Образ жизни бездомных нереален — на самом деле Дуче не был бездомным; я думаю, что он,

скорее, бродяга, в некотором роде странствующий, осматривающий мир. Вот то, чего люди не понимают. Я сто раз выходил из клубов с Дуче, и мы не могли найти нашу машину, а он говорит: «О, круто, давай возьмём картонную коробку, и будем спать прямо здесь». Это был его менталитет. Вот в чём прелесть этого. Никто никогда не узнает, была ли его смерть несчастным случаем, самоубийством или убийством».

Инсинуации Ренча начинают звучать как хвастовство крайне изголодавшегося по вниманию ребёнка. Каким бы шоком это не было когда-то, теперь это надоедало. Мы говорим ему прямо, что не верим, что он убил Курта Кобэйна или Элдона Хоука, но подозреваем, что он наслаждается тем фактом, что люди думают, что он это сделал. Он усмехается и ничего не говорит.

Интервью закончилось, мы провожаем его до машины. Там, на автостоянке за «Спанки Стир», стоит белый роскошный «Лексус» последней модели. Мы втроём смотрим на автомобиль, потрясённые несочетаемым зрелищем. Помимо того факта, что «Лексус» стоит почти 60 000 $, это также по стечению обстоятельств любимая модель машины Кортни Лав — автомобиль, который она потребовала у Курта купить ей в марте 1994 года. Ренч залезает в нёго, машет нам на прощание и уезжает, увозя с собой нашу уверенность в этом деле.

* * *

Элдон Хоук начал свой последний день на этой планете так же, как он начинал любой другой день: напившись. Прошлым вечером «Mentors» играли концерт в Баре Эла в Лос-Анджелесе. «Дуче был более-менее трезв в течение четырех дней перед концертом, — вспоминает басист «Mentors» Стив Брой. — До того, как выступать, он входил в своего рода функциональный уровень, так, чтобы он был в состоянии выступать на сцене. Он был алкоголиком, поэтому должен был поддерживать минимальный уровень выпивки в своём организме, но он был довольно чист. Потом, когда мы настраивали своё оборудование перед концертом, кто-то предложил ему выпить, и вот именно, он просто начал пить. Он в жизни так не напивался, как в тот вечер, до такой степени, что концерт был полным бедствием. Мы добрались домой в четыре или пять утра. Я напился в стельку и потом где-то в восемь утра я был разбужен Дуче, играющим громкую музыку».

После того, как Брой велел ему убавить звук, Хоук вышел, чтобы найти ещё спиртного. Он вернулся спустя час с упаковкой

из двенадцати пакетов 32-унциевого «Кинг Кобра», который он пил весь день.

Брой прокручивает ряд событий, которые привели к смерти его друга: «Так случилось, что я спал в другой комнате. Я проснулся днём, а Дуче ушёл. Зашёл Аллен [Ренч] и сказал, что в этот день в Риверсайде была уличная ярмарка, поэтому мы пошли на ярмарку и вернулись где-то в пять или шесть вечера, и Дуче был там. Он готовил барбекю на заднем дворе, и он был уже суперпьян. Я так устал, что у меня не было времени общаться с этим суперпьяным парнем. Поэтому я просто вошёл и сразу же завалился спать, оставив их снаружи. Когда я проснулся спустя час или около того, я увидел, что они уезжают на грузовике Аллена. Потом я проснулся на следующее утро, и Дуче там не было. Поэтому я предположил, что он остался у Аллена, потому что так было много раз. Он шёл туда и тусовался в доме Аллена. А где-то около полудня прибыл коронер, чтобы известить меня о том, что случилось, что он был сбит на железнодорожных путях прошлым вечером. Я был несколько смущён, потому что я держал в своей голове то, что он отправился домой к Аллену, и я сказал, Хм-м-м, там нет никаких железнодорожных путей. Я не понимал, что случилось, когда Аллен высадил его у магазина».

Думает ли он, что Ренч мог иметь какое-то отношение к смерти Хоука?

«Ни в коем случае, — говорит он. — Лучше бы ему не иметь. Дуче был моим другом. Я думаю, что, возможно, это был несчастный случай. Хотя он по-прежнему является членом «Mentors», Брой теперь играет на басу в «Kill Allen Wrench» и считает себя другом Ренча. Мы спрашиваем, считает ли он, что Ренч мог убить Курта Кобэйна.

«Это — другой вопрос, — говорит он. — Я не очень хочу это комментировать».

Мы спрашиваем его, что Хоук говорил ему о том, что Кортни предлагала ему 50 000 $. Он верит в эту историю?

«Нет. Зачем кому-то приходить к такому, как Дуче, и просить его убить своего мужа? Вам просто надо взглянуть на него, чтобы понять, что он — не тот, кого вы ищете. Он был всегда пьян».

Был ли он таким же жалким в 80-х, когда Кортни познакомилась с ним?

«Это дельное замечание, — отвечает он. — Он определённо деградировал за последние несколько лет своей жизни. Когда она знала его, он был гораздо более самоуверенным. Возможно, Кортни не понимала, каким плохим он стал. Я действительно теперь не знаю, чему верить. Он определённо водил компанию со многими знаменитостями. Однажды он вернулся в дом и сказал:

«Никогда не поверите, кого я встретил, и с кем я тусовался всю ночь». Я спросил: «С кем?». Он говорит: «С Томом Петти». Я бы не сказал, что он был хроническим лгуном или кем-то вроде этого, но он мог изредка рассказывать сказки, поэтому я ни на секунду не купился на эту историю. Потом спустя несколько дней он начинает конкретизировать историю и говорит: «Мы — хорошие друзья», а я сказал: «Да, точно». Потом я узнал, что всё это чистая правда. Приходит Том Петти, и они и вправду друзья».

Мы делаем несколько вылазок по Риверсайду и находим человека по имени Крис Поттер, который утверждает, что знал Аллена Ренча по местной бар-сцене. Он говорит, что слышал «слухи» о причастности Ренча к смерти Кобэйна.

«Кто, чёрт возьми, знает, правда это или нет? — говорит Поттер. — Несколько лет назад, он начал разъезжать в этом «Корвете» и бросаться большими деньгами. Потом вдруг у него появилось всё это звукозаписывающее оборудование, и он разъезжает в «Лексусе» и в грузовике. У него никогда не было ни гроша за душой. Я не знаю, где он взял деньги, чтобы купить такую вещь. Это — не из-за его музыки, это я вам точно скажу».

Действительно, спустя некоторое время после смерти Хоука Ренч создал группу, оснастил свой дом сложным аналогом звукозаписывающей аппаратуры на 100 000 $ — которое возможно купить подержанным приблизительно за 25 000 $ — и записал дебютный CD группы, «My Bitch Is a Junky» («Моя Чувиха Принимает Героин»)..

К тому времени, как мы вернулись в Канаду, мы были больше, чем когда-либо, сбиты с толку. Хотя мы по-прежнему считали историю о причастности Ренча неправдоподобной, в этом деле было достаточно много совпадений, чтобы повлиять даже на самого скептического наблюдателя. Наиболее озадачивающим из всех было недавнее обогащение Ренча, казалось, неожиданно приобретённое. Где он это взял? Мы решаем позвонить ему и спросить.

Тон его ответа был уже знакомым, как и его демонический смех: «Я могу получить пятьдесят штук баксов, которых хватит надолго», — объявляет он.

12

Сейчас — февраль 2002 года, и Кортни дала согласие выступить на телевизионном ток-шоу своей подруги Кэрри Фишер, «Разговоры на Грани», поговорить о своей жизни и карьере. Посреди записи они уже затронули широкий круг тем — детство Кортни, её родители, её дочь, её фильмы. Но одной темы явно избегали, и теперь Фишер решила коснуться её: «Так как ты познакомилась с Куртом? Мы никогда не говорили об этом».

Ответ Кортни показателен. «Давай не будем. Мне жаль, что я вообще вышла за него», — отвечает она.

Действительно, за годы, прошедшие со смерти её мужа, Кортни мастерски вышла из тени Курта и сама создала свой собственный имидж, сделав успешную музыкальную и актёрскую карьеру, избавившись — по крайней мере, на время — от значительной части имиджа плохой девочки, который американцы любили и ненавидели. Превращение из лохмотьев секонд-хэнда в Версаче и из грандж-музыкантши-героинщицы в кинозвезду было совершено настолько плавно, что легко понять, почему она когда-то описала себя как «хамелеон-пресс-шлюха». В конце 1994 года, когда к ней всё ещё было приковано благоприятное национальное внимание как к опечаленной вдове рок-идола, на плёнке Тома Гранта можно услышать, как она злорадствует по поводу того, как национальные СМИ «падают к моим ногам, желая взять у меня интервью. У меня есть власть», — торжествует Кортни.

К 1995 году она стала, как назвала её Барбара Уолтерс, «одной из десяти самых очаровательных людей» в Америке. Её признание большинством привело ко лжи о своей наркомании на шоу Уолтерс, но никто не мог отрицать, что она справилась со своей впечатляющим превращением в знаменитость, которую могла приветствовать вся Америка.

Превращение не было неожиданным. В ноябре 1994 года видели, как Кортни в комбинации до пола босиком бежала за женщиной на бульваре Сансет в Лос-Анджелесе и кричала: «Я убью тебя!» Этой женщиной была инди-певица Мэри Лу Лорд, одна из бывших подружек Курта, которая появилась на внеурочной вечеринке, на которой присутствовала Кортни. Кортни толкнула её, сказала ей: «Пошла вон отсюда!», а затем погналась за ней. Когда впоследствии Кортни спросили об этом инциденте, она сказала в интервью журналу «Spin»: «В этом мире есть пять человек, которых я убью к чёртовой матери, если когда-нибудь с ними столкнусь, и она — определённо один из них».

Двумя годами ранее, когда Курт был жив, Кортни позвонила Лорд и пригрозила: «Я отрежу твою башку и запихну её тебе в задницу — а Курт бросит тебя в духовку». Как сообщают, гнев Кортни вызвал биографический очерк о Лорд в «Boston Phoenix», в котором вскользь упоминалось о том, что она когда-то встречалась с Куртом. После выхода в свет в газету пришли два отправленных по факсу письма от Курта, который назвал Лорд «противной девицей» и утверждал, что не может даже вспомнить её имя или её лицо. Как сообщает бывший редактор газеты, Бретт Милано, письма были подписаны Куртом, но написаны почерком Кортни.

«Я бы не сказала, что Кортни безумно ревнива, — вспоминает этот инцидент Лорд. — Она просто безумна. Я понятия не имею, убила ли она Курта, но я думаю, что она способна на что-то подобное. Было время, когда я действительно боялась, что она меня убьёт».

В январе 1995 года Кортни была арестована после приступа гнева в воздухе на самолёте «Куантас» во время тура «Hole» по Австралии и Новой Зеландии. После того, как стюардесса попросила её успокоиться, слышали, как явно пьяная Кортни кричала: «Мне можно всё, что я захочу, чёрт возьми! Ты знаешь, кто я?».

Несколько месяцев спустя в первый день тура Лоллапалузы 1995 года «Hole» только что закончили своё выступление, когда Кортни увидела за кулисами Кэтлин Ханну из «Bikini Kill» с членами «Sonic Youth». Ханна была закадычной подругой Курта в Олимпии, и долгое время ходили слухи, что у них роман. Когда «Sonic Youth» вышли на сцену, Кортни решительно подошла к Ханне и ударила её кулаком в лицо. Когда против неё было выдвинуто обвинение в нападении, Кортни утверждала, что Ханна спросила её: «Где ребёнок? В туалете с капельницей?», но свидетели отрицали, что Ханна как-то её провоцировала. Кортни тогда утверждала, что Ханна была «самым злейшим в мире врагом Курта», и что она просто сделала то, что бы хотел сделать он. Как и в случае с Лорд, единственное, в чём была виновата Ханна, кажется, в её слабости из-за давнего романтического эпизода с Куртом. Кортни впоследствии признала себя виновной в нападении в зале суда штата Вашингтон, и ей дали год условно, предписав воздерживаться от насильственных действий и вынудив посещать занятия по управлению гневом. За пределами зала суда она сказала репортёрам: «Судья сказал, что я не могу бить её в округе Грант, но в Сиэтле я снова могу двинуть ей».

Однако подобные инциденты редко проникали в ведущие СМИ благодаря тщательно организованной кампании агентства

по связям с общественностью Кортни, «РМК», возглавляемое королевой знаменитых журналистов, Пэт Кингсли, которая гордилась рядом таких клиентов, как Том Круз, Аль Пачино, Джоди Фостер и Том Хэнкс. Вскоре любой репортёр, желающий взять интервью у Кортни или её группы, сначала был обязан подписать двенадцатистраничное соглашение, чтобы не спрашивать о теориях убийства, приёме Кортни наркотиков и о многих других спорных моментах из её прошлого. Кортни однажды ненадолго вышла из себя на выступлении на шоу «Today», на котором она, казалось, раскручивала свой фильм «Народ против Лэрри Флинта», когда репортёр спросил о её прошлой наркомании. «Куда вы клоните? — огрызнулась Кортни. — Я не собираюсь говорить об этом на шоу «Today», я просто не буду этого делать. Оно не демографическое, чтобы я испытывала желание говорить об этом».

Но было бы ошибкой приписывать успех Кортни исключительно её таланту манипуляции СМИ. Многие считают, что альбом «Hole» «Live Through This» — названный в «Rolling Stone» согласно опросу читателей альбомом года в 1994 году — шедевр. За свою впечатляющую игру в фильме «Народ против Лэрри Флинта» она была номинирована на Золотой Глобус. Вопреки её страстным отрицаниям, непримиримые противники Кортни настаивали на том, что именно Курт написал характерные музыкальные ходы на «Live Through This», и недавно обнаружились доказательства из неопубликованных студийных записей, которые, кажется, доказывают, что он действительно играл значительную роль в записи. Обвинения стали более колкими, когда Билли Корган утверждал, что написал добрую часть песен её следующего альбома, «Celebrity Skin», и публично жаловался, когда Кортни пыталась приписать их себе. Что касается её блестящей роли Алтеи Флинт, скептики обращали внимание на то, что она просто изобразила неуправляемую наркоманку — что не составило для Кортни никакого труда. Однако тексты песен на обоих альбомах — те, которые бесспорно написала Кортни — демонстрируют подлинный талант, и она получила больше признания в фильмах, в которых она снималась после «Лэрри Флинта».

Но пока мэйнстрим-Америка, казалось, наслаждалась любовным романом с новой Кортни, её прежние коллеги имели совершенно другое мнение. Самобытная грандж-группа из Сиэтла, «Mudhoney», записала песню “Into Yer Sctik», явно нацеленную на неё. В ней были слова: «Почему бы тебе не сказать, что ты тоже прострелишь свою башку?» В своей песне 1995 года «I`ll Stick Around» («Я Буду Поблизости») со своего

первого альбома Дэйв Грол записал со своей новой группой, «Foo Fighters», он поёт: «Как это могло быть / Я — единственный, кто видел твоё отрепетированное безумие / Я был рядом со всеми заложниками, которым ты заткнула рот и связала».

Общественный интерес к ней в последнее время снизился благодаря ряду легко забывающихся фильмов и относительной коммерческой неудачи «Celebrity Skin». Но в 2001 году Кортни снова появилась в качестве объекта очень ожесточенной и очень открытой судебной вражды с оставшимися в живых членами «Нирваны» за музыкальное наследие Курта. В июне Кортни предъявила иск Гролу и Новоселичу, чтобы блокировать выпуск предполагаемого набора дисков неизданной музыки «Нирваны», который должен был выйти к десятой годовщине выпуска «Nevermind». Судебный процесс был предназначен для того, чтобы освободить её от сотрудничества, в которое она вступила с Кристом и Дэйвом после смерти Курта. Шесть месяцев спустя они предъявили встречный иск, утверждая в Верховном суде Вашингтона, что иск Кортни «на самом деле касался того, чтобы гарантировать больше денег, чтобы поддерживать образ жизни примадонны Лав. В своих профессиональных деловых отношениях Лав нелогична, непостоянна, сосредоточена на самой себе, неуправляема, непоследовательна и непредсказуема…. По правде говоря, её действия направлены только на восстановление её карьеры, мотивируемой исключительно ее слепым эгоизмом…. Она использует музыку «Нирваны» как козырь, чтобы усилить влияние для своей личной выгоды, не имея никакого отношения к наследию «Нирваны». Наша музыка — просто пешка в её бесконечных судебных баталиях и её навязчивой потребности в рекламе и внимании». Четыре месяца спустя Дэйв и Крист — утверждающие, что Кортни была «недееспособна» — заявили ходатайство с просьбой направить её на проверку её психического здоровья.

Мыльная опера продолжала разворачиваться, когда мать Курта сделала заявление в поддержку Кортни и характеризующее Грола и Новоселича как «лгунов и мошенников». «Я потрясена и раздражена поведением Криста Новоселича, Дэвида Грола и их «менеджеров и адвокатов», — написала Венди. — Я знаю, что в последний год своей жизни мой сын с презрением относился к своим товарищам по группе и неоднократно говорил мне, что больше не хочет с ними играть или иметь к ним какое-то отношение. Крист Новоселич и Дейв Грол ни разу жизни не написали ни одной песни «Нирваны». Для них организовывать равное партнёрство смешно и не укладывается в голове».

Немногие поверили, что эти слова в заявлении написала

Венди. По словам Лиланда Кобэйна, несколько лет назад Кортни купила Венди очень дорогой дом и обеспечила её щедрым денежным содержанием. «Я не знаю, что у неё есть на Кортни, но это должно что-то значить для неё, чтобы дать Венди все эти деньги, — говорит Лиланд. — Я знаю, что Курт бы этого не хотел. Его мать не хотела иметь с ним ничего общего, пока он не стал знаменит».

Однако какая бы доброжелательность некогда не существовала между Кортни и Венди, она, кажется, наконец, рассеялась после того, как широко был предан огласке инцидент в Лос-Анджелесе осенью 2003 года, в котором Кортни, явно под влиянием наркотиков, была арестована полицией Беверли Хиллс после того, как пыталась взломать дверь своего менеджера и бывшего приятеля Джеймса Барбера в то время, как он находился у себя дома в постели с бывшей ассистенткой Кортни. После того, как её выпустили под залог, она была снова арестована несколько часов спустя, на сей раз по обвинению в хранению наркотиков, когда в её дом были вызваны медики, где у Кортни, как сообщали, произошла передозировка препарата оксиконтина, синтетической формы морфия, который обычно называют «героином деревенщин». Когда сообщили, что передозировка произошла в присутствии Фрэнсис Бин, сотрудники лос-анджелесского окружного Отдела Обслуживания Детей и Семьи решительно направились в школу Фрэнсис и взяли одиннадцатилетнюю девочку под свою опеку и защиту, обвинив Кортни в том, что она «забросила» своего ребёнка. Этот шаг привёл к ожесточённому сражению за опеку между Кортни и Венди, в ходе которого они подрались за пределами зала суда Лос-Анджелеса. «Венди свихнулась, — сказала Кортни в интервью нью-йорской «Дэйли Ньюс», — поэтому я отшлёпала её, как четырёхлетнюю девчонку».

Дэйв и Крист, в конце концов, разрешили свой спор с Кортни без суда, но судебные разбирательства и её собственный истощающийся коммерческий достаток сократили её финансовые ресурсы. С тех пор, как половина гонораров Курта перешла к Фрэнсис Бин на условное депонирование, Кортни была обязана подыскивать дальнейший источник финансирования на будущее. В начале 2002 года она продала неопубликованные дневники Курта издательству «Riverhead books» за дополнительный аванс в 4.5 миллиона $. Несколько месяцев спустя более двадцати его записных книжек, заполненных личными письмами, каракулями, рисунками и текстами песен, были выпущены в виде подарочного издания большого формата под названием «Journals» («Дневники») и сразу же стали всемирным бестселлером.

Однако публикация «Дневников» не везде приветствовалась. Один из рецензентов назвал это актом «грязного грабежа могилы», в то время как ещё один советовал бойкотировать их, потому что «каждый непроданный экземпляр даст издателям ещё одно объяснение того, почему некрофилия такого рода не должна повториться снова».

Как ни странно, в самих «Дневниках» есть намёк на то, как Курт мог себя чувствовать по поводу их публикации. В одной из записей в 1992 году он написал:

> За период с октября 1991 по декабрь 92 года у меня украли четыре записных книжки со стихами и личными письмами, которые я написал за два года…. Самое скверное из того, что я чувствовал в этом году — не преувеличения СМИ или ехидные сплетни, а насилие над моими личными мыслями. Ругань со страниц из-за моего пребывания в больницах и полётах на самолётах, пребываниях в гостиницах и т. д. Я чувствую, что вынужден сказать: «Мать вашу, Мать вашу, тем из вас, кто совершенно не относится ко мне по-человечески. Вы надругались надо мной хуже, чем вы когда-либо могли себе представить».

* * *

Поскольку приближается десятая годовщина смерти Курта, сомнения по поводу того, как он умер, не собираются рассеиваться. Скорее наоборот, они более сильны, чем когда-либо. Курт умер как раз тогда, когда Интернет начал завоёвывать свои позиции, и теперь существуют бесчисленные вебсайты и онлайн-форумы, посвященные исключительно теории убийства. Даже в Голливуде это не оставили без внимания. В октябре 2002 года «Закон и Порядок» Эн-Би-Си, известный экранизацией дел, «взятых из заголовков», показал эпизод, явно основанный на теории убийства Кобэйна. В нём показана честолюбивая, но повсеместно ненавидимая рок-н-роллщица, муж которой, рок-звезда, очевидно до этого совершил самоубийство. Когда её собственный отец обвиняет её в убийстве своего мужа, и упорный частный детектив работает над тем, чтобы возобновить дело, смерть её мужа оказывается убийством.

Том Грант обрадован таким принятием большинства теории убийства. Хотя он больше не работает частным детективом с полной занятостью, этот «Инспектор Джаверт грандж-мира», как

его назвали в одной газете, продолжает уделять немало времени и энергии делу Кобэйна. Он поклялся продолжать своё расследование в течение ещё десяти лет, если понадобится, пока «не свершится правосудие».

Именно самоубийства-подражания больше всего оказывают давление на Гранта. Исследование двойного самоубийства двух французских школьниц в 1997 году было особенно трудным, говорит он. Девочки Валентина и Орели, которым было всего двенадцать и тринадцать лет, оставили записку, в которой говорилось, что они были «влюблены в Курта» перед тем, как выстрелить себе в голову из винтовки. На момент смерти Курта им было всего девять и десять лет. «Они, вероятно, даже не знали в таком возрасте, кем был Курт, — говорит Грант. — Как отец трёх взрослых дочерей, такая утрата драгоценной жизни для меня является особенно волнующей. «Нирвана» каждый день приобретает новых фэнов. Дети продолжают убивать себя, потому что они думают, что так сделал Курт». В последние годы сообщается о множестве новых самоубийств-подражаний, и некоторые кризисные клиники сообщили об остром увеличении подростковой депрессии после выхода «Дневников» в 2002 году.

Несмотря на обвинения против неё, Кортни хранит непрерывное молчание. Незадолго до выхода нашей первой книги частный детектив, работающий на Кортни, по имени Джек Палладино, неожиданно появился на заднем дворе Йэна Гальперина и попросил посмотреть рукопись. Во внушительный список клиентов Палладино входили Пэтти Хирст, Снуп Догг, а также его нанимали для президентской кампании Билла Клинтона 1992 года, чтобы «сдержать прорыв тупых красоток». За ланчем Палладино сказал Гальперину: «Вы — музыкант, и у меня много связей в музыкальной индустрии. Я могу выручить вас, если вы выручите меня». У него была увесистая папка, содержащая полное досье о нашей личной и профессиональной жизни. Гальперин назвал Палладино нашу цену за то, чтобы бегло ознакомиться с рукописью: интервью с Кортни Лав, чтобы получить её мнение об этой истории. Против неё были выдвинуты серьёзные обвинения, и нас всегда беспокоило то, что мы не можем получить версию событий вокруг смерти Курта от самой Кортни. «Этого никогда не будет», — заявил Палладино. Мы обещали ему, что не напишем об обвинениях Элдона Хоука, если он сможет представить нам любые доказательства, доказывающие, что Кортни Лав не было в Лос-Анджелесе во время предполагаемого предложения 50 000 $. Он так и не вернулся к нам. Впоследствии за неделю до выхода нашей книги Палладино пришёл в офис издателя, требуя показать рукопись.

Ему отказали и быстро выпроводили из здания.

Фрэнсис Бин, которой в 2004 году исполнилось двенадцать лет, посещает престижную частную школу в Лос-Анджелесе. Кортни сказала в интервью «US Weekly», что она не объясняла своей дочери причины самоубийства Курта, пока ей не исполнилось семь лет. Она призналась, что страсть Фрэнсис — это лошади: «Она потрясающе ездит верхом. Её тренер считает, что ей можно ехать на Олимпиаду».

Майкл «Кэли» Дьюитт некоторое время работал в «Geffen Records», но, по-прежнему донимаемый проблемами с наркотиками, он, кажется, теперь исчез из вида.

Товарищи Курта по группе никогда публично не комментировали теории убийства. В 1998 году Говард Стерн в интервью спросил Дэйва Грола об этих теориях, но он отказался это комментировать. Однако наши собственные источники говорят нам, что ни он, ни Крист не очень-то доверяют теории Гранта. Хэнк Харрисон утверждает, что у него есть письмо, которое Крист послал ему по электронной почте в 1994 году, заявив, что «Курт умер, как Троцкий», намекая на русского революционера, который был убит в Мексике в 1940 году сталинистским агентом. «Я понял, что он имел в виду», — говорит Харрисон.

Неясно, продолжает ли Розмэри Кэрролл, теперь возглавляющая новую юридическую фирму в Нью-Йорке, официально представлять Кортни в каком-либо качестве. В 1995 году, вскоре после того, как Том Грант публично признался в сомнениях Кэрролл относительно самоубийства, Кортни лишила её статуса крёстной Фрэнсис Бин и заменила её Дрю Бэрримор.

Дилан Карлсон по-прежнему живёт в Сиэтле, где продолжает играть в своей группе «Earth». Он не считает, что Курт был убит.

Аллен Ренч отказался от нашей просьбы пройти проверку на детекторе лжи.

Кейтлин Мур уехала из Сиэтла и исчезла из вида вскоре после смерти Курта.

Хэнк Харрисон в настоящее время ищет издателя для своей биографии Курта.

* * *

Когда мы были не в состоянии назвать Кортни убийцей Курта в нашей первой книге, некоторые теоретики убийства думали, что это из-за того, что мы боялись, что на нас подадут в суд. Дело в том, что мы просто не могли найти явных улик, непосредственно

связывающих Кортни Лав с преступлением. Кортни никогда не предъявляла иск Тому Гранту или кому-либо ещё за её публичное обвинение в убийстве. Также она никогда не предъявляла иск ни к одному информационному агентству за распространение обвинений. Вряд ли она когда-нибудь это сделает. Грант верит данным о том, что тот факт, что ей придётся давать показания под присягой, не позволяет ей обращаться в суд. Он говорит, что с одобрением отнёсся бы к судебному процессу. Мы, в свою очередь, если отыщем доказательства, свидетельствующие о том, что она сделала так, что её мужа убили, никакая угроза судом не помешает нам придать это огласке.

Теперь, когда мы слушаем несколько часов записей Гранта, документально подтверждающие события апреля 1994 года, Кортни с этим справилась не очень хорошо. В ходе нашего прослушивания она то плетёт интриги, то сознаётся во лжи и тщательно продуманных уловках, то обращается с непонятными просьбами и обсуждает все детали искажения той или иной истины согласно своим потребностям. Она, кажется, отчаянно пытается отыскать своего мужа, но всегда тщательно просчитывает то, как обстоятельства могли бы повлиять на продажи её альбома. Она — рыдающая, в одиночку борющаяся с наркотиками женщина в один момент и явная наркоманка в другой; то надоедливо заботлива, говоря о своём пропавшем муже, то в ярости клянётся отобрать у него всё до последнего гроша; временами самоуверенная, а затем раздражающе благочестивая. Однако на этих плёнках мы не услышали ни малейшего доказательства того, что она непосредственно причастна к смерти Курта или передозировке Кристен.

По словам заслуживающих доверия медицинских и полицейских экспертов, судебных доказательств в этом деле больше чем достаточно, чтобы, по крайней мере, изменить заключение с «самоубийство» на «не установлено». Это было бы первым шагом к возобновлению расследования, того, которое, кажется, характеризовалось безразличием с самого начала. Кроме того, без всяких сомнений, косвенные доказательства являются компрометирующими. Почему Кортни сделала два отдельных ложных сообщения в полицию, и почему она явно ждала более двух часов, прежде чем вызвать «скорую» после передозировки Курта в Риме? Эти действия, по меньшей мере, вызывают подозрения. Кажется ясным, что на момент своей смерти Курт решил начать новую жизнь без Кортни. Возможно, мы никогда не узнаем, для кого он купил тот второй билет на самолёт, предназначался ли он для его новой возлюбленной, как думала Кортни, или нет. Но ясно, что Курт хотел уйти, буквально и

легально. Их предсвадебное соглашение, которое гарантировало, что она не будет иметь доступа к его миллионам, в случае его развода с ней, конечно, предусматривает мотив для преступления. По крайней мере, Кортни должна ответить на некоторые вопросы — вопросы, которые так и не были заданы на момент смерти Курта.

Однако наличие большого количества людей, которые верят, что Кортни сделала так, чтобы её мужа убили, не доказывают, что это так. Возможно она — просто жертва нескольких неудачных совпадений. И всё же только один человек имеет такую власть, чтобы восстановить свою репутацию, и этот человек — Кортни Лав.

* * *

В начале 1995 года Кортни сделала укоризненный телефонный звонок Тому Гранту во время тура по Новой Зеландии со своей группой. Он последовал сразу после того, как Грант обвинил её в причастности к смерти её мужа на национально синдицированном радиошоу Тома Лейкиса. По мнению Гранта, правда скрывается в отчёте судебно-медицинского эксперта, доступном исключительно вдове Курта. Только фактический отчёт может отклонить сомнительное токсикологическое доказательство, которое уже просочилось в СМИ. Кроме того, фотографии, которые находились в нём, могли исключить возможность убийства. Предоставление этого отчёта, сказал Грант Кортни по телефону, положило бы конец его сомнениям.

«Вот что сможет очень быстро разрешить это и решить все твои проблемы — если у меня будет копия отчёта коронера, и если Кэли приедет, чтобы пройти проверку на детекторе лжи, — говорит ей Грант. — Это же так просто. Ты должна просто сделать телефонный звонок, и это будет сделано».

«Тогда дай мне разобраться с этим, — отзывается Кортни. — Ты хочешь, чтобы я позвонила Николасу [Хартшорну] и получила отчёт коронера? Я имею на это право?».

«Конечно, — отвечает Грант. — Это твоё право. Ты просто должна его попросить».

«Хорошо. Шестнадцатого я вернусь и получу его у Николаса, — уверяет она его. — Я передам его тебе из рук в руки. Я обещаю. Ты должен будешь принести мне большое грёбаное извинение, когда это кончится».

«Ты его получишь, — отвечает он. — Поверь мне».

Больше Грант не получал от неё известий.

Ради Курта и ради многих фэнов, которые могут по-прежнему подвергаться искушению последовать тому, что, как они верят, было его путём, Кортни Лав пора сдержать своё обещание.

ПРИМЕЧАНИЕ ОБ ИСТОЧНИКАХ

В этой книге используется широкий круг первоисточников, включая сотни личных интервью с друзьями и знакомыми Курта и Кортни, проводившихся между 1994 и 2003 годами; отчёты Полицейского Управления Сиэтла, полученные согласно законодательству о Свободе Информации штата Вашингтон; полицейские отчёты штата Калифорния; и личные плёнки и архивы Тома Гранта по этому делу.

Эссе Роджера Льюиса «Мертвецы Не Спускают Курки», и его исчерпывающее медицинское и судебное исследование — на большей части которого мы подробно остановились в этой книге — были ценным источником информации для четвёртой главы, как и судебные данные, предоставленные нам помощником коронера Колорадо Дениз Маршалл.

Книга «Кобэйн» редакторов «Rolling Stone» была ценным источником интервью с Куртом и Кортни за эти годы.

Мы особенно признательны биографии Чарлза Кросса, «Тяжелее Небес». Поскольку подразумевается, что его книга авторизирована Кортни Лав, Кросс смог взять интервью у некоторых из ключевых лиц, которые отказались говорить с нами, и мы задействовали несколько его интервью в нашем собственном исследовании.

ВЫРАЖАЕМ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

В течение этих девяти лет, когда мы занимались этим делом, нам оказывали содействие очень многие люди, решившие помочь нам докопаться до истины. Среди них — многие, кто по понятным причинам попросил не называть их имена, включая членов Полицейского Управления Сиэтла, друзей Курта и Кортни и других, ратующих за правосудие ради Курта Кобэйна и Кристен Пфафф.

Мы особенно благодарны нашему агенту, Люку Джанклоу, за того, что он сразу поверил в нас и за его веру в то, что вторая книга об этом деле не будет излишней. Мы с удовольствием работали с нашим редактором, Люком Демпси, в «Atria/Simon & Schuster», который осуществлял редактирование крайне позитивно и чьё терпение, перспектива и понимание были неоценимы.

Особенно благодарим Джеки Чарлтон и Филлис Бэйли за чтение и корректуру рукописи по мере её создания, и за редакторские и мудрые советы по ходу дела.

И искренне благодарим следующих: Лиланда Кобэйна, Элис Уилер, Джиллиан Гаар, Роджера Льюиса, Лори Клермон, Дэна Сирса, Норма Пфаффа, Дэйва Рида, Этель Рид, Джэнет и Джейсона Пфафф, Дэна ДиДжулио, Кэлвина Джонсона, Шона Скаллена, «CKCU-FM», Арлин Бинон, Тодда Шапиро, Стюарта Налмана, Майкла Ландсберга, Джеффа Марека, Боба Мэковица, Сьюзен Рэбинер, Марко Коллинза, Вернона Джеберта, Джоэла и Диони Тейтелбаум, Хайме Роскиса, Эдварда Джелба, Джекки Коллинз, Алисию Брукс, Пэта Дуайера, Уиллоу Джеймса, Фелисию Синуза, Майкла Льюина, Рисию Морейру, Бренду и Мэрвина Лаксенберг, Брайана Ришуэйна, Кэти Хьюитт, Хамбла и Фреда, Мэри Лу Лорд, Мори Пович, Ника Брумфилда, Макса Джаррелла, «Experience Music Project», Жана-Пьера Уэссе, Нила Бакши, Рэйчел Хорни, Аллана Катца, Файону Йорк, Джойс Макфи, Ли Чарлтона, медицинскую и юридическую библиотеки Университета Торонто, Абердинскую Публичную Библиотеку, Абердинское Историческое Общество, Тэда Наджента, Мораг Йорк, Хэнка Харрисона, Анну Вулверстон из «Sub Pop», Ариэль Лемерсье, Стива Шейна, Барбару Дэвидсон, Бренду Плант, Дениз Шеппард, Джоакима Брюера, Даффа Уилсона и Дидтру Хендерсон из «Seattle Times», Джона Окли, Питера Клири, Меган Бокнер, Карен Голден, Шарлотт Голден, Марка Коннелли, Дилана Карлсона, Питера Энтони Холдера, Грега Харриса, Джейн Хотин, Майка Мерритта, «MTV», Скотта Майера, Сьюзен Варгу, Ника

Регуша, Ауди Гозлана, Джулиуса Грея, радио «MOJO», Сиэтлскую Публичную Библиотеку, Джимми Сопрано, Дэвида Нэнэзи, Ламонта Шиллингера, Кловера Ская Уокера Гальперина, 1077 The End, Дженнифер Уолкер, Сантину Леучи, Дайэн Димонд, «Crocodile», Маргарет Ван Нутен, Уоррена Мэйсона, Виктора Шиффмана, Алэстера Сатерлэнда, Слима Муна, Джеймса Морланда, Дэниела Харриса, Хетер Робб, Нила Кушнера, Джорджа Стеллоса, Хетер Грево, Франца Дезиле, Роберта Флеминга, Говарда Стерна, Хилари Рикрод, Йэна Маклина, «CHOM-FM», Жюльена Фельдмана, Чарльза Петерсона, Дэниела Санджера, Эсмонда Чьюика, Ноа Люкмана, Дениз Маршалл, Рошелль Маршалл, Пола Эриксона, Нонни Рэнкина, Розза Резабека-Райта, Донни Коллиера, Патрика Сэнфакона, Джереми Уоллеса, Мела Уоллеса, «Rockets», всем нашим семьям, и, наконец, покойной бабушке Макса Уоллеса, Энн Бэйли, и покойной матери Йэна Гальперина, Мириам Гальперин, которая привила нам сильную веру в правосудие.

Об авторах:

МАКС УОЛЛЕС — обладатель премии «Rolling Stone» за Журналистское Расследование; также он является режиссёром-документалистом. В 1998 году он в соавторстве с Йэном Гальпериным написал международный бестселлер «Кто Убил Курта Кобэйна?». Он — также автор книг «Величайший Бой Мухаммеда Али: Кассиус Клей против Соединённых Штатов Америки», и «Американская Ось: Форд, Линдберг и Начало Третьего Рейха». Его первый документальный фильм, «Слишком Красочный для Лиги», был номинирован на премию Джемини (канадский эквивалент премии «Эмми»). Макс был приглашённым обозревателем постоянной рубрики в выпуске «Sunday New York Times» и сотрудничал с Би-Би-Си.

ЙЭН ГАЛЬПЕРИН — также бывший обладатель премии «Rolling Stone» за Журналистское Расследование. Он также является автором или соавтором пяти книг, включая бестселлеры «Огонь и Дождь: История Джеймса Тэйлора», и «Селин Дион: По Ту Сторону Волшебной Сказки», а также множества докладов по модельной индустрии. Он в соавторстве с Максом Уоллесом написал книгу «Кто Убил Курта Кобэйна?». Йэн — постоянный корреспондент «Court TV» и сотрудничает с «60 Minutes 2».

Ольга Фёдорова — рок-музыкант, писатель, автор первого перевода «Дневников» Курта Кобэйна.

Страницы в Интернете: www.proza.ru/author.html?fabiehynd
www.stihi.ru/author.html?fabiehynd
music.lib.ru/o/olxga_f/